Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Марія Ѳеодоровна Достоевская,

Мать Ѳ. М. Достоевскаго.

Ѳ. М. Достоевскій

Собраніе сочиненій

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія

собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера:*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ *автора.*

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И Введенскаго;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Айхенвальда;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова,*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

Съ многочисленными приложеніями

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Неточка Незванова. — Маленькій герой. — Дядюшкинъ сонъ.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе

	Стр.
Неточка Незванова	3
Маленькій герой (Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ) .	239
На европейскія событія въ 1854 г. (Стихотвореніе)	293
Дядюшкинъ сонъ (Изъ Мордасовскихъ лѣтописей)	299

Приложеніе.

Стр.

Марія Ѳедоровна Достоевская (Мать Ѳ. М. Достоевскаго) I

Неточка Незванова.

I.

Отца моего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ разсказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все, что я теперь буду разсказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ товарищемъ и коротким пріятелемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима была Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ очень богатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Разсказывали про него, что онъ, никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на какія-то воды, и поѣхалъ не болѣе какъ на нѣ-

сколько недѣль, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три концерта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ человѣкомъ. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержаніе домашняго театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человѣкъ. Когда его выгнали, онъ совершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человѣкомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и странная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ хоть сколько-нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу, и даже самъ помѣщикъ, который сначала запрещалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли по утру крестьяне во рву, у плотины. Нарядили слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наслѣдовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наслѣдникомъ въ случаѣ своей смер-

ти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно сберегавшагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наслѣдства. Но только спустя нѣсколько времени къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, оставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ очень желалъ пріобрѣсть для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавилъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобъ покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упорствѣ Ефимова видитъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего жъ ты не хочешь отдать скрипку? — спросилъ онъ его: — она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь неразумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не пойдетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская; графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ коснулся самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостью

говорилъ, что знаетъ какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные артисты и что, благодаря имъ, его оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо! — отвѣчалъ помѣщикъ: — я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ кларнетъ, хоть ты и плохой кларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, — отвѣчалъ онъ: — конечно, ваша воля...

— Да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! — закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой сценѣ очень невыгодно объ участи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра. — Ступай же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ «артистомъ», какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся, и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяцъ, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виноватъ въ смерти итальянца и умертвилъ его съ корыстною цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Онъ доказывалъ, что завѣщаніе было выманено насильно, и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго капельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоцѣннымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ, божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго взгляда доказательства его показались серьезными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справедливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда

уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ-нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернскій городъ пріѣхалъ какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать мимоѣздомъ нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ же началъ стараться какимъ-нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ; французъ обѣщался пріѣхать. Уже все было готово къ его пріѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвѣстно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычай-

номъ положеніи: не доставало кларнета, какъ вдругъ, три дня спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно, обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ человѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипача, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпощадно, безсовѣстно оклеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И, наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомляли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣли угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа, въ которой тотъ приглашалъ его немедленно къ себѣ и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжій виртуозъ теперь у него, вмѣстѣ съ Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветой послѣдняго,

приказалъ задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа; дѣло это очень важно, и нужно его разъяснить какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ — скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человѣкъ вольный, пользовался полною свободою, и всегда, во всякое время, могъ бы оставить его, если бъ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ въ справедливости того, что успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодяй, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, — отвѣчалъ мой отчимъ: — по вашей милости я едва ушелъ отъ уголовнаго наказанія. Знаю, по чьему наущенью Алексѣй Никифорычъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою; но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что

онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость Ефимова заключаетъ въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше проситъ позволить арестовать его сейчасъ же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что не понимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и — хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житье, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщичьемъ оркестрѣ и не имѣя средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную комнату дома и пригрозили, что завтра же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ, и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стулъ.

— Егоръ, — сказалъ онъ ему: — за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ; какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучала въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! — отвѣчалъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою: — знать, бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не

житье мнѣ у васъ, не житье . . . Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ! — началъ снова помѣщикъ: — воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ; я положу тебѣ не въ примѣръ другимъ жалованье . . .

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жилецъ я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь; на меня находитъ, и такая тоска подчасъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною . . .

— Кто? — спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что издохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступился, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою погибель. Лучше бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился; онъ только показывалъ, — и легче чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: «Егорка! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать», — а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ что самъ не знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужъ я что-нибудь такое надъ собой сдѣлаю, чтобъ меня куда-нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! — сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія: — я тебя такъ не оставлю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь такъ не уйду отъ тебя. Сыграй мнѣ что-нибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, сыграй! Ради Бога, сыграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: сыграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то, что ты французу игралъ! Отведи душу! Ты упрямъ, и я упрямъ; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, почувствуй и ты, какъ я. Живъ не могу быть, покамѣстъ ты мнѣ не сыграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что французу игралъ.

— Ну, быть такъ! — сказалъ Ефимовъ.—Далъ я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, именно передъ вами, а теперь сердце мое разрѣшилось. Сыграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хоть бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіаціи на русскія пѣсни. — Б. говорилъ, что эти варіаціи — его первая и лучшая пьеса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слышать музыку, плакалъ навзрыдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперь ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ, но слушай: больше ужъ ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней,

такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай!.. Подожди! Еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не зазнавайся! Говорю тебѣ, какъ бы отецъ твой родной сказалъ тебѣ. Смотри же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!) — пиши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ-нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперь прощай!.. Постой, поцѣлуй меня!

Они поцѣловались, и вслѣдъ за тѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ то же время съ самой черной, грязной компаніей какихъ-то гулякъ, и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціальнаго театра, въ качествѣ первой и, можетъ быть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполнѣ образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко язвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на

него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ, называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспоможеніи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по расплатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи нельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя, такимъ образомъ, съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ-нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлыхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерпѣлъ его талантъ, безпрерывно стѣсняемый безпорядочною, нищенскою жизнью, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ поселился гдѣ-то на чердакѣ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружились, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя: сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стре-

мился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаніемъ силъ своихъ и почти разсчитавъ заранѣе, что изъ него выйдетъ, — тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлыя семь лѣтъ изъза куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея, выбиться, наконецъ, изъ сквернаго положенія, скопить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самого Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый, какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣриться черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ безпрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима какъ будущаго великаго музыкальнаго генія. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе — не что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о про-

павшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и безпрерывной фантазіи, безпрерывной мечты о собственномъ геніи. «Но,— разсказывалъ Б., — я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась въявь отчаянная, лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутренняго безсилія. Несчастный цѣлыя семь лѣтъ до того удовлетворялся однѣми мечтами о будущей славѣ своей, что даже не замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его безпорядочномъ воображеніи поминутно создавались самые колоссальные планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первоклассникъ геніемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ геніемъ, — онъ, сверхъ того, думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня, — прибавлялъ Б., — то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникѣ искусства — было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принялъ себя, вмѣсто глубокаго инстинктивнаго критика искусства, за жреца самаго искусства, за генія. Порой ему удавалось на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить

мнѣ такія глубокія истины, что я становился втупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, никогда ничему не учившись, и я много обязанъ ему, — прибавлялъ Б., — ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что же касается до меня, — продолжалъ Б., — то я былъ спокоенъ насчетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ; но зато я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напротивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ безпрерывному, неусыпному труду, ясному сознанію силъ своихъ, добровольному самоуничтоженію и вѣчной враждѣ къ заносчивости, къ раннему самоудовлетворенію, и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія».

Б., въ свою очередь, попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому такъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и вскорѣ несчастный впалъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ

его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него; совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ боялся выговорить слово. Мало-по-малу Ефимовъ дошелъ до самаго крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ средства къ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у купцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые хотя понемногу, но что-нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ кроткимъ образомъ, что не худо бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображая, что кто-нибудь будетъ упрашивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ и не будетъ такъ подлъ, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надумавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіи своего товарища, который ушелъ играть, вообразилъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ

живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ зарабатывать деньги. Когда Б. воротился, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка и объявилъ, что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ, дѣйствительно, исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свычка и дружба, да еще состраданіе, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житье и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ пріобрѣлъ чье-то сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возрастающая извѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Разставаясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь. — Б. и теперь не можетъ вспомнить о немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Вмѣстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе. — Б. понималъ его; онъ видѣлъ его насквозь и предузнавалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаніи они обнялись, и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчаст-

нѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! — заключилъ онъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронутъ.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, — говорилъ онъ ему: — что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ; у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ уныніе, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею жизнью. Ты же разсказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житьѣ. И тогда тебя посѣтило безсознательно тоже отчаяніе. Тогда твой первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много разсказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты сознавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое на-

значеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я; но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а главное,— начинай сызнова, съ азбуки. Что тебя мучитъ? Бѣдность, нищета? Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онѣ неразлучны съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ, что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобъ его понимали, а ты увидишь, какія лица обступять тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что и съ презрѣніемъ смотрѣть на то, что въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, безсонными ночами. Они не ободрятъ, не утѣшатъ тебя, — твои будущіе товарищи; они не укажутъ тебѣ на то, что въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то, въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ будутъ, какъ праздникъ, праздновать каждую твою ошибку (будто кто-нибудь былъ безъ ошибокъ!). Ты же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда бѣда, — ты будешь одинъ, а ихъ много; они тебя истерзаютъ булавками. Даже я начинаю это испытывать. Ободрись же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай

черной работой, руби дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечеринкахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работы своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ, и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй же, подожди, поучись, и если не надѣешься на силы свои, такъ иди на авось; въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, все-таки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что. выигрышъ слишкомъ великъ. Тутъ, братъ, наше *авось* — дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшаго товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, блѣдность сходила съ щекъ его; онѣ оживились румянцемъ; глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Однакожъ онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глубокаго самоуничтоженія и унынія до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не безпокоился объ его участи, что онъ знаетъ, какъ устроить свою судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ зазоветъ себѣ и славу и деньги. — Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались, хотя, разумѣется, ненадолго. Ефимовъ тотчасъ же про-

жилъ данныя ему деньги и пришелъ за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на человѣка дурно одѣтаго, хмельного, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ; видно было, что безпутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимымъ образомъ. — Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, пошелъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, маленькой, закопченной комнатѣ, онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ; растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и вылѣзать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? — спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ, Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактирѣ ему давно уже не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ; но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбы-

лось вполнѣ. Однакожъ, онъ приказалъ подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цѣловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда тутъ же узналъ, что жена составила все его несчастье и горе, и что женитьба убила вполнѣ весь талантъ его.

— Какъ такъ? — спросилъ Б.

— Я, братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, — отвѣчалъ Ефимовъ. — Баба, кухарка, необразованная, грубая женщина. Что бъ ее!.. Только деремся, больше ничего не дѣлаемъ.

— Да зачѣмъ же ты женился, коли такъ?

— Ѣсть было нечего. Я познакомился съ ней; у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Она же влюбилась въ меня. Сама ко мнѣ повисла на шею. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и — какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣлъ, что Ефимовъ какъ будто спѣшилъ въ чемъ-то передъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, — прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б. и изъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станетъ, если онъ захочетъ того.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? — сказалъ удивленный Б.: — ты бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоитъ! — сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою. — Кто изъ васъ тамъ хоть что-нибудь понимаетъ! Что вы знаете? Шишъ, ничего, вотъ что

вы знаете! Плясовую какую-нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣть — ваше дѣло. Скрипачей-то вы хорошихъ и не видали, и не слыхали. Чего васъ трогать; оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукой и покачнулся на стулѣ, потому что порядочно охмелѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ звать къ себѣ Б.; но тотъ отказался, взялъ его адресъ и увѣрилъ, что завтра же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшаго товарища и всячески старался чѣмъ-нибудь уколоть его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу Б. и подалъ ее, какъ низшій высшему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ Б. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязенъ въ эту минуту.

Б., однакожъ, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили тогда въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой, и, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наслѣдство было раздѣлено между его наслѣдниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантки опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ, и дѣй-

ствительно влюбилась въ него. Она была энтузіастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то генія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности; воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей геніальнаго человѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ быть, изъ-за того, что у матушки моей была какая-нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глазъ на глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ пѣсни да музыка, и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастье. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадовался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который бы можно свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолѣвала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьян-

ству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ быть, самъ не зналъ, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка, и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая погубила его,* все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, бранчлива, поминутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Но ослѣпленіе, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сдѣлали его почти безчеловѣчнымъ и безчувственнымъ. Онъ только смѣялся, и поклялся не брать въ руки скрипки до самой смерти жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей страстно любила его, несмотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-страждущею, жила въ безпрерывныхъ терзаніяхъ, и, кромѣ всего этого горя, на нее одну пала забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье и сначала открыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нее потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекрашиваніемъ стараго платья. Такимъ образомъ мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б. — Послушай, вздоръ ты все говоришь, — сказалъ онъ

отчиму: — гдѣ тутъ убитый талантъ? Она же тебя кормитъ, а ты что тутъ дѣлаешь?

— А ничего! — отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища; наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ околичностей, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ, наконецъ, сыграть ему что-нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотрѣть, что можно будетъ для него сдѣлать. Когда же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаяніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился. — Я сыграю тебѣ что-нибудь изъ моего собственнаго, по дружбѣ, — сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, — сказалъ онъ, указывая на тетрадь. — Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что-нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однакожъ, боясь по-

терять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б. — Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно много занимался и пріобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надо было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый Б. рѣшился пристроить отчима. Онъ уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительное слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покамѣстъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, кажется, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга. — Б. разсказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное поклоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ-нибудь потерять его благорасположеніе. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему пріискали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяцъ прилежанія и труда воротилъ все, что потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщалъ и впредь заниматься и быть исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положеніе нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копейки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и проѣдалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ же завелъ цѣлый

кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями, хористами, фигурантами, однимъ словомъ съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать, и избѣгалъ людей истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ какое-то особенное уваженіе, тотчасъ же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслитъ въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставять на сцену, и, наконецъ, надъ самыми авторами игравшихся оперъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, пріобрѣлъ репутацію самаго безпокойнаго, самаго вздорнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталъ для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, безполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ то же время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б., выдумалъ самую скверную сплетню, самую гадкую клевету и пустилъ ее въ ходъ за очевидную истину. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ лохмотьяхъ, потому что поря-

дочное платье все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить къ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они такому гостю, разносилъ сплетни, болталъ вздоръ, плакался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ глядѣть злодѣйку-жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгнаннаго товарища, заставлять его болтать всякій вздоръ. Къ тому же, онъ говорилъ всегда остро и умно и пересыпалъ свою рѣчь ѣдкою желчью и разными циническими выходками, которыя нравились извѣстнаго рода слушателямъ. Его принимали за какого-то сумасброднаго шута, котораго иногда пріятно заставить болтать отъ бездѣлья. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомъ-нибудь новомъ заѣзжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, разузналъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ же начиналъ ревновать къ его славѣ. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство, — его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ не понятъ и находится въ неизвѣстности. Послѣднее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслухъ, или утѣшать себя втихомолку, поклоняясь своему непризнанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ и, по своимъ понятіямъ, ни въ комъ изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатоки и дилетанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при

немъ о какомъ-нибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобъ заставить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдкія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто на свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой каррикатурѣ изобразить современныя музыкальныя знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознавались въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ коридорахъ театра и за кулисами. Служители пропускали его безпрепятственно, какъ необходимое лицо, и онъ сдѣлался какимъ-то домашнимъ Ѳерситомъ. Такое житье продолжалось года два или три; но, наконецъ, онъ наскучилъ всѣмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе, и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду канулъ, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слыхалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили поутру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему. Ефимовъ стоялъ хмельной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ

идти въ комнаты. Смыслъ его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталанным людямъ, водиться съ такою знатью, какъ вы; что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобъ съ праздникомъ поздравить: поклонимся и уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было сально, глупо и отвратительно гадко. Съ этихъ поръ, Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страшнымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Вотъ какимъ образомъ случилась она... Но прежде я должна объяснить, что такое было мое дѣтство и что такое былъ для меня этотъ человѣкъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ, и который былъ причиною смерти моей бѣдной матушки.

II.

Я начала себя помнить очень поздно, только съ девятаго года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятаго года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у стариннаго образа; потомъ, какъ меня однажды сшибла на улицѣ лошадь, отчего, какъ мнѣ послѣ разсказывали, я пролежала больная три мѣсяца;

еще, какъ во время этой болѣзни, ночью, проснулась я подлѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ болѣзненныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забиваясь подъ одѣяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего и заключаю, что я ее боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно недѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то странно доступны. Все прояснилось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и странный колоритъ на все время житья моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или, лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома, и были низенькія, широкія, словно щели. Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, скамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода; мы жили подъ самой кровлей, въ шести-

этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеенчатаго дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простого бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покачнувшись на-бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка, и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала и бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла батюшку, чтобъ заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынесть за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ такъ же боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась. Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и впередъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кон-

чится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцѣловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ быть, первая ласка родительская, можетъ быть, оттого и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что заслужила милость отца за то, что за него заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ, меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выноситъ горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возмущала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное, *материнское* чувство, если бъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти. Отецъ казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, неестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться о немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ я, ребенокъ, могла хоть что-нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по-своему; но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ быть, матушка

была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу, какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, заодно.

Я уже разсказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротой началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣшними впечатлѣніями. Я начала думать, разсуждать, наблюдать; но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по-своему, и я вдругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто разсказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странныя понятія. Я очень хорошо узнала, — но не знаю, какъ это сдѣлалось, — что живу въ странномъ семействѣ, и что родители мои какъ-то вовсе не похожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отчего, думала я: — отчего я вижу другихъ людей, какъ-то и съ виду не похожихъ на моихъ родителей? Отчего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отчего меня тутъ же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, прикрывъ свои лохмотья старой матушкиной куцавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами купить на нѣсколько гро-

шей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужъ не помню какъ, что въ нашемъ углу — какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать, почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по-своему: я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И на сколько я привязалась къ отцу, на столько возненавидѣла мою бѣдную мать. До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему странному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрожжами, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ, какъ разсердится матушка. Между тѣмъ я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня ключемъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черепки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатнымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки музыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ. Я

какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ матушка? Отчего къ нему я подошла безъ страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать, и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку, и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу ли я что-нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему, и отвѣчала, что вижу красные занавѣсы. Когда же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отчего, вдругъ начала я плакать, обнимать его и проситься скорѣе наверхъ къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить, — ласкаетъ и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, нагнала на меня лихорадку. Однакожъ, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первою мыслью, первою заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него ввечеру, когда на улицѣ зажигались

огни и когда начинали блестѣть какимъ-то кроваво-вымъ, особеннымъ блескомъ красныя какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами ярко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, гордыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя пріѣзжали въ нихъ. Все это въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь же, послѣ встрѣчи съ отцомъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чудеснѣе и любопытнѣе. Теперь въ моемъ пораженномъ воображеніи начали рождаться какія-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивляюсь, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать, — я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня какъ-то особенно поражалъ контрастъ ихъ характеровъ. Меня поражало, напримѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца, что она одна за всѣхъ труженица, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему же батюшка совсѣмъ не помогаетъ ей, почему же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дали мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что батюшка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что батюшка человѣкъ съ талантомъ; въ моемъ воображеніи тотчасъ же сложилось понятіе, что артистъ — какой-то особенный человѣкъ, непохожій на другихъ людей. Можетъ быть, самое поведеніе отца навело меня на эту мысль; можетъ быть, я слышала что-

нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятенъ былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ сказалъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что «придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человѣкъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка». Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я свыклась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца, — фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непремѣнно остановиться на какомъ-нибудь предположеніи. И вотъ, — не знаю, какъ началось это все сначала, — но подъ конецъ остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то вмѣстѣ со мною. Но куда? Я до самаго послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдемъ съ нимъ (а я непремѣнно рѣшила, что мы пойдемъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ моей фантазіи, все было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно,

когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила, мечтая, что батюшка тотчасъ сошьетъ себѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь — этотъ богатый домъ съ красными занавѣсами и встрѣча возлѣ него съ батюшкою, который хотѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ, — пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздникѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала съѣздъ, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какихъ я никогда еще не видала; мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ; я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается, — и все казалось мнѣ, что тамъ рай и всегдашній праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобъ я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобъ я не думала о немъ, что ей непріятно наше счастье, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность къ такому вѣчно страдавшему существу, какъ матушка? Только теперь понимаю я

ея страдальческую жизнь и безъ боли въ сердцѣ не могу вспомнить объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чуднаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей первой жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости, — и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали въ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ, и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобъ я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самыя ничтожныя воспоминанія язвятъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню (конечно, что я разскажу теперь, — ничтожно, мелочно, грубо, но именно такія воспоминанія какъ-то особенно терзаютъ меня и мучительнѣе всего напечатлѣлись въ моей памяти), — разъ, въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку купить ей чаю и сахару. Но она все раздумывала и все не рѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги, — жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить разсчетовъ. Къ тому же, въ иныя минуты, вѣроятно отъ горя, она впадала въ какое-то безсмыслiе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размѣренно, какъ будто роняя слова ненарочно; губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ. — «Нѣтъ, не нужно», сказала она, поглядѣвъ на меня: «я лучше спать лягу. А? Хочешь ты спать, Неточка?» Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою

материнскою улыбкой, что все сердце заныло во мнѣ и крѣпко забилось. Къ тому же, она меня назвала Неточкой, что значило, что въ эту минуту она особенно любитъ меня. Это названіе она изобрѣла сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Неточка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ, — можетъ быть, уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: «дитя мое, Аннета, Нéточка!» Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточеніемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! Меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и внѣ всегда становилось чего-то страшно. Впросонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее, — и тотчасъ, бывало, заснешь. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку. Я замѣтила потомъ, что и многія дѣти часто бываютъ уродливо безчувственны, и если полюбятъ кого, то любятъ исключительно. Такъ было и со мною.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними попрежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все чего-то добиваясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обоимъ, я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ безпорядочной жизни, которая угнѣздилась въ нашемъ углу, — конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла настолько, насколько понять могла. Бывало, въ длинные зимніе вечера, забившись куда-нибудь въ уголъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, вматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила, не уставая, взадъ и впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время безсонницы, которою мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то скрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, неистощимой тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытье. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь, которою она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостнѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучаясь потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зарождались вмигъ. Я дичала, какъ буд-

то въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что и ему отвѣчала: помню, что онъ о чемъ-то задумался и, наконецъ, сказалъ, поглядѣвъ на меня, что завтра же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Понявъ съ двухъ словъ, чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цѣловалъ, я тотчасъ же начинала плакать отъ восторга. Мало-по-малу, отецъ полюбилъ меня; я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлые часы, не уставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами старалась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ обратилось у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться, и онъ возвращался домой, я тотчасъ же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно, я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это же время, онъ однажды, послѣ урока, началъ мнѣ разсказывать сказку. Это была

первая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣніи, слѣдя за разсказомъ, переносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу разсказа была въ полномъ восторгѣ. Не то чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка, — нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсами; тутъ же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо, и отецъ, который самъ же мнѣ разсказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обоимъ идти неизвѣстно куда, — наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ составило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время я умирала отъ нетерпѣнія заговорить съ отцомъ о томъ, что ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ нашъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ, — не знала и только мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой, — и случалось это особенно по вечерамъ, — мнѣ казалось, что батюшка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу

картину, какую-то дрянную литографію, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непремѣнно взять съ собою, и мы куда-нибудь убѣжимъ потихоньку, такъ что ужъ никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ, — а это случалось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина, — подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою завѣтную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, разспрашивать его: куда мы пойдемъ, скоро ли, что возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить, и, наконецъ, пойдемъ ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? Красные занавѣсы? Что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ богаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой говорилъ объ этомъ прежде, по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? — повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмуря свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣ-

нившись въ лицѣ. — Что ты это говоришь, бѣдная, глупая . . .

Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю . . . и не помню, что еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла, какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушкѣ въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Каковъ онъ ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однакожъ, хоть я совсѣмъ не понимала, за что онъ сердитъ, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глупый ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кромѣ того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако почувствовала, хотя и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужасъ, и сомнѣнія закрались въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучаюсь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ не плакать. Однако, мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе, — все, что онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. По нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упомнила, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ. По-

мню еще, что, спросивъ, поняла ли я, и, разумѣется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ ли онъ? Я отвѣчала: «съ талантомъ», на что онъ слегка усмѣхнулся, потому что можетъ быть къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серьезномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копейку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разныя безмолвныя роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Вероны, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, поднимаютъ кверху картонные кинжалы и кричатъ: «умру за короля!» Но ужъ вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно преданнаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳедорычъ. Самымъ же страшнымъ несчастьемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ и въ своемъ родѣ былъ столько же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись

съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ, и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не узнаны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человѣкъ въ мірѣ и питалъ къ моему отчиму самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другого. Сверхъ того, батюшка никакъ не могъ понять въ своей исключительности, что балетное искусство — тоже искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Ѳедоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Многое я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Ѳедоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюренбергскимъ щелкуномъ. Б. разсказывалъ очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ, они не разъ сходились вмѣстѣ и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они не узнаны. Я помню эти сходки, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхныкаюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покамѣстъ кто-нибудь выйдетъ, а если узнаетъ, что матушка дома, тотчасъ же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собой какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читая ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ декламировалъ ихъ, переводя ломаннымъ языкомъ по-русски, для нашего уразумѣнія.

Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню, что это была драма въ стихахъ, какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попалась мнѣ въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастьяхъ одного великаго художника, какого-то Дженаро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: «я не признанъ!», а на другой: «я признанъ!», или: «я безталантенъ!», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: «я съ талантомъ!» Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо, — она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карлъ Ѳедоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противоположный уголъ комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ «мадмуазель», неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ же на мѣстѣ разсудить его съ судьбой и съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разныя па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое — артистъ или нѣтъ, и что можно ли сказать противное, то есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣм-

цемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣха. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Ѳедоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тоненькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ, и съ преуродливыми кривыми ногами; но, несмотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по скончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресерьезною миною взглядывалъ на меня, какъ бы приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедоровичъ, никакъ не потрафишь! — говорилъ, наконецъ, батюшка, притворясь, что ему самому непріятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Ѳедоровича вырывалось настоящее стенаніе; но въ мигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами снова просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцовалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартанецъ, геройски

выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкой простиралъ къ намъ дрожащія руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей. Но батюшка былъ неумолимъ и попрежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедорычъ, видно — судьба твоя: никакъ не потрафишь!

Тутъ ужъ я болѣе не выдерживала и покатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карлъ Ѳедорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ чувствомъ, но которое заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виролёмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и выбѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходить никогда. Но ссоры эти были непродолжительны; черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова наивный Карлъ Ѳедоровичъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умоляя на этотъ разъ уже судить серьезно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ матушка послала меня въ лавочку за какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую серебряную монету, которую мнѣ сдали. Всходя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцѣловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ пріучилась къ выра-

женію лица его, что тотчасъ же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ, и когда онъ не могъ поэтому выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти наверхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо кликнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ. — Послушай, Неточка, — сказалъ онъ: — дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? Ты вѣдь добренькая, Неточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновенье мысль о томъ, какъ разсердится матушка, — робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отдать деньги. Онъ мигомъ замѣтилъ это и поспѣшно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь я зналъ, что ты умная дѣвочка, — сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга,

когда почувствовалъ деньги въ рукахъ. — Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ мой! Вотъ дай тебѣ я ручку поцѣлую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною, и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала наверхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако, я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ снѣгъ и не могла ихъ сыскать. Я ожидала, по крайней мѣрѣ, побоевъ, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала внѣ себя отъ огорченія, потому что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ же какъ будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, нерадивая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда бы я вынесла побои. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться батюшкѣ, я, по обыкновенію, дожидалась его въ сѣняхъ. Въ этотъ разъ я была въ большомъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзавшимъ совѣсть мою Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ будто думала, что отъ этого мнѣ ста-

нетъ легче. Онъ былъ уже на-веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ же принялъ таинственный, смущенный видъ и, отведя меня въ уголъ, робко взглядывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шепотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно, и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобились папѣ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купитъ; наконецъ, онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не разсказывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ я была въ какомъ-то ужасѣ и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ бы въ забытьи, по своему обыкновенію. Въ этотъ день ей было хуже, и съ ней сдѣлался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданія у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненныя сновидѣнія мучили меня. Наконецъ, я не могла вынести и начала горько плакать. Рыданія мои разбудили матушку; она окликнула меня и

спросила, что со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчку, подошла ко мнѣ и начала меня успокаивать, думая, что я испугалась чего-нибудь во снѣ. — «Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! — сказала она: — до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ что-нибудь приснится. Ну, полно же!» И тутъ она поцѣловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все разсказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и о его запретѣ остановила меня. «Экая ты бѣдненькая, Неточка! — сказала матушка, укладывая меня въ постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ: — ты вѣрно будешь такая же больная, какъ я!» Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще въ просонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда еще я не выносила болѣе тяжкой муки. Сердце у меня стѣснялось до боли. На другой день, поутру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не поминая о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цѣловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ, онъ

сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что-то очень хорошее, и что̀ я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ растегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него висѣлъ на шеѣ, на черномъ снуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочитать въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него странной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то торжественное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинстенный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала, — вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ; но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе, — что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ, — что потомъ онъ когда-нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какого-то большого счастья. Слезы навернулись на глазахъ его и потекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцѣловалъ скрипку и далъ ее поцѣловать мнѣ. Видя, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня къ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожалъ отъ страха, чтобъ я какъ-нибудь не разбила

ея. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ. — «Это музыка!» — сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— «Да, да, музыка», — повторилъ онъ, радостно потирая руки: — «ты умное дитя, ты доброе дитя!» Но, несмотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ, — я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка же, погладивъ меня снова по головѣ, обѣщалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ, скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ, батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ я росла въ нашемъ углу, и мало-по-малу любовь моя, — нѣтъ, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильнаго слова, которое могло бы передать вполнѣ мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство къ отцу, — дошла даже до какой-то болѣзненной раздражительности. У меня было только одно наслажденіе — думать и мечтать о немъ; только одна воля — дѣлать все, что могло доставить ему хоть малѣйшее удовольствіе. Сколько разъ, бывало, я дожидалась его прихода на лѣстницѣ, часто дрожа и посинѣвъ отъ холода, только для того, чтобъ хоть однимъ мгновеніемъ раньше узнать о его прибытіи и поскорѣе взглянуть на него. Я была какъ безумная отъ радости, когда онъ, бывало, хоть немножко приласкаетъ меня. А между тѣмъ, часто, мнѣ было до боли мучительно, что я такъ упорно

холодна съ бѣдной матушкой; были минуты, когда я надрывалась отъ тоски и жалости, глядя на нее. Въ ихъ вѣчной враждѣ я не могла быть равнодушной и должна была выбирать между ними, должна была взять чью-нибудь сторону, и взяла сторону этого полусумасшедшаго человѣка, единственно оттого, что онъ былъ такъ жалокъ, униженъ въ глазахъ моихъ и въ самомъ началѣ такъ непостижимо поразилъ мою фантазію. Но кто разсудитъ? — Можетъ быть, я привязалась къ нему именно оттого, что онъ былъ очень страненъ, даже съ виду, и не такъ серьезенъ и угрюмъ, какъ матушка, что онъ былъ почти сумасшедшій, что часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки, и что, наконецъ, я меньше боялась его и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку. Онъ какъ-то былъ мнѣ болѣе ровня. Мало-по-малу, я чувствовала, что даже верхъ на моей сторонѣ, что я понемногу подчиняла его себѣ, что я уже была необходима ему. Я внутренно гордилась этимъ, внутренно торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда съ нимъ кокетничала. Дѣйствительно, эта чудная привязанность моя походила нѣсколько на романъ... Но этому роману суждено было продолжаться не долго: я вскорѣ лишилась отца и матери. Ихъ жизнь разрѣшилась страшной катастрофой, которая тяжело и мучительно запечатлѣлась въ моемъ воспоминаніи. Вотъ какъ это случилось.

III.

Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о про-

ѣздѣ знаменитаго С—ца. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С—ца, его увѣнчанная лаврами старость, неувядаемая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычекъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что пріѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько-нибудь прославленной знаменитости, производилъ на моего отчима самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ спѣшилъ услышать пріѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже боленъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокаивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣдкостью распространить свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣдный, помѣшанный человѣкъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о пріѣздѣ С—ца, генія музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ Петербургъ не слыхалъ ни одного знаменитаго дарованія, хотя

бы даже и неравносильнаго съ С—цомъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ первоклассныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ разсказывали, что при первыхъ слухахъ о пріѣздѣ С—ца отца моего тотчасъ же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С—цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго уже не видали за кулисами, и появленіе произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ поддразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: «теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужъ вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!» Говорятъ, что онъ поблѣднѣлъ, услышавъ эту насмѣшку, однако, отвѣчалъ, истерически улыбаясь: «посмотримъ; славны бубны за горами; вѣдь С—цъ только развѣ въ Парижѣ былъ, такъ это французы про него накричали, а ужъ извѣстно, что такое французы!» и т. д. Кругомъ раздался хохотъ; бѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до послѣзавтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. разсказываетъ, что въ этотъ же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ дилетантомъ, человѣкомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкуя о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С—ца, и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите ли вы этого человѣка? — сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? — спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ, и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, это любопытно! — сказалъ князь: — вы о немъ много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, — отвѣчалъ Б.: — да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрываетъ сердце. Его жизнь — страшная, безобразная трагедія. Я его глубоко чувствую, и какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ все-таки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во-первыхъ, онъ сумасшедшій; во-вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери. Я его знаю: онъ умеръ бы на мѣстѣ, если бъ увѣрился въ своемъ преступленіи. Но весь ужасъ въ томъ, что вотъ уже восемь лѣтъ какъ онъ *почти* въ немъ и восемь лѣтъ борется со своею совѣстью, чтобъ сознаться въ томъ не почти, а вполнѣ.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? — сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастье, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрять всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было бы время, не было бы заботы, и тотчасъ увидѣли бы, какой онъ артистъ. Онъ женился въ странной на-

деждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ, какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете ли, что онъ говоритъ цѣлыя восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій — жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену, — и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ не бралъ въ руки скрипки, — знаете ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычекъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь же, когда смычекъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Его девизъ: aut Caesar, aut nihil, какъ будто Цезаремъ можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда — слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужъ не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то есть любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С—цъ напротивъ: когда онъ беретъ смычекъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужъ третье, кажется, слава. Но онъ о ней мало заботился... Знаете ли, что теперь занимаетъ этого несчастнаго? — прибавилъ Б., указывая на Ефимова. — Его занимаетъ самая глупая, самая ничтожнѣйшая,

самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то есть: выше ли онъ С—ца, или С—цъ выше его, — больше ничего, потому что онъ все-таки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ неподвижной идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе все-таки глубоко и серьезно, ибо призваніе его, вначалѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С—ца, — замѣтилъ князь.

— Да, — сказалъ Б. задумчиво. — Но нѣтъ: онъ очнется тотчасъ же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ же выдумаетъ какую-нибудь отговорку.

— Вы думаете? — замѣтилъ князь.

Въ это время они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ ли онъ у С—ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотритъ, увидитъ, и если выдастся свободный часокъ — отчего же нѣтъ? когда-нибудь сходитъ. Тутъ онъ быстро и безпокойно посмотрѣлъ на Б. и на князя, и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что именно его мучитъ, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ; даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то

очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ поминутно то входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳедорыча, посторонних людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театръ. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳедорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокоило такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и я въ первый разъ услышала имя С—ца. Потомъ я поняла, что нужно, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С—ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ эти чуда заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С—ца, что это все жиды, за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе спроста всякому вздору вѣрятъ, а ужъ и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что значитъ слово: *нѣтъ таланта*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердитъ на этого С—ца, и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С—ца. Потомъ, засмѣявшись и посмотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: «это вѣрно такой же, какъ и Карлъ Ѳедорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафитъ». Батюшка

вздрогнулъ, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и затопалъ ногами, схватилъ шляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцѣловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то затаеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ ждетъ отъ меня какой-то большой услуги, но чего именно, онъ не сказалъ. Къ тому же, мнѣ было тяжело его слушать; я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него безпокоиться.

На другой день, за обѣдомъ — что было уже наканунѣ конецрта — батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно перемѣнился и безпрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой, — я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цѣловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, что вѣрно я люблю своего папу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливымъ, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера поутру при-

несла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то зашумѣлъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со двора. Онъ воротился уже къ вечеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стулъ и началъ съ какою-то робостью на меня поглядывать. На меня напалъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ, матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку купить ей чаю и сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка дозволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ же пустилась бѣжать, какъ будто боясь, чтобъ меня не догнали. Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Неточка! — началъ онъ дрожащимъ голосомъ: — голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра же...

— Папочка! Папочка! — закричала я, бросаясь на колѣни и умоляя его: — папочка! Не могу! Нельзя! Мамѣ нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Такъ ты не хочешь? Ты не хочешь? — шепталъ онъ въ какомъ-то изступленіи:—такъ ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! Теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь ли ты, злая дѣвченка? Слышишь ли ты?

— Папочка! — закричала я въ полномъ ужасѣ: — возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь?—

говорила я, ломая руки и ухватившись за полы его сюртука: — мамочка опять бранить меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла наверхъ, но силы оставили меня у дверей нашей квартиры; я не смѣла войти, не могла войти; все, на сколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытьи, въ оцѣпенѣніи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ наверхъ. Это былъ онъ; я отличила его походку.

— Ты здѣсь? — сказалъ онъ шепотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! — закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги: — на! Возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! Такъ и ступай къ мамѣ! А я тебя знать не хочу! — Сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня и опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! Добренькій папочка! Я буду слушаться! — кричала я: — я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня; онъ исчезъ. Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слыхала и не

видала. Наконецъ, все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала что дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ея шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла цѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ посторонній, и они о чемъ-то громко разговаривали. Я насилу дождался, пока ушелъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? — сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! — отвѣчала я. — Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Онѣ у ней, въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ вчера лежали!

— Лежали? Гдѣ? — закричалъ онъ, встрепенувшись, и всталъ со стула: — гдѣ онѣ лежали?

— Онѣ заперты, папаша! — говорила я. — Подожди: вечеромъ, когда мама пошлетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Неточка! Слышишь ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня; я тебѣ завтра же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! Я не хочу гостинцевъ; я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назадъ отдамъ! — закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгно-

веніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня, и что онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и, Богъ видитъ, какъ много было это «все» для меня тогда. Я понимала, что значили эти деньги для бѣдной матушки; знала, что она могла заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его не зналъ предѣловъ; онъ все цѣловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня же мы уйдемъ куда-то отъ матушки, — вѣроятно, льстя моей всегдашней фантазіи, и, наконецъ, вынувъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человѣкъ, къ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговоривъ со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ со мной, и слушаю его молча, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцѣловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже сказала, что онъ былъ какъ помѣшан-

ный; но еще и наканунѣ было это видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наканунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги, какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притрогивался ни къ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись: то хватался за шляпу, какъ будто сбираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно-разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, какъ будто въ нетерпѣніи поскорѣй добиться денегъ и какъ будто сердясь, что я до сихъ поръ не взяла ихъ у матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ; я забилась въ уголъ и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они навѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не перечувствовала въ эти мгновенія! Есть минуты, въ которыя переживаешь сознаніемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы. Я чувствовала, что дѣлаю дурной поступокъ: онъ же самъ помогъ моимъ добрымъ инстинктамъ, когда въ первый разъ малодушно натолкнулъ меня на зло и, испугавшись его, объяснилъ мнѣ, что я поступила

очень дурно. Неужели же онъ не могъ понять, какъ трудно обмануть натуру, жадную къ сознанію впечатлѣній и уже прочувствовавшую, осмыслившую много злого и добраго? Я вѣдь понимала, что ужасная крайность заставила его рѣшиться другой разъ натолкнуть меня на порокъ и пожертвовать такимъ образомъ моимъ бѣднымъ беззащитнымъ дѣтствомъ, рискнуть еще разъ поколебать мою не устоявшую совѣсть. И теперь, забившись въ уголъ, я раздумывала про себя: зачѣмъ же онъ обѣщалъ награду за то, что уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новые вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ; я представляла себѣ горесть ея при потерѣ послѣдняго трудового. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и подозвала меня. Я задрожала и пошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: «ступай, Неточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ намедни, да не потеряй какъ-нибудь». Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ кивалъ головою, ободрительно улыбался мнѣ и потиралъ руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, поджидая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что безъ всякой предосторожности тотчасъ же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я отдала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ, принимая

деньги. Я стояла, какъ будто остолбенѣвъ и не двигаясь съ мѣста; наконецъ, очнулась, когда онъ сталъ посылать меня наверхъ, вынести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Папа! Развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? — спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей, — его заступничествѣ.

— Нѣтъ... ты уже поди одна... а? Подожди, подожди! — закричалъ онъ, спохватившись: — подожди, вотъ я тебѣ гостинцу сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась наверхъ. Когда я вошла въ комнату, на мнѣ лица не было, и если бъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія, бросилась я поперекъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту дверь робко скрипнула, и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги? — закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что-нибудь необыкновенное; — гдѣ деньги? Говори! Говори! — тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустя глаза въ землю; я едва понимала, что со мною дѣлается и что со мной дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги? — закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу. — Гдѣ деньги? — повторяла

она. — А! Она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! Губитель мой! Злодѣй мой! Такъ ты ее тоже погубишь! Ребенка! Ее, ее?! Нѣтъ же! Ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! Признавайся! — начала она мнѣ голосомъ, едва слышнымъ отъ волненія: — признавайся во всемъ! Говори же, говори! Или... я не знаю, что я съ тобой сдѣлаю.

Она схватила мои руки и ломала ихъ, допрашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе я поклялась молчать и не сказать ни слова про батюшку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ его взглядъ, одно его слово, что-нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя, — и я была бы счастлива, несмотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! Безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей-нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и я увидѣла человѣка въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвался. Тогда лакей подалъ записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б., который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С—цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшаго

имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову, — все это произвело на мигъ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ разсказа о ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, несмотря на цѣлыя восемь лѣтъ безпрерывной тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой-нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать,— можетъ быть, она тоже была нѣсколько заражена непоколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобъ эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого-нибудь вліянія, и на вниманіи князя она въ мигъ могла построить для него тысячу плановъ. Въ одинъ мигъ она готова была опять обратиться къ нему, она могла простить ему за всю жизнь свою, даже взвѣсивъ его послѣднее преступленіе — пожертвованіе ея единственнымъ дитятей, и въ порывѣ заживо-вспыхнувшаго энтузіазма, въ порывѣ новой надежды, низвесть это преступленіе до простого проступка, до малодушія, вынужденнаго нищенствомъ, грязною жизнью, отчаяннымъ положеніемъ. Въ ней все было увлеченіе, и въ этотъ мигъ у ней уже были снова готовы прощеніе и состраданіе безъ конца для своего погибшаго мужа.

Отецъ засуетился; его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась черезъ двѣ минуты, принеся размѣненныя деньги, и батюшка тотчасъ же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ

съ вѣжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходившая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстукъ, сохранившійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фракомъ, который былъ сшитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стаканъ воды; онъ былъ блѣденъ и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала уже я; можетъ быть, непріязненное чувство снова прокралось въ сердце матушки и охладило ея первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ; мы остались однѣ. Я забилась въ уголъ, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ея въ такомъ волненіи: губы ея дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ея начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Это я, это все я виновата, несчастная! — говорила она сама съ собою. — Что жъ съ нею будетъ? Что жъ съ нею будетъ, когда я умру? — продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли. — Нѣточка! Дитя мое! Бѣдная ты моя! Несчастная! — сказала она, взявъ меня за руки и судорожно обнимая меня. — На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь ли? Запомнишь ли, что я теперь говорила, Нѣточка? Будешь ли помнить впередъ?

— Буду, буду, маменька! — говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто трепеща одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мамочка! Мама! — сказала я, всхлипывая: — за что ты... За что ты не любишь папу? — И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новой, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла; она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! Какое впечатлѣніе, какой примѣръ! — И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цѣловала меня, цѣловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи... Я никогда не видывала такихъ страданій... Наконецъ, она какъ будто измучилась и впала въ забытье. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголъ, завернулась въ одѣяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучилъ и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣвалъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ посмотрѣть, заснула ли я. Чтобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкафу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою, какъ всегда дѣлалось на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытьи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ, какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая сальная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, но все въ томъ же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что-нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взглядъ его былъ мутный и бѣглый, — такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ.

Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ стало страшно за ея глубокій сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія пробѣжала страшная мысль въ умѣ моемъ.

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя было, — такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, что̀ она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычекъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками, — и опять та же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его безпокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не глядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя, — но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческій, плачъ; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ, и, на-

конецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ, — все это какъ будто соединилось разомъ... Я не могла выдержать, — я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! — закричала я ему: — папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! — закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! — закричала я снова: — не пугай меня, ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что-нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! — говорила я ему, терзаясь отъ страха: — не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! Пойдемъ, Нѣточка! Скорѣе, скорѣе! — И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ, — и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

— Все ли, все ли? — спрашивалъ отецъ: — все ли готово? Скорѣй! Скорѣй!

Я наскоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка тотчасъ же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шепотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко, мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли. Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго теръ себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ будто нашелъ, что ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо началъ искать чего-то въ комодѣ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми это, береги, — прошепталъ онъ мнѣ: — не теряй же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда къ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѣточка! — сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиліемъ: — дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Что это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, помолись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, — шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня. — Помолись, помолись! — говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолѣвалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, — сказала я, обливаясь слезами: — а мама?.. — Что съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную груду платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Поклонись ей, дитя! — сказалъ онъ: — простись съ нею . . .

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною . . . Онъ былъ ужасно блѣденъ; губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я,* Нѣточка, *не я,* — говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ. — Слышишь, *не я; я не виноватъ въ этомъ.* Помни, Нѣточка!

— Папа, пойдемъ, — прошептала я въ страхѣ. — Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! — сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и торопясь выйти изъ комнаты. — Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы; полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ и шелъ и теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Скрипка была у него подмышкой, и онъ поминутно останавливался, чтобъ придержать подмышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и сѣлъ на послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то странное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того ли я ожидала, о томъ ли я мечтала, то ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастьи того, котораго я такъ не-дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, — думала я: — одну? Покинули ея тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка, — начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей: — папочка!

— Что такое? — сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? — спросила я, заплакавъ. — Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней кого-нибудь.

— Да, да! — закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его. — Да, Нѣточка, такъ нельзя; нужно пойти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого-нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду.

Я тотчасъ же пошла, но едва только взошла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня

бъ сердце . . . Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась: онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе . . . я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ, и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня, и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти . . . Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не хочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя . . . Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! — закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ

все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя, я лишилась чувствъ. . . . . .

Очнулась я на теплой, мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостью встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и, наконецъ, сѣдого старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась для живой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда, послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—ца, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать со своими дѣтьми. Стали отыскивать, что сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ кѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ изступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

Онъ умеръ, потому что такая смерть его была необходимостью, естественнымъ слѣдствіемъ всей его жизни. Онъ долженъ былъ такъ умереть, когда все, поддерживающее его въ жизни, разомъ рухнуло, разсѣялось, какъ призракъ, какъ безплотная, пустая мечта. Онъ умеръ, когда исчезла послѣдняя надежда его, когда въ одно мгновеніе разрѣшилось передъ нимъ самимъ и вошло въ ясное сознаніе все, чѣмъ обманывалъ онъ себя и поддерживалъ всю свою жизнь. Истина ослѣпила его своимъ нестерпимымъ блескомъ, и что было ложь, стало ложью и для него самого. Въ послѣдній часъ свой,

онъ услышалъ чуднаго генія, который разсказалъ ему его же самого и осудилъ его навсегда. Съ послѣднимъ звукомъ, слетѣвшимъ со струнъ скрипки геніальнаго С—ца, передъ нимъ разрѣшилась вся тайна искусства, и геній, вѣчно юный, могучій и истинный, раздавилъ его своей истинностью. Казалось, все, что только въ таинственныхъ, неосязаемыхъ мученіяхъ тяготило его во всю жизнь, все, что до сихъ поръ только грезилось ему и мучило его только въ сновидѣніяхъ неощутительно, неуловимо, что хотя сказывалось ему по временамъ, но отъ чего онъ съ ужасомъ бѣжалъ, заслонясь ложью всей своей жизни, все, что предчувствовалъ онъ, но чего боялся доселѣ, — все это вдругъ, разомъ засіяло передъ нимъ, открылось глазамъ его, которые упрямо не хотѣли признать до сихъ поръ свѣтъ за свѣтъ, тьму за тьму. Но истина была невыносима для глазъ его, прозрѣвшихъ въ первый разъ во все, что было, что есть, и въ то, что ожидаетъ его; она ослѣпила и сожгла его разумъ. Она ударила въ него вдругъ неизбѣжно, какъ молнія. Совершилось вдругъ то, что онъ ожидалъ всю жизнь съ замираніемъ и трепетомъ. Казалось, всю жизнь сѣкира висѣла надъ его головой, всю жизнь онъ ждалъ каждое мгновеніе въ невыразимыхъ мученіяхъ, что она ударитъ въ него, и — наконецъ, сѣкира ударила! Ударъ былъ смертеленъ. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ суда надъ собою, но бѣжать было некуда: послѣдняя надежда исчезла, послѣдняя отговорка пропала. Та, которой жизнь тяготѣла надъ нимъ столько лѣтъ, которая не давала ему жить, та, со смертью которой, по своему ослѣпленному вѣрованію, онъ долженъ былъ вдругъ, разомъ воскреснуть, — умерла. Наконецъ, онъ былъ одинъ, его

не стѣсняло ничто: онъ былъ, наконецъ, свободенъ! Въ послѣдній разъ, въ судорожномъ отчаяніи, хотѣлъ онъ судить себя самъ, осудить неумолимо и строго, какъ безпристрастный, безкорыстный судья: но ослабѣвшій смычекъ его могъ только слабо повторить послѣднюю музыкальную фразу генія... Въ это мгновеніе, безуміе, сторожившее его уже десять лѣтъ, неизбѣжно поразило его.

IV.

Я выздоравливала медленно; но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и впрямь обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ-нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мной проясняло мое положеніе, и я мало-по-малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома; какъ теперь вижу, большія, высокія, богатыя, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серьезно боялась пуститься черезъ какую-нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Болѣзнь моя еще не прошла, и впечатлѣнія мои были мрачныя, тягостныя,

совершенно подъ ладъ этого торжественно-угрюмаго жилища. Къ тому же, какая-то, еще неясная мнѣ самой, тоска все болѣе и болѣе наростала въ моемъ маленькомъ сердцѣ. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой-нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣйливой работы, или статуей, которая какъ будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобъ оттуда лучше подсмотрѣть за мной и какъ-нибудь испугать меня, останавливалась и потомъ вдругъ забывала, зачѣмъ я остановилась, чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и крѣпко билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилого, такого серьезнаго, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я полюбила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась; онъ былъ съ виду всегда очень унылъ, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—ій, нашедшій меня и призрѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфектовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинами, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ, что скоро у меня будетъ подруга, такая же дѣвочка какъ и я, его дочь Катя, которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой француженкой, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за

мной дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ, и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Бо̀льшую половину дома занимала княгиня; она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили о немъ, какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали и даже, видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него какъ на какого-то чудного и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень страненъ, какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза . . . Въ свое время мнѣ придется очень много и гораздо подробнѣе говорить о немъ.

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье, надѣли на меня черное шерстяное платье, съ бѣлыми плерезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ вкопанная, когда меня привели къ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но это впечатлѣніе было мгновенное, и я поблѣднѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣваясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отчего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недовѣрчивостью ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мной очень привѣтлива и поцѣловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда

я очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цѣловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что-нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе, какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня и вполнѣ замѣнить мнѣ мать. Но я никакъ не могла понять, что попала въ случай, и ничего не выиграла въ ея мнѣніи. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня писала къ кому-то письмо, изрѣдка оставляя перо и опять со мной заговаривая; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, неизъяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгинѣ вовсе не нравилось, и я, кажется, довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ виню одну себя, разумѣется. Часу въ третьемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы пріѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потомъ начинала разсказывать по-французски. Во время ея разсказовъ на меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человѣкъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ пахучій сѣдой старичекъ хотѣлъ было

поцѣловать меня, а я блѣднѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце ныло и болѣло во мнѣ. Я уносилась въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинные, молчаливые вечера, матушку, и когда вспомнила о матушкѣ — въ глазахъ моихъ накипали слезы, мнѣ сдавливало горло, и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительные, черные глаза, иногда цѣлую четверть часа устремленные на меня, и крѣпко сжатыя тонкія губы. Вечеромъ меня отвели наверхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній; а на утро началась та же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило разсказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ соболѣзновать обо мнѣ. Къ тому же я была такой обыкновенный ребенокъ, «безъ всякой наивности», какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ-на-глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: «не-уже-ли ей не скучно со мной?», — и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужъ болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство; впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ глубокой, болѣзненной тоски своей, и рада-рада была, когда уйду, наконецъ, отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что

предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было забиться куда-нибудь въ уголъ, гдѣ непримѣтнѣе, стать за какую-нибудь мебель и тамъ тотчасъ же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло! Я какъ будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали однѣ картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила — и ночь, и скрипку, и батюшку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить себѣ всѣ эти происшествія какъ-то не могла . . . Только тяжелѣе мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неусыпно и усердно присматривали и съ точностью исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ кто-нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти безпокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что-нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась зайти куда-нибудь подальше, чтобъ на случай нужды знать куда спрятаться.

Разъ я забрела на парадную лѣстницу. Она была вся изъ мрамора, широкая, устланная коврами, уставленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человѣка, чрезвычайно пестро одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому же была другая причина, по которой я убѣгала сверху. Наверху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась на моемъ воспоминаніи. Она была чуть ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была всходить наверхъ и дѣлать личный визитъ своей теткѣ. Она обыкновенно приходила утромъ; начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ того хотѣла сама тетушка, которая вставала съ мѣста, цѣловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу; но впослѣдствіи, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ. Вообще, житье пре-

старѣлой княжны было почти келейное. Она была дѣвушка, и когда ей минуло тридцать пять лѣтъ, заключилась въ монастырь, гдѣ и выжила лѣтъ семнадцать, но не постриглась, потомъ оставила монастырь и пріѣхала въ Москву, чтобъ жить съ сестрою, вдовой графиней Л., здоровье которой становилось съ каждымъ годомъ хуже, и примириться со второй сестрой, тоже княжной Х—ю, съ которой слишкомъ двадцать лѣтъ была въ ссорѣ. Но старушки, говорятъ, ни одного дня не провели въ согласіи, тысячу разъ хотѣли разъѣхаться и не могли этого сдѣлать, потому что, наконецъ, замѣтили, какъ каждая изъ нихъ необходима двумъ остальнымъ, для предохраненія отъ скуки и отъ припадковъ старости. Но, несмотря на непривлекательность ихъ житья-бытья и самую торжественную скуку, господствовавшую въ ихъ московскомъ теремѣ, весь городъ поставлялъ долгомъ не прерывать своихъ визитовъ тремъ затворницамъ. На нихъ смотрѣли какъ на хранительницъ всѣхъ аристократическихъ завѣтовъ и преданій, какъ на живую лѣтопись коренного боярства. Графиня оставила послѣ себя много прекрасныхъ воспоминаній и была превосходная женщина. Заѣзжіе изъ Петербурга дѣлали къ нимъ свои первые визиты. Кто принимался въ ихъ домѣ, того принимали вездѣ. Но графиня умерла, и сестры разъѣхались; старшая, княжна Х—я, осталась въ Москвѣ, наслѣдовать свою часть послѣ графини, умершей бездѣтною, а младшая, монастырка, переселилась къ племяннику, князю Х—му, въ Петербургъ. Зато двое дѣтей князя: княжна Катя и Александръ, остались гостить въ Москвѣ у бабушки, для развлеченія и утѣшенія ея въ одиночествѣ. Княгиня, страстно лю-

бившая своихъ дѣтей, не смѣла слова пикнуть, разставаясь на все время положеннаго траура. Я забыла сказать, что трауръ еще продолжался во всемъ домѣ князя, когда я поселилась въ немъ; но срокъ истекалъ въ короткомъ времени.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платье изъ простой шерстяной матеріи и носила накрахмаленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священныя книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина наверху была страшная; невозможно было скрипнуть дверью: старушка была чутка какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ же посылала изслѣдовать причину стука или даже простого скрипа. Всѣ говорили шепотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная француженка, тоже старушка, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ любимой своей обуви, — башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка-княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что̀ я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда присланъ былъ второй нарочный, къ француженкѣ, съ запросомъ: отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были чисты, учили меня подходить, кланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить, — однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ

предложеніемъ: не пожелаютъ ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь, и разсказывали потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжнѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ, послѣдовало мое представленіе. Я увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцѣловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала; но когда дошло дѣло до отца и матушки, я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я расчувствовалась; впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога; потомъ спросила, когда я была въ послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень неглижировали, то княжна пришла въ ужасъ. Послали за княгиней. Послѣдовалъ совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ первое же воскресенье. До тѣхъ поръ княжна обѣщала молиться за меня, но приказала меня вывесть, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужъ видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ же день прислали сказать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако, и назавтра послѣдовало то же замѣчаніе. Случилось же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Француженка и всѣ

дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту же минуту переселили въ самую отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной въ припадкѣ глубокаго ужаса.

Но я ужъ не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужъ тамъ никого не обезпокою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову и такъ просидѣла не помню сколько часовъ. Я все думала, думала; мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Что̀ съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову; это былъ князь; его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе, но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! — проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ! — проговорила я, и стонъ вырвался изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цѣлуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ!

— Дитя мое, — что̀ съ тобой, моя милая, бѣдная Нѐточка? Что̀ съ тобой?

— Гдѣ моя мама? Гдѣ моя мама? — закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе скрывать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на ко-

лѣни: — гдѣ моя мама? Голубчикъ мой, скажи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое! . . Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей . . . Что̀ я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѐточка, пойдемъ со мною.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Наконецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какой-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня . . .

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! — сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана; я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери, и со мной сдѣлался нервный припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро чье-то знакомое имя раздавалось въ ушахъ моихъ. Я услышала имя С—ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула; воспоминанія нахлынули ко мнѣ, и, припоминая, мечтая и мучаясь, я пролежала ужъ не

помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно; кругомъ меня было темно; ночникъ погасъ и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сыскала я силъ, наскоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты. Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ, я пробралась въ коридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На серединѣ коридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена; внизу ходили; я притаилась въ углу, чтобъ меня не видали, и, только что стало возможно, спустилась внизъ, во второй коридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ коридора была завѣшена огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоими занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, осиливъ свое волненіе, я осмѣлилась, наконецъ, отвернуть немного съ края второй занавѣсъ... Боже мой! Эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячью огней. Какъ будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшіе къ темнотѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣ-

теръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ; всюду я встрѣчала сверкающій отъ удовольствія взглядъ. Я стояла какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ . . . Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила нашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, столпившіяся у подъѣзда, топотъ и храпъ гордыхъ коней, крики, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку . . . Такъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ стцомъ . . . Стало быть, это была не мечта! . . Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнью, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то несбъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: «онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь», думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія . . . духъ во мнѣ занимался. Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шепотъ. Я жадно всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи высокаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны; въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затаили духъ. Всѣ лица были устремлены на старика, все ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до

струнъ. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ неистощимой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ будто я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что̀ разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе; быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ послышался какъ будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачъ, какъ будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и заныла, замолкла въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я уцѣпилась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ открывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ же звуки. Открывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу, — нѣтъ, это были другіе люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской; казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стонамъ и воплямъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! Это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ такъ же, какъ и тогда, въ ту ночь, пронзилъ мнѣ душу. «Отецъ! Отецъ!» пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: «онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это

его скрипка!» Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя рукоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачъ вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! Это ты! Гдѣ ты? — закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика: мнѣ давали дорогу, разступались передо мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ крикомъ; я думала, что обнимаю отца... Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и подымаютъ на воздухъ. Чьи-то черные глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на старика: «нѣтъ! Это былъ не отецъ; это его убійца!» мелькнуло въ умѣ моемъ. Какое-то изступленіе овладѣло мной, и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ крикомъ; я лишилась чувствъ.

V.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься какъ пронзенный въ

сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и который благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заныли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! — сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ, — продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ. — А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь,—вотъ тебѣ и подруга. Выздоравливай скорѣе, Нѣточка. Злая этакая, какъ она меня напугала! . .

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, которыя не сходили съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ; посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ — было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня, и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то затѣмъ, что ей жалко меня, — такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ, когда я выздоровлю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ же хмурила брови, качала головой и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я жъ тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да, мало, — отвѣтила я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А наяву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что-нибудь, однимъ словомъ, мечтала о ней какъ влюбленная. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: «Не выздоровѣла? Опять такая же худая!» то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки, такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? — сказала она мнѣ однажды. — Кушай, отъ этого скорѣе растолстѣешь.

— Принеси, — отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна сади-

лась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что жъ ты молчишь?— начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? — спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобою говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужъ я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мнѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм! спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, — отвѣчала я, помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу! Ну, прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на-лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Ѣшь больше, ѣшь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не ѣла. Ну, прощай! — И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значитъ, что она уже бѣгала и прыгала часъ или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? — закричала она, запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, — отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай; меня ждутъ.

Наконецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя

была ужъ не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что̀ ты? Зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстраго вопроса и не отвѣчала ни слова; княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнія (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголъ на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго, и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь, я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ и крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все-таки я мучилась недоумѣніемъ: отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скораго слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усилива-

лось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не взлюбила меня и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко,— иной бы сказалъ — грубо, если бы въ этихъ быстрыхъ, какъ молнія, движеніяхъ характера прямого, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я — совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива: игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно недоставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ-нибудь недовольны: тотчасъ же становилась грустна, упадала духомъ, такъ что ужъ и силъ недоставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мнѣ впечатлѣніе, — однимъ словомъ, погибала вполнѣ. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со мной, показывая, какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня, наконецъ, совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые

дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть ли не тяжелѣе прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила, наконецъ, эту перемѣну въ нашихъ сношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все думаю, и что лучше она подождетъ брата Сашу, который пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это, впрочемъ, и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть было бульдогъ не заѣлъ,— однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, — отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего жъ вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну, такъ я буду играть одна, — тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходитъ, она не виновата. — Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, — отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться? — спросила она, немного подумавъ, вѣроятно, припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, — отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбнувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ кончивъ все, что̀ отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше, чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ отдыхать и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно, я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чемъ-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее насчетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему,

она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи граматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она, наконецъ, согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями, — она какъ-то стыдилась этого. Разсказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ-нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи, и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. То же было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую-нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ-нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по-французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я же почти въ одинъ сеансъ знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, — сказала она, указывая на меня, — больной ребенокъ, учится въ первый разъ и вдесятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? — спросила съ изумленіи Катя, — да она еще азбуку учитъ!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонитъ. Такъ ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полымя, увѣрясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда — было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ ли, отъ гордости ли, когда ее уличали за шалости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло. Бѣдняжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли къ мадамъ Леотаръ, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ

француженки, но Катя промолчала, какъ будто не слыхала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня исподлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? — спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепіано играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться.

Я смолчала.

— Мадамъ Леотаръ говоритъ, что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, — отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, — отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи била по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого что лучше меня понимаете? — спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? — раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ. — Стыдитесь!

Вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепіано. Стыдно; я все разскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она — сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Неточка, за что меня бранили за васъ, — спросила она, наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, — отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего жъ вы все плачете? — спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, — отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали.

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? — спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, — отвѣтила я, наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили, — отвѣчала я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто жъ вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растравляли мнѣ сердце. Воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны, — все это поражало, обижало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? — сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста. — Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? — продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія. — Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, — отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? — сказала я, заплакавъ отъ душевной боли. — Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Неточка? — спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы: — что съ тобой? — продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю,

которая была красна какъ огонь: — о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Неточка, за что вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами цѣловала ее.

— Катя, не лги. Что здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла какое у нея было дурное платье, когда еще она жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, — отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что жъ дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, знать, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго раза такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже соглашалась въ проступкѣ.

— Сейчасъ же подойди къ ней и проси у нея прощенія, — сказалъ князь, указавъ на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну, — сказалъ князь.

— Я не хочу, — проговорила, наконецъ, Катя вполголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! — закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я

не буду съ нею вмѣстѣ жить . . . Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, — сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. — Неточка, ступай наверхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла наверхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголъ. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхѣ и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ я хотѣла подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другого дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатѣ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголъ. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? Не больна ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за воланъ, но, только что отворотилась мадамъ Лео-

таръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенья просила, — проговорила она: — вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцѣловаться съ вами, — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ, глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и просила прощенія, — сказала она потихоньку, какъ бы размышляя сама съ собою. — Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, — прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ наверху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ, — однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала

разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюденія ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ, какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія даже до нравственной тираніи. Княгиня какъ-то странно понимала, что такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ... Но впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлить свои отношенія къ матери и отцу. Съ послѣднимъ она была, какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью, совершенно напротивъ, — замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимой системѣ. Я объяснюсь впослѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла, наконецъ, свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполнѣ

осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія, — и княжна великодушно ввела въ свой разсчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ разсчетъ мало помогъ потомъ ея горячей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче — и пусть простятъ мнѣ мое слово — я была влюблена въ мою Катю. Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня къ ней? Отчего родилась такая любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангелъ, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею, — всѣ были приняты, и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ счастливому ребенку. Она родилась на счастье, она должна была родиться для счастья, — вотъ было впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и — вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи уклоненномъ, въ состояніи борьбы, — была гордость. Эта гордость доходила до наивныхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что, напримѣръ, противорѣчіе, каково бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ же подчинялась приговору, безропотно и непоколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣняла она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонію всего ея существа; такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опытъ выводилъ ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались безпрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ; мнѣ — ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрез-

ычайно щекотливо, до того, что его могъ оскор-бить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золъ какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ, натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, ста-рушка-княжна... Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась по-бѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріят-но, что есть хоть одно животное въ домѣ, един-ственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и вла-ствовать; какъ же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣ-деннымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными име-нами, привѣтливо маня его рукой, начала осторож-но приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ кня-гини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ ни-какъ не затруднился бы отгрызть у ней руку или

растерзать ее, если бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ, какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего пріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе, тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ, — однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ нерѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли, какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно

вскочила съ мѣста и самою твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ее блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна, какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако, смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокѣ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала

въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ея, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь пострадала втихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужъ въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало-по-малу замѣтила, по нѣкоторымъ неуловимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я украдкою взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати; но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало-по-малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ про-

шедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнью.

Помню, я иногда просыпалсь ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ княжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ-подъ одѣяла. Мало-по-малу я замѣтила, — такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ, — что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шуму, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, краснѣла и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ быть, зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что

княгиня была очень недовольна мною, и всю перемѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписывала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серьезный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямъ до непоколебимости. Она же понимала князя вполнѣ.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучались тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодоавнія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія перемѣны происходили во мнѣ только порывами, и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась наверхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то

грусть оттѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ разспросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ наверхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазками, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, — сказала она мнѣ: — давайте я вамъ завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ, какъ вишня отъ того, что, наконецъ-то, Катя заговорила со мной.

— Давай! — сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала, что дѣлать отъ какого-то сладкаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, — сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ. — Да ужъ давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платокъ и повязала по-своему.

— А то можно кашель нажить, — сказала она, прелукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными влажными глазками.

Я была внѣ себя; я не знала, что со мной дѣлается, и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я бы не выдержала и бросилась бы цѣловать ее на улицѣ. Всходя на лѣстницу, мнѣ удалось, однакожъ, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во-первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ вдругъ ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее, — на этотъ разъ какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость,

за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалуньѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ разсказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проектахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполнѣ раскаявающейся; однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ, и много льстила ея самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей, — сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во-первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить Фальстафа къ ней подъ кровать; потомъ сломать ея очки, унесть всѣ ея книги и принесть вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложитъ наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворитъ справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однакожъ Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась-таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ сама, я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли, — именно: ему былъ формально запрещенъ входъ наверхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое же воскресеніе, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенія оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ наверхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться наверхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю анфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его.

По счастью, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, а Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала, какъ будто бы ее ужъ съѣли, и серьезно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больного, самой жалкой наружности, но который, однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его сплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду наперерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще но-

силъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ничьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетѣ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скораго наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Цербероъ и проч. были уже слишкомъ опошлены; требовалось названіе, вполнѣ приличное фавориту дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо: какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родимецъ, какъ будто сплинъ одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестью припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ-нибудь неподалеку, прятался въ

уголъ и коварно поджидалъ, когда кто-нибудь оплошаетъ и оставитъ дверь наверхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, — наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся наверхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! — звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почуявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка и, чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе, — словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили предъ нимъ настежь, и мало того, еще звали, приглашали, умоляя его вступить наверхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился наверхъ, какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ, какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки.

Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса. Но Фальстафъ уже домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однакожъ, не отворилъ ее, и завылъ какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился наверхъ, и Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; глаза ея упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, бѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? — строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я впустила Фальстафа... нечаянно, — прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! — сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ ошеломленная; руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два — ничего.

Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю или брата ея, на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа, и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ, я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучатъ и ломятся въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ, отворили дверь, и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее

за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ наверхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, — началъ онъ къ мадамъ Леотаръ: — что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство, скиѳство! Больной, слабый ребенокъ, такая мечтательная, пугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само по себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня! Но Жанъ-Жакъ не могъ говорить этого: Жанъ-Жакъ не авторитетъ. Жанъ-Жакъ Руссо не смѣлъ говорить о воспитаніи, не имѣлъ права на то. Жанъ-Жакъ Руссо отказался отъ собственныхъ дѣтей, сударыня! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! Князь! Что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться; но затронуть кого-нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человѣкомъ, назвать его варваромъ, — Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! — проговорила она, наконецъ, внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— Pauvre prince! — сказала мадамъ Леотаръ, расчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдясь:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? — сказала она мнѣ, — становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Нѣточка, побудь со мной, — сказала она, — это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ безпорядкѣ. Она цѣловала меня, какъ безумная, цѣловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ; я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, какъ любовники, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Нѣточка! Ну! До вечера, до ночи! Ступай теперь наверхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, крѣпко, и бросилась отъ меня на зовъ Насти. Я прибѣжала наверхъ, какъ воскресшая, бро-

силась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ, пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! — бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ такъ сердце колотится?.. — спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! Какая скучная! Скорѣе, скорѣе! — И княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! — сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! — заговорила она, поднявъ меня съ постели. Мгновеніе спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! — сказала она, покраснѣвъ, какъ макъ.

Я рыдала.

— Нѣточка! — прошептала Катя сквозь слезы, — ангелъ ты мой, я вѣдь тебя давно, такъ давно ужъ люблю! Знаешь, съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія про-

сить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Нѣточка... Си-ро-точка ты моя! — протянула она, снова осыпая меня поцѣлуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго... такъ долго... — и я не договорила. Мы обнялись, и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? — спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! Все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что жъ ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ. А папа добрый человѣкъ, Нѣточка! Да?

— Ахъ, да! — отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, — серьезно сказала Катя, — да что мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ все такой... Ну, а потомъ стала у тебя прощенія просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! — крикнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою. — Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу! . .

— За что же?

— Да ужъ я сердита на тебя была. Не знаю за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужъ замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! — сказала Катя, цѣлуя мнѣ руку, — ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру . . . си . . . ла-то, — протянула княжна. — Ты, знаешь ли, почему я къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что смотришь . . . Ахъ! Будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Боялась ты за меня?

— Ужасть!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ ушелъ, чу . . . до . . . вище этакое!

И княжна захохотала нервическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе,

сама глупенькая, плакса такая, глаза голубенькіе, си...ро...точка ты моя!!!

И Катя нагнулась опять безъ счету цѣловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю — нѣтъ, да нѣтъ! Не скажу ей! И вѣдь какъ упрямилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! — сказала я, вся въ изступленіи отъ радости. — Душа ломитъ!

— Да, Нѣточка! Слушай дальше... Да слушай, кто тебя Нѣточкой прозвалъ?

— Мама.

— Ты мнѣ все про маму разскажешь!

— Все, все, — отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? А ленту зачѣмъ унесла? Ахъ, ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучаю ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень умна? А!

— Ну, что ты, Катя! — отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, — сказала Катя рѣшительно и серьезно, — это я знаю. Только я разъ утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужасъ! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю,

кабы она пришла, какъ и въ прошлую ночь, а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю... Ахъ, какія мы безстыдницы, Нѣточка!

— Да за что жъ ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... Да что я говорю! Вѣдь я тебя все любила! Все любила! Ужъ потомъ и терпѣть не могла; думаю, зацѣлую я ее когда-нибудь или исщиплю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты этакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя; этакая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвяжу, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою... Да и не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась «темницей».

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю; плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цѣловать, такъ цѣловать! И вѣдь не жалко, ей Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была.

— Не плакала? Ахъ, ты злая! — закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая!

— Не правда ли? Ну, теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка . . .

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали; у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ.

— Нѣточка! Во-первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цѣловаться любишь? И цѣловаться будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ разскажешь, а?

— Все разскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣй пришло! Тебѣ хочется спать, Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во-первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣщили обѣ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ же выдумали, что мы будемъ дѣлать

завтра, послѣзавтра, и вообще расчитали жизнь чуть ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а все исполнять, а другой день наоборотъ — я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы обѣ будемъ поровну другъ другу приказывать; а тамъ кто-нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ-нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастье. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня, и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись разомъ, поцѣловались наскоро, потому что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужого глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ разсказомъ.

— Злая, злая ты этакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другого на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму Фальстафкину плетку, и ужъ если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазенки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто-нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цѣлуем-

ся. А цѣловались мы въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось недолго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего разсказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все что подмѣтила, — что мы обѣ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цѣлуемся, плачемъ, хохочемъ какъ безумныя, — какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ чему приписать все это, но ей кажется, что княжна въ какомъ-нибудь болѣзненномъ кризисѣ и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, — отвѣчала княгиня, — ужъ я знала, что эта странная сиротка надѣлаетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ разсказали про нее, про жизнь ея, — ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, — сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, правi-

ла. И не понимаю, что находитъ въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ послали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, то есть ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла; на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣняла намѣренія. Мало-по-малу я стала приходить въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ, Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашемъ, страшными каракулями, слѣдующее:

«Я тебя очень люблю. Сижу съ maman и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу — я сказала, и потому не плачь. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь? А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Нѣточка. Посылаю тебѣ конфектъ. Прощай».

Я отвѣчала въ этомъ же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непремѣнно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я разспрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа, какой ты хорошій человѣкъ, папа!

— Шалуньи вы! Что съ вами сдѣлалось? Что за дружба? Что за любовь?

— Молчи, папа, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ея личика, и блѣдность прокрадывалась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ, постучалась Настя. Знакъ, что хватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла, какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословитъ васъ Господь! — сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но расчиталъ очень худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала до самаго прощанія съ

княжной. На прощаньѣ настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! — сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ; — ты не смотри на меня; это такъ; я не больна, я пріѣду черезъ мѣсяцъ опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, — сказала княгиня спокойно; — ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! — успѣла она прошептать, обнимая меня. — До свиданія!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна исчезла — надолго, очень надолго. Прошло восемь лѣтъ до нашего свиданія!

. . . . . .

Я нарочно разсказала такъ подробно этотъ эпизодъ моего дѣтства, перваго появленія Кати въ моей жизни. Но наши исторіи нераздѣльны. Ея романъ — мой романъ. Какъ будто суждено мнѣ было встрѣтить ее; какъ будто суждено ей было найти меня. Да и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи перенестись еще разъ воспоминаніемъ въ мое дѣтство... Теперь разсказъ мой пойдетъ быстрѣе. Жизнь моя вдругъ впала въ какое-то затишье, и я какъ будто очнулась вновь, когда мнѣ ужъ минуло шестнадцать лѣтъ...

Но — нѣсколько словъ о томъ, что сталось со мною по отъѣздѣ княжескаго семейства въ Москву.

Мы остались съ мадамъ Леотаръ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ нарочный и объявилъ, что поѣздка въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время. Такъ какъ мадамъ Леотаръ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могла ѣхать въ Москву, то должность ея въ домѣ князя кончилась; но она осталась въ томъ же семействѣ и перешла къ старшей дочери княгини, Александрѣ Михайловнѣ.

Я еще ничего не сказала про Александру Михайловну, да и видѣла я ее всего одинъ разъ. Она была дочь княгини еще отъ перваго мужа. Происхожденіе и родство княгини было какое-то темное; первый мужъ ея былъ откупщикъ. Когда княгиня вышла замужъ вторично, то рѣшительно не знала, что ей дѣлать со старшей дочерью. На блестящую партію она надѣяться не могла. Приданое же давали за нею умѣренное; наконецъ, четыре года назадъ, сумѣли выдать ее за человѣка богатаго и въ значительныхъ чинахъ. Александра Михайловна поступила въ другое общество и увидѣла кругомъ себя другой свѣтъ. Княгиня посѣщала ее въ годъ по два раза; князь, отчимъ ея, посѣщалъ ее каждую недѣлю, вмѣстѣ съ Катей. Но въ послѣднее время княгиня не любила пускать Катю къ сестрѣ, и князь возилъ ее потихоньку. Катя обожала сестру. Но онѣ составляли цѣлый контрастъ характеровъ. Александра Михайловна была женщина лѣтъ двадцати-двухъ, тихая, нѣжная, любящая; словно какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово оттѣняли прекрасныя черты ея. Серьезность и суровость какая-то не шли къ ея ангельски-яснымъ чертамъ, словно трауръ къ ре-

бенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовавъ къ ней глубокой симпатіи. Она была блѣдна и, говорили, склонна къ чахоткѣ, когда я ее первый разъ видѣла. Жила она очень уединенно и не любила ни съѣздовъ у себя, ни выѣздовъ въ люди, — словно монастырка. Дѣтей у нея не было. Помню, она пріѣхала къ мадамъ Леотаръ, подошла ко мнѣ и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловала меня. Съ ней былъ одинъ худощавый, довольно пожилой мужчина. Онъ прослезился, на меня глядя. Это былъ скрипачъ Б. Александра Михайловна обняла меня и спросила, хочу ли я жить у нея и быть ея дочерью. Посмотрѣвъ ей въ лицо, я узнала сестру моей Кати и обняла ее съ глухой болью въ сердцѣ, отъ которой заныла вся грудь моя... какъ будто кто-то еще разъ произнесъ надо мною: «сиротка!» Тогда Александра Михайловна показала мнѣ письмо отъ князя. Въ немъ было нѣсколько строкъ ко мнѣ, и я прочла ихъ съ глухими рыданіями. Князь благословлялъ меня на долгую жизнь и счастье, и просилъ любить другую дочь его. Катя приписала мнѣ тоже нѣсколько строкъ. Она писала, что не разлучается теперь съ матерью.

И вотъ, вечеромъ я вошла въ другую семью, въ другой домъ, къ новымъ людямъ, въ другой разъ оторвавъ сердце отъ всего, что мнѣ стало такъ мило, что было уже для меня родное. Я пріѣхала вся измученная, истерзанная отъ душевной тоски... Теперь начинается новая исторія.

VI.

Новая жизнь моя пошла такъ безмятежно и тихо, какъ будто я поселилась среди затворниковъ...

Я прожила у моихъ воспитателей слишкомъ восемь лѣтъ, и не помню, чтобы во все это время, кромѣ какихъ-нибудь нѣсколькихъ разъ, въ домѣ былъ званый вечеръ, обѣдъ, или какъ бы нибудь собрались родные, друзья и знакомые. Исключая двухъ-трехъ лицъ, которыя ѣзжали изрѣдка, музыканта Б., который былъ другомъ дома, да тѣхъ, которые бывали у мужа Александры Михайловны, почти всегда по дѣламъ, въ нашъ домъ болѣе никто не являлся. Мужъ Александры Михайловны постоянно былъ занятъ дѣлами и службою, и только изрѣдка могъ выгадывать хоть сколько-нибудь свободнаго времени, которое и дѣлилось поровну между семействомъ и свѣтскою жизнью. Значительныя связи, которыми пренебрегать было невозможно, заставляли его довольно часто напоминать о себѣ въ обществѣ. Почти всюду носилась молва о его неограниченномъ честолюбіи; но такъ какъ онъ пользовался репутаціей человѣка дѣлового, серьезнаго, такъ какъ онъ занималъ весьма видное мѣсто, а счастье и удача какъ будто сами ловили его на дорогѣ, то общественное мнѣніе далеко не отнимало у него своей симпатіи. Даже было и болѣе. Къ нему всѣ постоянно чувствовали какое-то особенное участіе, въ которомъ, обратно, совершенно отказывали женѣ его. Александра Михайловна жила въ полномъ одиночествѣ; но она какъ будто и рада была тому. Ея тихій характеръ какъ будто созданъ былъ для затворничества.

Она привязана была ко мнѣ всей душой, полюбила меня какъ родное дитя свое, и я, еще съ неостывшими слезами отъ разлуки съ Катей, еще съ болѣвшимъ сердцемъ, жадно бросилась въ материн-

скія объятія моей благодѣтельницы. Съ тѣхъ поръ горячая моя любовь къ ней не прерывалась. Она была мнѣ мать, сестра, другъ, замѣнила мнѣ все на свѣтѣ и взлелѣяла мою юность. Къ тому же я скоро замѣтила инстинктомъ, предчувствіемъ, что судьба ея вовсе не такъ красна, какъ о томъ можно было судить съ перваго взгляда по ея тихой, казавшейся спокойною, жизни, по видимой свободѣ, по безмятежно-ясной улыбкѣ, которая такъ часто свѣтлѣла на лицѣ ея, и потому каждый день моего развитія объяснялъ мнѣ что-нибудь новое въ судьбѣ моей благодѣтельницы, что-то такое, что мучительно и медленно угадывалось сердцемъ моимъ, и вмѣстѣ съ грустнымъ сознаніемъ все болѣе и болѣе росла и крѣпла моя къ ней привязанность.

Характеръ ея былъ робокъ, слабъ. Смотря на ясныя, спокойныя черты лица ея, нельзя было предположить, съ перваго раза, чтобъ какая-нибудь тревога могла смутить ея праведное сердце. Помыслить нельзя было, чтобъ она могла не любить хоть кого-нибудь; состраданіе всегда брало въ ея душѣ верхъ даже надъ самымъ отвращеніемъ, — а между тѣмъ она привязана была къ немногимъ друзьямъ и жила въ полномъ уединеніи... Она была страстна и впечатлительна по натурѣ своей, но въ то же время какъ будто сама боялась своихъ впечатлѣній, какъ будто каждую минуту стерегла свое сердце, не давая ему забыться, хотя бы въ мечтаніи. Иногда вдругъ, среди самой свѣтлой минуты, я замѣчала слезы въ глазахъ ея; словно внезапное, тягостное воспоминаніе чего-то мучительно-терзавшаго ея совѣсть вспыхивало въ ея душѣ; какъ будто что-то стерегло ея счастье и враждебно смущало его. И чѣмъ, казалось, счастливѣе была

она, чѣмъ покойнѣе, яснѣе была минута ея жизни, тѣмъ ближе была тоска, тѣмъ вѣроятнѣе была внезапная грусть, слезы: какъ будто на нее находилъ припадокъ. Я не запомню ни одного спокойнаго мѣсяца въ цѣлыя восемь лѣтъ. Мужъ, повидимому, очень любилъ ее; она обожала его. Но съ перваго взгляда казалось, какъ будто что-то было недосказано между ними. Какая-то тайна была въ судьбѣ ея; по крайней мѣрѣ, я начала подозрѣвать съ первой минуты . . .

Мужъ Александры Михайловны съ перваго раза произвелъ на меня угрюмое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зародилось въ дѣтствѣ и уже никогда не изглаживалось. Съ виду это былъ человѣкъ высокій, худой и какъ будто съ намѣреніемъ скрывавшій свой взглядъ подъ большими зелеными очками. Онъ былъ не сообщителенъ, сухъ и даже глазъ на глазъ съ женой какъ будто не находилъ темы для разговора. Онъ видимо тяготился людьми. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, а между тѣмъ я, каждый разъ, когда, бывало, вечеромъ всѣ трое сойдемся въ гостиной Александры Михайловны пить чай, была сама не своя во время его присутствія. Украдкой взглядывала я на Александру Михайловну и съ тоскою замѣчала, что и она вся какъ будто обдумываетъ каждое свое движеніе, блѣднѣетъ, если замѣчаетъ, что мужъ становится особенно суровъ и угрюмъ, или внезапно вся покраснѣетъ, какъ будто услышавъ или угадавъ какой-нибудь намекъ въ какомъ-нибудь словѣ мужа. Я чувствовала, что ей тяжело быть съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ она, повидимому, жить не могла безъ него ни минуты. Меня поражало ея необыкновенно вниманіе къ нему, къ каждому его слову, къ

каждому движенію; какъ будто бы ей хотѣлось всѣми силами въ чемъ-то угодить ему, какъ будто она чувствовала, что ей не удавалось исполнить своего желанія. Она какъ будто выманивала у него одобренія: малѣйшая улыбка на его лицѣ, полслова ласковаго, и она была счастлива; точно какъ будто это были первыя минуты еще робкой, еще безнадежной любви. Она за мужемъ ухаживала какъ за труднымъ больнымъ. Когда же онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, пожавъ руку Александры Михайловны, на которую, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ всегда съ какимъ-то тягостнымъ для нея состраданіемъ, она вся перемѣнялась. Движенія, разговоръ ея точасъ же становились веселѣе, свободнѣе. Но какое-то смущеніе еще надолго оставалось въ ней послѣ каждаго свиданія съ мужемъ. Она тотчасъ же начинала припоминать каждое слово, имъ сказанное, какъ будто взвѣшивая всѣ слова его. Нерѣдко обращалась она ко мнѣ съ вопросомъ: такъ ли она слышала и такъ ли именно выразился Петръ Александровичъ? — какъ будто ища какого-то другого смысла въ томъ, что онъ говорилъ, и только, можетъ быть, цѣлый часъ спустя совершенно ободрялась, какъ будто убѣдившись, что онъ совершенно доволенъ ею, и что она напрасно тревожится. Тогда она вдругъ становилась добра, весела, радостна, цѣловала меня, смѣялась со мною, или подходила къ фортепіано и импровизировала на немъ часа два. Но нерѣдко радость ея вдругъ прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрѣла на нее вся въ тревогѣ, въ смущеніи, въ испугѣ, она тотчасъ увѣряла меня шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ не услышали, что слезы ея такъ, ничего, что ей весело, и чтобъ я о ней не мучилась.

Случалось, что въ отсутствіе мужа она вдругъ начинала тревожиться, разспрашивать о немъ, безпокоиться: посылала узнать, что онъ дѣлаетъ, разузнавала отъ своей дѣвушки, зачѣмъ приказано подавать лошадей, и куда онъ хочетъ ѣхать, не боленъ ли онъ, веселъ или скученъ, что̀ говорилъ и т. д. О дѣлахъ и занятіяхъ его она какъ будто не смѣла съ нимъ сама заговаривать. Когда онъ совѣтовалъ ей что-нибудь или просилъ о чемъ, она выслушивала его такъ покорно, такъ робѣла за себя, какъ будто была его раба. Она очень любила, чтобъ онъ похвалилъ что-нибудь у ней, какую-нибудь вещь, книгу, какое-нибудь ея рукодѣлье. Она какъ будто тщеславилась этимъ и тотчасъ дѣлалась счастлива. Но радостямъ ея не было конца, когда онъ, невзначай (что было очень рѣдко), вздумаетъ приласкать малютокъ дѣтей, которыхъ было двое. Лицо ея преображалось, сіяло счастьемъ, и въ эти минуты ей случалось даже *слишкомъ* увлечься своею радостью передъ мужемъ. Она, напримѣръ, даже до того простирала смѣлость, что вдругъ сама, безъ его вызова, предлагала ему, конечно, съ робостью и трепещущимъ голосомъ, чтобъ онъ или выслушивалъ новую музыку, которую она получила, или сказалъ свое мнѣніе о какой-нибудь книгѣ, или даже позволилъ ей прочесть себѣ страницу другую какого-нибудь автора, который въ тотъ день произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Иногда мужъ благосклонно исполнялъ всѣ желанія ея и даже снисходительно ей улыбался, какъ улыбаются баловнику-дитяти, которому не хотятъ отказать въ иной странной прихоти, боясь преждевременно и враждебно смутить его наивность. Но, не знаю почему — меня до глубины души возмущали

эта улыбка, это высокомѣрное снисхожденіе, это неравенство между ними; я молчала, удерживалась и только прилежно слѣдила за ними съ ребяческимъ любопытствомъ, но съ преждевременно суровой думой. Въ другой разъ я замѣчала, что онъ вдругъ какъ будто невольно спохватится, какъ будто опомнится; какъ будто онъ внезапно, черезъ силу и противъ воли, вспомнитъ о чемъ-то тяжеломъ, ужасномъ, неизбѣжномъ, мигомъ снисходительная улыбка исчезаетъ съ лица его, и глаза его вдругъ устремляются на оторопѣвшую жену съ такимъ состраданіемъ, отъ котораго я вздрагивала, которое, какъ теперь сознаю, если бъ было ко мнѣ, то я бы измучилась. Въ ту же минуту радость исчезала съ лица Александры Михайловны. Музыка или чтеніе прерывались. Она блѣднѣла, но крѣпилась и молчала. Наступала непріятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась. Наконецъ, мужъ прерывалъ ее. Онъ подымался съ мѣста, какъ будто черезъ силу подавляя въ себѣ досаду и волненіе, и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ въ угрюмомъ молчаніи, жалъ руку женѣ, глубоко вздыхалъ и, въ очевидномъ смущеніи, сказавъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, въ которыхъ какъ бы проглядывало желаніе утѣшить жену, выходилъ изъ комнаты, а Александра Михайловна ударялась въ слезы или впадала въ страшную, долгую грусть. Часто онъ благословлялъ и крестилъ ее, какъ ребенка, прощаясь съ ней съ вечера, и она принимала его благословеніе со слезами благодарности и съ благоговѣніемъ. Но не могу забыть нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ (въ цѣлыя восемь лѣтъ — двухъ-трехъ, не болѣе), когда Александра Михайловна какъ будто вдругъ вся перемѣнялась. Какой-

то гнѣвъ, какое-то негодованіе отражались на обыкновенно тихомъ лицѣ ея, вмѣсто всегдашняго самоуниженія и благоговѣнія къ мужу. Иногда цѣлый часъ приготовлялась гроза; мужъ становился молчаливѣе, суровѣе и угрюмѣе обыкновеннаго. Наконецъ, больное сердце бѣдной женщины какъ будто не выносило. Она начинала прерывающимся отъ волненія голосомъ разговоръ, сначала отрывистый, безсвязный, полный какихъ-то намековъ и горькихъ недомолвокъ; потомъ, какъ будто не вынося тоски своей, вдругъ разрѣшалась слезами, рыданіями, а затѣмъ слѣдовалъ взрывъ негодованія, укоровъ, жалобъ, отчаянія, — словно она впадала въ болѣзненный кризисъ. И тогда нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ выносилъ это мужъ, съ какимъ участіемъ склонялъ ее успокоиться, цѣловалъ ея руки и даже, наконецъ, начиналъ плакать вмѣстѣ съ нею; тогда вдругъ она какъ будто опомнится, какъ будто совѣсть крикнетъ на нее и уличитъ въ преступленіи. Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, въ отчаяніи, съ судорожными рыданіями, у ногъ его вымаливала о прощеніи, которое тотчасъ же получала. Но еще надолго продолжались мученія ея совѣсти, слезы и моленія простить ее, и еще робче, еще трепетнѣе становилась она передъ нимъ на цѣлые мѣсяцы. Я ничего не могла понять въ этихъ укорахъ и упрекахъ; меня же и высылали въ это время изъ комнаты, и всегда очень неловко. Но скрыться совершенно отъ меня не могли. Я наблюдала, замѣчала, угадывала, и съ самаго начала вселилось въ меня темное подозрѣніе, что какая-то тайна лежитъ на всемъ этомъ, что эти внезапные взрывы уязвленнаго сердца не простой, нервный кризисъ; что недаромъ же всегда хмуренъ

мужъ, что недаромъ это какъ будто двусмысленное состраданіе его къ бѣдной, больной женѣ, что не даромъ всегдашняя робость и трепетъ ея передъ нимъ, и эта смиренная, странная любовь, которую она даже не смѣла проявить предъ мужемъ, что не даромъ это уединеніе, эта монастырская жизнь, эта краска и эта внезапная смертная блѣдность на лицѣ ея въ присутствіи мужа.

Но такъ какъ подобныя сцены съ мужемъ были очень рѣдки; такъ какъ жизнь наша была очень однообразна и я уже слишкомъ близко къ ней присмотрѣлась; такъ какъ, наконецъ, я развивалась и росла очень быстро и много ужъ начало пробуждаться во мнѣ новаго, хотя безсознательнаго, отблекавшаго меня отъ моихъ наблюденій, то я и привыкла, наконецъ, къ этой жизни, къ этимъ обычаямъ и къ характерамъ, которые меня окружали. Я, конечно, не могла не задуматься подчасъ, глядя на Александру Михайловну, но думы мои покамѣстъ не разрѣшались ничѣмъ. Я же крѣпко любила ее, уважала ея тоску, и потому боялась смущать ея подымчивое сердце своимъ любопытствомъ. Она понимала меня, и сколько разъ готова была благодарить меня за мою къ ней привязанность! То, замѣтивъ заботу мою, улыбалась нерѣдко сквозь слезы и сама шутила надъ частыми слезами своими; то вдругъ начнетъ разсказывать мнѣ, что она очень довольна, очень счастлива, что къ ней всѣ такъ добры, что всѣ тѣ, которыхъ она знала, до сихъ поръ такъ любили ее, что ее очень мучаетъ то, что Петръ Александровичъ вѣчно тоскуетъ о ней, о ея душевномъ спокойствіи, тогда какъ она, напротивъ, такъ счастлива, такъ счастлива!.. И тутъ она обнимала меня съ такимъ глубокимъ чувствомъ, та-

кою любовью свѣтилось лицо ея, что сердце мое, если можно сказать, какъ-то болѣло сочувствіемъ къ ней.

Черты лица ея никогда не изгладятся изъ моей памяти. Онѣ были правильны, а худоба и блѣдность, казалось, еще болѣе возвышали строгую прелесть ея красоты. Густѣйшіе черные волосы, зачесанные гладко книзу, бросали суровую, рѣзкую тѣнь на окраины щекъ; но, казалось, тѣмъ любовнѣе поражалъ васъ контрастъ ея нѣжнаго взгляда, большихъ дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазъ, на которомъ отражалось подчасъ такъ много наивнаго, несмѣлаго, какъ бы незащищеннаго, какъ будто боявшагося за каждое ощущеніе, за каждый порывъ сердца: и за мгновенную радость, и за частую тихую грусть. Но въ иную счастливую, нетревожную минуту, въ этомъ взглядѣ, проницавшемъ въ сердце, было столько яснаго, свѣтлаго какъ день, столько праведно-спокойнаго; эти глаза, голубые какъ небо, сіяли такою любовью, смотрѣли такъ сладко, въ нихъ отражалось всегда такое глубокое чувство симпатіи ко всему, что̀ было благородно, ко всему, что просило любви, молило о состраданіи, — что вся душа покорялась ей, невольно стремилась къ ней и, казалось, отъ нея же принимала и эту ясность, и это спокойствіе духа, и примиреніе, и любовь. Такъ въ иной разъ засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готовъ пробыть цѣлые часы въ сладостномъ созерцаніи, и что свободнѣе, спокойнѣе становится въ эти минуты душа, точно въ ней, какъ будто въ тихой пеленѣ воды, отразился величайшій куполъ небесный. Когда же — и это такъ часто случалось — одушевленіе нагоняло краску на ея лицо, и грудь ея колыхалась отъ

волненія, тогда глаза ея блестѣли какъ молнія, какъ будто метали искры, какъ будто вся ея душа, цѣломудренно сохранившая чистый пламень прекраснаго, теперь ее воодушевившаго, переселялась въ нихъ. Въ эти минуты она была какъ вдохновенная. И въ такихъ внезапныхъ порывахъ увлеченія, въ такихъ переходахъ отъ тихаго, робкаго настроенія духа къ просвѣтленному, высокому одушевленію, къ чистому, строгому энтузіазму, вмѣстѣ съ тѣмъ было столько наивнаго, дѣтски-скораго, столько младенческаго вѣрованія, что художникъ, кажется, полжизни бы отдалъ, чтобъ подмѣтить такую минуту свѣтлаго восторга и перенесть это вдохновенное лицо на полотно.

Съ первыхъ дней моихъ въ этомъ домѣ, я увидѣла, что она даже обрадовалась мнѣ въ своемъ уединеніи. Тогда еще у ней было только одно дитя, и только годъ какъ она была матерью. Но я вполнѣ была ея дочерью, и различій между мной и своими она дѣлать не могла. Съ какимъ жаромъ она принялась за мое воспитаніе! Она такъ заторопилась вначалѣ, что мадамъ Леотаръ невольно улыбалась, на нее глядя. Въ самомъ дѣлѣ, мы было взялись вдругъ за все, такъ что и не поняли было другъ друга. Напримѣръ, она взялась учить меня сама и вдругъ очень многому, но такъ многому, что выходило съ ея стороны больше горячки, больше жару, болѣе любовнаго нетерпѣнія, чѣмъ истинной пользы для меня. Сначала она была огорчена своимъ неумѣньемъ; но, разсмѣявшись, мы принялись сызнова, хотя Александра Михайловна, несмотря на первую неудачу, смѣло объявила себя противъ системы мадамъ Леотаръ. Онѣ спорили смѣясь, но новая воспитательница моя наотрѣзъ объявила се-

бя противъ всякой системы, утверждая, что мы съ нею ощупью найдемъ настоящую дорогу, что нечего мнѣ набивать голову сухими познаніями, и что весь успѣхъ зависитъ отъ уразумѣнія моихъ инстинктовъ и отъ умѣнія возбудить во мнѣ добрую волю, — и она была права, потому что вполнѣ одерживала побѣду. Во-первыхъ, съ самаго начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились какъ двѣ подруги, и иногда дѣлалось такъ, что какъ будто я учила Александру Михайловну, не замѣчая хитрости. Такъ, между нами часто рождались споры, и я изъ всѣхъ силъ горячилась, чтобъ доказать дѣло, какъ я его понимаю, и незамѣтно Александра Михайловна выводила меня на настоящій путь. Но кончалось тѣмъ, что когда мы доберемся до истины, я тотчасъ догадывалась, изобличала уловку Александры Михайловны и, взвѣсивъ всѣ ея старанія со мной, нерѣдко цѣлые часы, пожертвованные такимъ образомъ для моей пользы, я бросалась къ ней на шею и крѣпко обнимала ее послѣ каждаго урока. Моя чувствительность изумляла и трогала ее даже до недоумѣнія. Она съ любопытствомъ начинала разспрашивать о моемъ прошедшемъ, желая услышать его отъ меня, и каждый разъ послѣ моихъ разсказовъ становилась со мной нѣжнѣе и серьезнѣе, — серьезнѣе, потому что я, съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, внушала ей, вмѣстѣ съ состраданіемъ, какъ будто какое-то уваженіе. Послѣ моихъ признаній, мы пускались обыкновенно въ долгіе разговоры, которыми она мнѣ же объясняла мое прошлое, такъ что я дѣйствительно какъ будто вновь переживала его и многому вновь научилась. Мадамъ Леотаръ часто находила эти разговоры слишкомъ серьезными и, видя мои

невольныя слезы, считала ихъ совсѣмъ не у мѣста. Я же думала совершенно напротивъ, потому что послѣ этихъ *уроковъ* мнѣ становилось такъ легко и сладко, какъ будто и не было въ моей судьбѣ ничего несчастнаго. Сверхъ того, я была слишкомъ благодарна Александрѣ Михайловнѣ за то, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе заставляла такъ любить себя. Мадамъ Леотаръ и невдомекъ было, что такимъ образомъ, мало-по-малу, уравнивалось и приходило въ стройную гармонію все, что прежде поднималось изъ души неправильно, преждевременно-бурно, и до чего доходило мое дѣтское сердце, все изъязвленное, съ мучительною болью, такъ что несправедливо ожесточалось оно и плакалось на эту боль, не понимая, откуда удары.

День начинался тѣмъ, что мы обѣ сходились въ дѣтской, у ея ребенка, будили его, одѣвали, убирали, кормили его, забавляли, учили его говорить. Наконецъ, мы оставляли ребенка и садились за дѣло. Учились мы многому, но Богъ знаетъ какая это была наука. Тутъ было все, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего опредѣленнаго. Мы читали, разсказывали другъ другу свои впечатлѣнія, бросали книгу для музыки, и цѣлые часы летѣли незамѣтно. По вечерамъ часто приходилъ Б., другъ Александры Михайловны, приходила мадамъ Леотаръ; нерѣдко начинался разговоръ самый жаркій, горячій, объ искусствѣ, о жизни (которую мы въ нашемъ кружкѣ знали только по наслышкѣ), о дѣйствительности, объ идеалахъ, о прошедшемъ и будущемъ, и мы засиживались заполночь. Я слушала изъ всѣхъ силъ, воспламенялась вмѣстѣ съ другими, смѣялась, или была растрогана, и тутъ-то узнала я въ подробности все то, что касалось до моего отца и до моего

перваго дѣтства. Между тѣмъ я росла; мнѣ нанимали учителей, отъ которыхъ, безъ Александры Михайловны, я бы ничему не научилась. Съ учителемъ географіи я бы только ослѣпла, отыскивая на картѣ города и рѣки. Съ Александрой Михайловной мы пускались въ такія путешествія, перебывали въ такихъ странахъ, видѣли столько диковинъ, пережили столько восторженныхъ, столько фантастическихъ часовъ, и такъ сильно было обоюдное рвеніе, что книгъ, прочитанныхъ ею, наконецъ, рѣшительно не достало: мы принуждены были приняться за новыя книги. Скоро я могла сама показывать моему учителю географіи, хотя все-таки, нужно отдать ему справедливость, онъ до конца сохранилъ передо мной превосходство въ полномъ и совершенно опредѣлительномъ познаніи градусовъ, подъ которыми лежалъ какой-нибудь городокъ, и тысячъ, сотенъ и даже тѣхъ десятковъ жителей, которые въ немъ заключались. Учителю исторіи платились деньги тоже чрезвычайно исправно; но, по уходѣ его, мы съ Александрой Михайловной исторію учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она же и держала цензуру. Никогда я не испытывала болѣе восторга, какъ послѣ этого чтенія. Мы одушевлялись обѣ, какъ будто сами были героями. Конечно, между строчками читалось больше, чѣмъ въ строчкахъ; Александра Михайловна, кромѣ того, прекрасно разсказывала, такъ, какъ будто при ней случилось все, о чемъ мы читали. Но пусть будетъ, пожалуй, смѣшно, что мы такъ воспламенялись и просиживали заполночь, я — ребенокъ, она — уязвленное сердце, такъ тяжело переносив-

шее жизнь! Я знала, что она какъ будто отдыхала подлѣ меня. Припоминаю, что подчасъ я странно задумывалась, на нее глядя, я угадывала, и прежде чѣмъ я начала жить, я уже угадала многое въ жизни.

Наконецъ, мнѣ минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ здоровье Александры Михайловны становилось все хуже и хуже. Она дѣлалась раздражительнѣе, припадки ея безвыходной грусти ожесточеннѣе, визиты мужа начались чаще, и просиживалъ онъ съ нею, разумѣется, какъ и прежде, почти молча, суровый и хмурый, все больше и больше времени. Ея судьба стала сильнѣе занимать меня. Я выходила изъ дѣтства, во мнѣ ужъ сформировалось много новыхъ впечатлѣній, наблюденій, увлеченій, догадокъ; ясно, что загадка, бывшая въ этомъ семействѣ, все болѣе и болѣе стала мучить меня. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что я что-то помню въ этой загадкѣ. Въ другое время я впадала въ равнодушіе, въ апатію, даже въ досаду, и забывала свое любопытство, не находя ни на одинъ вопросъ разрѣшенія. Порой — и это случалось все чаще и чаще — я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, все думать: моя настоящая минута похожа была на то время, когда еще я жила у родителей, и когда вначалѣ, прежде чѣмъ сошлась съ отцомъ, цѣлый годъ думала, соображала, приглядывалась изъ своего угла на свѣтъ Божій, такъ что, наконецъ, совсѣмъ одичала среди фантастическихъ призраковъ, мною же созданныхъ. Разница была въ томъ, что теперь было больше нетерпѣнія, больше тоски, болѣе новыхъ, безсознательныхъ порывовъ, болѣе жажды къ движенію, къ подымчивости, такъ что сосредоточиться

на одномъ, какъ было прежде, я не могла. Съ своей стороны, Александра Михайловна какъ будто сама стала болѣе удаляться меня. Въ этомъ возрастѣ я уже почти не могла ей быть подругой. Я была не ребенокъ, я слишкомъ о многомъ спрашивала и подчасъ смотрѣла на нее такъ, что она должна была потуплять глаза предо мною. Были странныя минуты. Я не могла видѣть ея слезъ, и часто слезы накипали въ моихъ глазахъ, глядя на нее. Я бросалась къ ней на шею и горячо обнимала ее. Что̀ она могла отвѣчать мнѣ? Я чувствовала, что была ей въ тягость. Но въ другое время — и это было тяжелое, грустное время — она сама, какъ будто въ какомъ-то отчаяніи, судорожно обнимала меня, какъ будто искала моего участія, какъ будто не могла выносить своего одиночества, какъ будто я ужъ понимала ее, какъ будто мы страдали съ ней вмѣстѣ. Но между нами все-таки оставалась тайна, это было очевидно, и я ужъ сама начала удаляться отъ нея въ эти минуты. Мнѣ тяжело было съ ней. Кромѣ того, насъ ужъ мало что соединяло, одна музыка. Но музыку стали ей запрещать доктора. Книги? Но здѣсь было всего труднѣе. Она рѣшительно не знала, какъ читать со мною. Мы, конечно, остановились бы на первой страницѣ: каждое слово могло быть намекомъ, каждая незначащая фраза — загадкой. Отъ разговора вдвоемъ, горячаго, задушевнаго, мы обѣ бѣжали.

И вотъ, въ это время судьба внезапно и неожиданно повернула мою жизнь чрезвычайно страннымъ образомъ. Мое вниманіе, мои чувства, сердце, голова, — все разомъ, съ напряженною силою, доходившею даже до энтузіазма, обратилось вдругъ къ другой, совсѣмъ неожиданной дѣятельности, и я

сама, не замѣтивъ того, вся перенеслась въ новый міръ; мнѣ некогда было обернуться, осмотрѣться, одуматься; я могла погибнуть, даже чувствовала это; но соблазнъ былъ сильнѣе страха, и я пошла наудачу, закрывши глаза. И надолго отвлеклась я отъ той дѣйствительности, которая такъ начинала тяготить меня, и въ которой я такъ жадно и безпослезно искала выхода. Вотъ что такое это было, и вотъ какъ оно случилось.

Изъ столовой было три выхода: одинъ въ большія комнаты, другой въ мою и въ дѣтскія, а третій велъ въ библіотеку. Изъ библіотеки былъ еще другой ходъ, отдѣлявшійся отъ моей комнаты только однимъ рабочимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно помѣщался помощникъ Петра Александровича въ дѣлахъ, его переписчикъ, его сподручникъ, бывшій въ одно и то же время его секретаремъ и факторомъ. Ключъ отъ шкафовъ и библіотеки хранился у него. Однажды, послѣ обѣда, когда его не было дома, я нашла этотъ ключъ на полу. Меня взяло любопытство, и, вооружась своей находкой, я вошла въ библіотеку. Это была довольно большая комната, очень свѣтлая, установленная кругомъ восемью большими шкафами, полными книгъ. Книгъ было очень много, и изъ нихъ большая часть досталась Петру Александровичу какъ-то по наслѣдству. Другая часть книгъ собрана была Александрой Михайловной, которая покупала ихъ безпрестанно. До сихъ поръ мнѣ давали читать съ большою осмотрительностью, такъ что я безъ труда догадалась, что мнѣ многое запрещаютъ, и что многое для меня тайна. Вотъ почему я съ неудержимымъ любопытствомъ, въ припадкѣ страха и радости и какого-то особеннаго, безотчетнаго чув-

ства отворила первый шкафъ и вынула первую книгу. Въ этомъ шкафѣ были романы. Я взяла одинъ изъ нихъ, затворила шкафъ и унесла къ себѣ книгу съ такимъ страннымъ ощущеніемъ, съ такимъ біеніемъ и замираніемъ сердца, какъ будто я предчувствовала, что въ моей жизни совершается большой переворотъ. Войдя къ себѣ въ комнату, я заперлась и раскрыла романъ. Но читать я не могла; у меня была другая забота: мнѣ сначала нужно было уладить прочно и окончательно свое обладаніе библіотекой такъ, чтобъ никто того не зналъ, и чтобъ возможность имѣть всякую книгу во всякое время осталась при мнѣ. И потому я отложила свое наслажденіе до болѣе удобной минуты, книгу отнесла назадъ, а ключъ утаила у себя. Я утаила его, и — это былъ первый дурной поступокъ въ моей жизни. Я ждала послѣдствій; онѣ уладились чрезвычайно благопріятно: секретарь и помощникъ Петра Александровича, проискавъ ключа цѣлый вечеръ и часть ночи со свѣчою на полу, рѣшился на утро призвать слесаря, который изъ связки принесенныхъ имъ ключей прибралъ новый. Тѣмъ дѣло и кончилось, а о пропажѣ ключа никто болѣе ничего не слыхалъ; я же повела дѣло такъ осторожно и хитро, что пошла въ библіотеку только чрезъ недѣлю, совершенно увѣрившись въ полной безопасности насчетъ всѣхъ подозрѣній. Сначала я выбирала время, когда секретаря не было дома; потомъ же стала заходить изъ столовой, потому что письмоводитель Петра Александровича имѣлъ у себя только ключъ въ карманѣ, а въ дальнѣйшія сношенія съ книгами никогда не вступалъ, и потому даже не входилъ въ комнату, въ которой онѣ находились.

Я начала читать съ жадностью, и скоро чтеніе увлекло меня совершенно. Всѣ новыя потребности мои, всѣ недавнія стремленія, всѣ еще неясные порывы моего отроческаго возраста, такъ безпокойно и мятежно возставшіе было въ душѣ моей, нетерпѣливо вызванные моимъ слишкомъ раннимъ развитіемъ, — все это вдругъ уклонилось въ другой, неожиданно-представшій исходъ надолго, какъ будто вполнѣ удовлетворившись новою пищею, какъ будто найдя себѣ правильный путь. Скоро сердце и голова моя были такъ очарованы, скоро фантазія моя развилась такъ широко, что я какъ будто забыла весь міръ, который доселѣ окружалъ меня. Казалось, сама судьба остановила меня на порогѣ въ новую жизнь, въ которую я такъ порывалась, о которой гадала день и ночь, и прежде чѣмъ пустить меня въ невѣдомый путь, взвела меня на высоту, показавъ мнѣ будущее въ волшебной панорамѣ, въ заманчивой, блестящей перспективѣ. Мнѣ суждено было пережить всю эту будущность, вычитавъ ее сначала изъ книгъ, пережить въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ страстныхъ порывахъ, въ сладостномъ волненіи юнаго духа. Я начала чтеніе безъ разбора, съ первой попавшейся мнѣ подъ руку книги, но судьба хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня не могла уже соблазнить какая-нибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее. Теперь же сознаніе какъ будто вдругъ осѣтило для меня всю прошлую жизнь мою. Дѣйствительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мнѣ ужъ какъ будто знакома, какъ будто уже давно прожита; какъ будто всѣ эти стра-

сти, вся эта жизнь, представшая передо мною въ такихъ неожиданныхъ формахъ, въ такихъ волшебныхъ картинахъ, уже была мною испытана. И какъ не завлечься было мнѣ до забвенія настоящаго, почти до отчужденія отъ дѣйствительности, когда передо мной, въ каждой книгѣ, прочитанной мною, воплощались законы той же судьбы, тотъ же духъ приключеній, который царилъ надъ жизнью человѣка, но истекая изъ какого-то главнаго закона жизни человѣческой, который былъ условіемъ спасенія, охраненія и счастья. Этотъ-то законъ, подозрѣваемый мною, я и старалась угадать всѣми силами, всѣми своими инстинктами, возбужденными во мнѣ почти какимъ-то чувствомъ самосохраненія. Меня какъ будто предувѣдомляли впередъ, какъ будто предостерегалъ кто-нибудь. Какъ будто что-то пророчески тѣснилось мнѣ въ душу, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе крѣпла надежда въ душѣ моей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе были мои порывы въ эту будущность, въ эту жизнь, которая каждодневно поражала меня въ прочитанномъ мною со всей силой, свойственной искусству, со всѣми обольщеніями поэзіи. Но, какъ я уже сказала, фантазія моя слишкомъ владычествовала надъ моимъ нетерпѣніемъ, и я, по правдѣ, была смѣла лишь въ мечтахъ, а на дѣлѣ инстинктивно робѣла передъ будущимъ. И потому, будто предварительно согласясь съ собой, я безсознательно положила довольствоваться покуда міромъ фантазіи, міромъ мечтательности, въ которомъ уже я одна была владычицей, въ которомъ были только одни обольщенія, однѣ радости, и самое несчастье, если и было допускаемо, то играло роль пассивную, роль переходную, роль необходимую для сладкихъ кон-

трастовъ и для внезапнаго поворота судьбы къ счастливой развязкѣ моихъ головныхъ, восторженныхъ романовъ. Такъ понимаю я теперь тогдашнее мое настроеніе.

И такая жизнь, жизнь фантазіи, жизнь рѣзкаго отчужденія отъ всего меня окружавшаго, могла продолжаться цѣлые три года!

Эта жизнь была моя тайна, и послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ я еще не знала, бояться ли мнѣ ея внезапнаго оглашенія, или нѣтъ. То, что я пережила въ эти три года, было слишкомъ мнѣ родное, близкое. Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ слишкомъ сильно отразилась я сама, до того, что, наконецъ, могла смутиться и испугаться чужого взгляда, чей бы онъ ни былъ, который бы неосторожно заглянулъ въ мою душу. Къ тому же мы всѣ, весь домъ нашъ, жили такъ уединенно, такъ внѣ общества, въ такой монастырской тиши, что невольно въ каждомъ изъ насъ должна была развиться сосредоточенность въ себѣ самомъ, какая-то потребность самозаключенія. То же и со мною случилось. Въ эти три года кругомъ меня ничего не преобразилось, все осталось попрежнему. Попрежнему царило между нами унылое однообразіе, которое, — какъ теперь думаю, если бъ я не была увлечена своей тайной, скрытной дѣятельностью, — истерзало бы мою душу и бросило бы меня въ неизвѣстный, мятежный исходъ изъ этого вялаго, тоскливаго круга, въ исходъ, можетъ быть, гибельный. Мадамъ Леотаръ постарѣла и почти совсѣмъ заключилась въ своей комнатѣ; дѣти были еще слишкомъ малы; Б. былъ слишкомъ однообразенъ, а мужъ Александры Михайловны — такой же суровый, такой же недоступный, такой же заключенный въ себя, какъ и пре-

жде. Между нимъ и женой попрежнему была та же таинственность отношеній, которая мнѣ начала представляться все болѣе и болѣе въ грозномъ, суровомъ видѣ, я все болѣе и болѣе пугалась за Александру Михайловну. Жизнь ея, безотрадная, безцвѣтная, видимо гасла въ глазахъ моихъ. Здоровье ея становилось почти съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Какъ будто какое-то отчаяніе вступило, наконецъ, въ ея душу; она видимо была подъ гнетомъ чего-то невѣдомаго, неопредѣленнаго, въ чемъ и сама она не могла дать отчета, чего-то ужаснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой непонятнаго, но которое она приняла какъ неизбѣжный крестъ своей осужденной жизни. Сердце ея ожесточалось, наконецъ, въ этой глухой мукѣ; даже умъ ея принялъ другое направленіе, темное, грустное. Особенно поразило меня одно наблюденіе: мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе я входила въ лѣта, тѣмъ болѣе она какъ бы удалялась отъ меня, такъ что скрытность ея со мной обращалась даже въ какую-то нетерпѣливую досаду. Казалось, она даже не любила меня въ иныя минуты; какъ будто я ей мѣшала. Я сказала, что стала нарочно удаляться ея и, удалившись разъ, какъ будто заразилась таинственностью ея же характера. Вотъ почему все, что̀ я прожила въ эти три года, все, что сформировалось въ душѣ моей, въ мечтахъ, въ познаніяхъ, въ надеждахъ и въ страстныхъ восторгахъ, — все это упрямо осталось при мнѣ. Разъ затаившись другъ отъ друга, мы уже потомъ никогда не сошлись, хотя, кажется мнѣ, я люблю ее съ каждымъ днемъ еще болѣе прежняго. Безъ слезъ не могу вспомнить теперь о томъ, до какой степени она была привязана ко мнѣ, до какой степени она обяза-

лась въ своемъ сердцѣ расточать на меня все сокровище любви, которое въ немъ заключалось, и исполнить обѣтъ свой до конца — быть мнѣ матерью. Правда, собственное горе иногда надолго отвлекало ее отъ меня, она какъ будто забывала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я старалась не напоминать ей о себѣ, такъ что мои шестнадцать лѣтъ подошли, какъ будто никто того не замѣтилъ. Но въ минуты сознанія и болѣе яснаго взгляда кругомъ, Александра Михайловна какъ бы вдругъ начинала обо мнѣ тревожиться; она съ нетерпѣніемъ вызывала меня къ себѣ изъ моей комнаты, изъ-за моихъ уроковъ и занятій, закидывала меня вопросами, какъ будто испытывая, разузнавая меня, не разлучаясь со мной по цѣлымъ днямъ, угадывала всѣ побужденія мои, всѣ желанія, очевидно, заботясь о моемъ возрастѣ, о моей настоящей минутѣ, о будущности, и съ неистощимою любовью, съ какимъ-то благоговѣніемъ готовила мнѣ свою помощь. Но она уже очень отвыкла отъ меня и потому поступала иногда слишкомъ наивно, такъ что все это было мнѣ слишкомъ понятно и замѣтно. Напримѣръ, и это случилось, когда уже мнѣ былъ шестнадцатый годъ, она, перерывъ мои книги, разспросивъ о томъ, что я читаю, и, найдя, что я не вышла еще изъ дѣтскихъ сочиненій для двѣнадцати-лѣтняго возраста, какъ будто вдругъ испугалась. Я догадалась въ чемъ дѣло и слѣдила за нею внимательно. Цѣлыя двѣ недѣли она какъ будто приготовляла меня, испытывала меня, разузнавала степень моего развитія и степень моихъ потребностей. Наконецъ, она рѣшилась начать, и на столѣ нашемъ явился «Ивангое» Вальтеръ-Скотта, котораго я уже давно прочитала, и по крайней мѣрѣ раза

три. Сначала она, съ робкимъ ожиданіемъ слѣдила за моими впечатлѣніями, какъ будто взвѣшивала ихъ, словно боялась за нихъ; наконецъ, эта натянутость между нами, которая была мнѣ слишкомъ примѣтна, исчезла; мы воспламенились обѣ, и я такъ рада, такъ рада была, что могла уже передъ ней не скрываться! Когда мы кончили романъ, она была отъ меня въ восторгѣ. Каждое замѣчаніе мое, во время нашего чтенія, было вѣрно, каждое впечатлѣніе правильно. Въ глазахъ ея я уже развилась слишкомъ далеко. Пораженная этимъ, въ восторгѣ отъ меня, она радостно принялась было опять слѣдить за моимъ воспитаніемъ, — она уже болѣе не хотѣла разлучаться со мной; но это было не въ ея волѣ. Судьба скоро опять разлучила насъ и помѣшала нашему сближенію. Для этого достаточно было перваго припадка болѣзни, припадка ея всегдашняго горя, а затѣмъ опять отчужденія, тайны, недовѣрчивости и, можетъ быть, даже ожесточенія.

Но и въ такое время иногда минута была внѣ нашей власти. Чтеніе, нѣсколько симпатичныхъ словъ, перемолвленныхъ между нами, музыка — и мы забывались, высказывались иногда черезъ мѣру, и послѣ того намъ становилось тяжело другъ передъ другомъ. Одумавшись, мы смотрѣли другъ на друга какъ испуганныя, съ подозрительнымъ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью. У каждаго изъ насъ былъ свой предѣлъ, до котораго могло идти наше сближеніе; за него мы переступить не смѣли, хотя бы и хотѣли.

Однажды вечеромъ, передъ сумерками, я разсѣянно читала книгу въ кабинетѣ Александры Михайловны. Она сидѣла за фортепіано, импровизируя

на тему одного любимѣйшаго ею мотива италіанской музыки. Когда она перешла, наконецъ, въ чистую мелодію аріи, я, увлекшись музыкой, которая проникла мнѣ въ сердце, начала робко, вполголоса, напѣвать этотъ мотивъ про себя. Скоро увлекшись совсѣмъ, я встала съ мѣста и подошла къ фортепіано; Александра Михайловна, какъ бы угадавъ меня, перешла въ аккомпаниментъ и съ любовью слѣдила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатствомъ его. До сихъ поръ я никогда при ней не пѣла, да и сама едва знала, есть ли у меня какія-нибудь средства. Теперь мы вдругъ одушевились обѣ. Я все болѣе и болѣе возвышала голосъ; во мнѣ возбуждалась энергія, страсть, разжигаемая еще болѣе радостнымъ изумленіемъ Александры Михайловны, которое я угадывала въ каждомъ тактѣ ея аккомпанимента. Наконецъ, пѣніе кончилось такъ удачно, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою силою, что она въ восторгѣ схватила мои руки и радостно взглянула на меня.

— Аннета! Да у тебя чудный голосъ, — сказала она. — Боже мой! Какъ же это я не замѣтила!

— Я сама только сейчасъ замѣтила, — отвѣчала я внѣ себя отъ радости.

— Да благословитъ же тебя Богъ, мое милое, безцѣнное дитя! Благодари Его за этотъ даръ. Кто знаетъ . . . Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она была такъ растрогана неожиданностью, въ такомъ изступленіи отъ радости, что не знала, что мнѣ сказать, какъ приголубить меня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ откровенія, взаимной симпатіи, сближенія, которыхъ уже давно не было съ

нами. Черезъ часъ какъ будто праздникъ насталъ въ домѣ. Немедленно послали за Б. Въ ожиданіи его, мы наудачу раскрыли другую музыку, которая мнѣ была знакомѣе, и начали новую арію. Въ этотъ разъ я дрожала отъ робости. Мнѣ не хотѣлось неудачей разрушить первое впечатлѣніе. Но скоро мой же голосъ ободрилъ и поддержалъ меня. Я сама все болѣе и болѣе изумлялась его силѣ, и въ этотъ вторичный опытъ разсѣяно было всякое сомнѣніе. Въ припадкѣ своей нетерпѣливой радости, Александра Михайловна послала за дѣтьми, даже за няней дѣтей своихъ, и, наконецъ, увлекшись совсѣмъ, пошла къ мужу и вызвала его изъ кабинета, о чемъ въ другое время едва бы помыслить осмѣлилась. Петръ Александровичъ выслушалъ новость благосклонно, поздравилъ меня и самъ первый объявилъ, что нужно меня учить. Александра Михайловна, счастливая отъ благодарности, какъ будто Богъ знаетъ что для нея было сдѣлано, бросилась цѣловать его руки. Наконецъ, явился Б. Старикъ былъ обрадованъ. Онъ меня очень любилъ, вспомнилъ о моемъ отцѣ, о прошедшемъ, и когда я спѣла передъ нимъ два-три раза, онъ съ серьезнымъ, съ озабоченнымъ видомъ, даже съ какою-то таинственностью объявилъ, что средства есть несомнѣнныя, можетъ быть, даже и талантъ, и что не учить меня невозможно. Потомъ тутъ же, какъ бы одумавшись, они оба положили съ Александрой Михайловной, что опасно слишкомъ захваливать меня въ самомъ началѣ, и я замѣтила, какъ тутъ же они перемигнулись и сговорились украдкой, такъ что весь ихъ заговоръ противъ меня вышелъ очень наивенъ и неловокъ. Я смѣялась про себя цѣлый вечеръ, видя, какъ потомъ, послѣ новаго,

пѣнія, они старались удерживаться и даже нарочно замѣчать вслухъ мои недостатки. Но они крѣпились недолго, и первый же измѣнилъ себѣ Б., снова расчувствовавшись отъ радости. Я никогда не подозрѣвала, чтобъ онъ такъ любилъ меня. Во весь вечеръ шелъ самый дружескій, самый теплый разговоръ. — Б. разсказалъ нѣсколько біографій извѣстныхъ пѣвцовъ и артистовъ, и разсказывалъ съ восторгомъ художника, съ благоговѣніемъ, растроганный. Затѣмъ, коснувшись отца моего, разговоръ перешелъ на меня, на мое дѣтство, на князя, на все семейство князя, о которомъ я такъ мало слышала съ самой разлуки. Но Александра Михайловна и сама немного знала о немъ. Всего болѣе зналъ Б., потому что не разъ ѣздилъ въ Москву. Но здѣсь разговоръ принялъ какое-то таинственное, загадочное для меня направленіе, и два-три обстоятельства, въ особености касавшіяся князя, были для меня непонятны. Александра Михайловна заговорила о Катѣ, но Б. ничего не могъ сказать о ней особеннаго, и тоже какъ будто съ намѣреніемъ желалъ умолчать о ней. Это поразило меня. Я не только не позабыла Кати, не только не замолкла во мнѣ моя прежняя любовь къ ней, но даже напротивъ, я и не подумала ни разу, что въ Катѣ могла быть какая-нибудь перемѣна. Отъ вниманія моего ускользнули доселѣ и разлука, и эти долгіе годы, прожитые розно, въ которые мы не подали другъ другу никакой вѣсти о себѣ, и разность воспитанія, и разность характеровъ нашихъ. Наконецъ, Катя мысленно никогда не покидала меня: она какъ будто все еще жила со мною; особенно во всѣхъ моихъ мечтахъ, во всѣхъ моихъ романахъ и фантастическихъ приключені-

яхъ, мы всегда шли вмѣстѣ съ ней рука въ руку. Вообразивъ себя героиней каждаго прочитаннаго мною романа, я тотчасъ же помѣщала возлѣ себя свою подругу-княжну и раздвоивала романъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала безпощадно моихъ любимыхъ авторовъ. Наконецъ, въ нашемъ семейномъ совѣтѣ положено было пригласить мнѣ учителя пѣнія. — Б. рекомендовалъ извѣстнѣйшаго и наилучшаго. На другой же день къ намъ пріѣхалъ итальянецъ Д., выслушалъ меня, повторилъ мнѣніе Б., своего пріятеля, но тутъ же объявилъ, что мнѣ будетъ гораздо болѣе пользы ходить учиться къ нему, вмѣстѣ съ другими его ученицами, что тутъ помогутъ развитію моего голоса и соревнованіе, и переимчивость, и богатство всѣхъ средствъ, которыя будутъ у меня подъ руками. Александра Михайловна согласилась, и съ этихъ поръ я ровно по три раза въ недѣлю отправлялась по утрамъ, въ восемь часовъ, въ сопровожденіи служанки, въ консерваторію.

Теперь я разскажу одно странное приключеніе, имѣвшее на меня слишкомъ сильное вліяніе и рѣзкимъ переломомъ начавшее во мнѣ новый возрастъ. Мнѣ минуло тогда шестнадцать лѣтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ моей вдругъ настала какая-то непонятная апатія: какое-то нестерпимое, тоскливое затишье, непонятное мнѣ самой, посѣтило меня. Всѣ мои грёзы, всѣ мои порывы вдругъ умолкли, даже самая мечтательность исчезла какъ бы отъ безсилія. Холодное равнодушіе замѣнило мѣсто прежняго, неопытнаго душевнаго жара. Даже дарованіе мое, принятое всѣми, кого я любила съ такимъ восторгомъ, лишилось моей симпа-

тіи, и я безчувственно пренебрегала имъ. Ничто не развлекало меня, до того, что даже къ Александрѣ Михайловнѣ я чувствовала какое-то холодное равнодушіе, въ которомъ сама себя обвиняла, потому что не могла не сознаться въ томъ. Моя апатія прерывалась безотчетною грустью, внезапными слезами. Я искала уединенія. Въ эту странную минуту, странный случай потрясъ до основанія всю мою душу и обратилъ это затишье въ настоящую бурю. Сердце мое было уязвлено. Вотъ какъ это случилось.

VII.

Я вошла въ библіотеку (это будетъ навсегда памятная для меня минута) и взяла романъ Вальтеръ-Скотта «Сен-Ронанскія воды», единственный, который еще не прочитала. Помню, что язвительная, безпредметная тоска терзала меня какъ будто какимъ-то предчувствіемъ. Мнѣ хотѣлось плакать. Въ комнатѣ было ярко свѣтло отъ послѣднихъ косыхъ лучей заходящаго солнца, которые густо лились, въ высокія окна, на сверкающій паркетъ пола; было тихо; кругомъ въ сосѣднихъ комнатахъ тоже не было ни души. Петра Александровича не было дома, а Александра Михайловна была больна и лежала въ постели. Я, дѣйствительно, плакала и, раскрывъ вторую часть, безпредметно перелистывала ее, стараясь отыскать какой-нибудь смыслъ въ отрывочныхъ фразахъ, мелькавшихъ у меня передъ глазами. Я какъ будто гадала, какъ гадаютъ, раскрывая книгу наудачу. Бываютъ такія минуты, когда всѣ умственныя и душевныя силы, болѣзненно напрягаясь, какъ бы вдругъ вспыхнутъ яркимъ пламенемъ сознанія, и въ это мгновеніе

что-то пророческое снится потрясенной душѣ, какъ бы томящейся предчувствіемъ будущаго, предвкушающей его. И такъ хочется жить, такъ просится жить весь вашъ составъ, и, воспламеняясь самой горячей, самой слѣпой надеждой, сердце какъ будто вызываетъ будущее, со всей его тайной, со всей неизвѣстностью, хотя бы съ бурями, съ грозами, но только бы съ жизнью. Моя минута именно была такова.

Припоминаю, что я именно закрыла книгу, чтобъ потомъ раскрыть наудачу и, загадавъ о моемъ будущемъ, прочесть выпавшую мнѣ страницу. Но, раскрывъ ее, я увидѣла исписанный листъ почтовой бумаги, сложенный вчетверо и такъ приплюснутый, такъ слежавшійся, какъ будто уже онъ нѣсколько лѣтъ былъ заложенъ въ книгу и забытъ въ ней. Съ крайнимъ любопытствомъ начала я осматривать свою находку. Это было письмо, безъ адреса, съ подписью двухъ начальныхъ буквъ С. О. Мое вниманіе удвоилось, я развернула чуть не слипшуюся бумагу, которая отъ долгаго лежанія между страницами оставила на нихъ во весь размѣръ свой свѣтлое мѣсто. Складки письма были истерты, выношены: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли какъ драгоцѣнность. Чернила посинѣли, выцвѣли, — ужъ слишкомъ давно какъ оно написано! Нѣсколько словъ бросилось мнѣ случайно въ глаза, и сердце мое забилось отъ ожиданія. Я въ смущеніи вертѣла письмо въ рукахъ, какъ бы нарочно отдаляя отъ себя минуту чтенія. Случайно я поднесла его къ свѣту: да! капли слезъ засохли на этихъ строчкахъ; пятна оставались на бумагѣ; кое-гдѣ цѣлыя буквы были смыты слезами. Чьи это слезы? Наконецъ, зами-

рая отъ ожиданія, я прочла половину первой страницы, и крикъ изумленія вырвался изъ груди моей. Я заперла шкафъ, поставила книгу на мѣсто и, спрятавъ письмо подъ косынку, побѣжала къ себѣ, заперлась и начала перечитывать опять сначала. Но сердце мое такъ колотилось, что слова и буквы мелькали и прыгали передъ глазами моими. Долгое время я ничего не понимала. Въ письмѣ было открытіе, начало тайны; оно поразило меня какъ молнія, потому что я узнала, къ кому оно было писано. Я знала, что я почти преступленіе сдѣлаю, прочитавъ это письмо; но минута была сильнѣе меня! Письмо было къ Александрѣ Михайловнѣ.

Вотъ это письмо; я привожу его здѣсь. Смутно поняла я, что въ немъ было, и потомъ долго не оставляли меня разгадка и тяжелая дума. Съ этой минуты какъ будто переломилась моя жизнь. Сердце мое было потрясено и возмущено надолго, почти навсегда, потому что многое вызвало это письмо за собою. Я вѣрно загадала о будущемъ.

Это письмо было прощальное, послѣднее, страшное; когда я прочла его, то почувствовала такое болѣзненное сжатіе сердца, какъ будто я сама все потеряла, какъ будто все навсегда отнялось отъ меня, даже мечты и надежды, какъ будто ничего болѣе не осталось при мнѣ, кромѣ ненужной болѣе жизни. Кто же онъ, писавшій это письмо? Какова была потомъ ея жизнь? Въ письмѣ было такъ много намековъ, такъ много данныхъ, что нельзя было ошибиться, такъ много и загадокъ, что нельзя было не потеряться въ предположеніяхъ. Но я почти не ошиблась; къ тому же, и слогъ письма, подсказывающій многое, подсказывалъ весь харак-

теръ этой связи, отъ которой разбились два сердца. Мысли, чувства писавшаго были наружу. Онѣ были слишкомъ особенны и, какъ я уже сказала, слишкомъ много подсказывали догадкѣ. Но вотъ это письмо; выписываю его отъ слова до слова:

«Ты не забудешь меня, ты сказала — я вѣрю, и вотъ отнынѣ вся жизнь моя въ этихъ словахъ твоихъ. — Намъ нужно разстаться, пробилъ нашъ часъ! Я давно это зналъ, моя тихая, моя грустная красавица, но только теперь понялъ. Во все *наше* время, во все время, какъ ты любила меня, у меня болѣло и ныло сердце за любовь нашу, и повѣришь ли? теперь мнѣ легче! Я давно зналъ, что этому будетъ такой конецъ, и такъ было прежде насъ суждено! Это судьба! Выслушай меня, Александра: мы были *неровня;* я всегда, *всегда это* чувствовалъ! Я былъ недостоинъ тебя, и я, одинъ я долженъ былъ нести наказаніе за прожитое счастье мое! Скажи: что я былъ передъ тобою, до той поры, какъ ты узнала меня? Боже! вотъ уже два года прошло, и я до́ сихъ поръ какъ будто безъ памяти; я до сихъ поръ не могу понять, за что *ты меня* полюбила! Я не понимаю, какъ дошло у насъ до того, съ чего началось. Помнишь ли, что̀ я былъ въ сравненіи съ тобою? Достоинъ ли я былъ тебя, чѣмъ я взялъ, чѣмъ я особенно былъ отличенъ! До тебя я былъ грубъ и простъ, видъ мой былъ унылъ и угрюмъ. Жизни другой я не желалъ, не помышлялъ о ней, не звалъ ее и призывать не хотѣлъ. Все во мнѣ было какъ-то придавлено, и я не зналъ ничего на свѣтѣ важнѣе моей обыденной, срочной работы. Одна забота была у меня — завтрашній день; да и къ той я былъ равнодушенъ. Прежде, ужъ давно это было, мнѣ снилось что-то такое, и

я мечталъ какъ глупецъ. Но съ тѣхъ поръ ушло много-много времени, и я сталъ жить одиноко, сурово, спокойно, даже и не чувствуя холода, который леднилъ мое сердце. И оно заснуло. Я вѣдь зналъ и рѣшилъ, что для меня никогда не взойдетъ другого солнца, и вѣрилъ тому, и не роптalъ ни на что, потому что зналъ, что такъ *должно было быть*. Когда ты проходила мимо меня, вѣдь я не понималъ, что мнѣ можно смѣть поднять на тебя глаза. Я былъ какъ рабъ передъ тобою. Мое сердце не дрожало возлѣ тебя, не ныло, не вѣщало мнѣ про тебя: оно было покойно. Моя душа не узнавала твоей, хотя и свѣтло ей было возлѣ своей прекрасной сестры. Я это знаю; я глухо чувствовалъ это. Это я могъ чувствовать, затѣмъ что и на послѣднюю былинку проливается свѣтъ Божіей денницы и пригрѣваетъ и нѣжитъ ее такъ же, какъ и роскошный цвѣтокъ, возлѣ котораго смиренно прозябаетъ она. Когда же я узналъ все, помнишь, послѣ того вечера, послѣ тѣхъ словъ, которыя потрясли до основанія душу мою,— я былъ ослѣпленъ, пораженъ, все во мнѣ помутилось, и знаешь ли? Я такъ былъ пораженъ, такъ не повѣрилъ себѣ, что не понялъ тебя! Про это я тебѣ никогда не говорилъ. Ты ничего не знала; не таковъ я былъ прежде, какимъ ты застала меня. Если бъ я могъ, если бъ я смѣлъ говорить, я бы давно во всемъ признался тебѣ. Но я молчалъ, а теперь все скажу, затѣмъ, чтобъ ты знала, кого теперь оставляешь, съ какимъ человѣкомъ разстаешься! Знаешь ли, какъ я сначала понялъ тебя? Страсть, какъ огонь, охватила меня, какъ ядъ пролилась въ мою кровь; она смутила всѣ мои мысли и чувства, я былъ опьяненъ, я былъ какъ въ чаду и

отвѣчалъ на чистую, *сострадательную* любовь твою не какъ равный ровнѣ, не какъ достойный чистой любви твоей, а безъ сознанія, безъ сердца. Я не узналъ тебя. Я отвѣчалъ тебѣ какъ той, которая въ глазахъ моихъ *забылась до меня,* а не какъ той, которая хотѣла возвысить меня до себя. Знаешь ли, въ чемъ я подозрѣвалъ тебя, что значило это: *забылась до меня?* Но нѣтъ, я не оскорблю тебя своимъ признаніемъ; одно скажу тебѣ: ты горько во мнѣ ошиблась! Никогда, никогда я не могъ до тебя возвыситься. Я могъ только недоступно созерцать тебя въ безпредѣльной любви своей, когда понялъ тебя, но тѣмъ я не загладилъ вины своей. Страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь, — любви я боялся; я не смѣлъ тебя полюбить; въ любви — взаимность, равенство, а ихъ я былъ недостоинъ... Я и не знаю, что̀ было со мною! О! какъ мнѣ разсказать тебѣ это, какъ быть понятнымъ!.. Я не вѣрилъ сначала... О! помнишь ли, когда утихло первое волненіе мое, когда прояснился мой взоръ, когда осталось одно чистѣйшее, непорочное чувство, — тогда первымъ движеніемъ моимъ было удивленье, смущенье, страхъ, и помнишь, какъ я вдругъ, рыдая, бросился къ ногамъ твоимъ? Помнишь ли, какъ ты, смущенная, испуганная, со слезами спрашивала: что со мною? Я молчалъ, я не могъ отвѣчать тебѣ; но душа моя разрывалась на части; мое счастье давило меня какъ невыносимое бремя, и рыданія мои говорили во мнѣ: «за что мнѣ это? Чѣмъ я заслужилъ это? Чѣмъ я заслужилъ блаженство? Сестра моя, сестра моя! О! сколько разъ ты не знала того — сколько разъ, украдкой, я цѣловалъ твое платье, украдкой, потому что я зналъ, что недо-

стоинъ тебя, — и духъ во мнѣ занимался тогда, и сердце мое билось медленно и крѣпко, словно хотѣло остановиться и замереть навсегда. Когда я бралъ твою руку, я весь блѣднѣлъ и дрожалъ; ты смущала меня чистотою души твоей. О, я не умѣю высказать тебѣ всего, что накопилось въ душѣ моей, и что такъ хочетъ высказаться? Знаешь ли, что мнѣ тяжела, мучительна была подчасъ твоя сострадательная, всегдашняя нѣжность со мною? Когда ты поцѣловала меня (это случилось одинъ разъ, и я никогда того не забуду), — туманъ сталъ въ глазахъ моихъ, и весь духъ мой изнылъ во мгновеніе. Зачѣмъ я не умеръ въ эту минуту у ногъ твоихъ? Вотъ, я пишу тебѣ *ты* въ первый разъ, хотя ты давно мнѣ такъ приказала. Поймешь ли ты, что я хочу сказать? Я хочу тебѣ сказать *все*, и скажу это: да, ты много любишь меня, ты любила меня, какъ сестра любитъ брата; ты любила меня, какъ свое созданіе, потому что воскресила мое сердце, разбудила мой умъ отъ усыпленія и влила мнѣ въ грудь сладкую надежду; я же не могъ, не смѣлъ; я никогда доселѣ не называлъ тебя сестрою моею, затѣмъ что не могъ быть братомъ, затѣмъ что мы были неровня, затѣмъ что ты во мнѣ обманулась!

«Но ты видишь, я все пишу о себѣ, даже теперь, въ эту минуту страшнаго бѣдствія, я только о себѣ думаю, хотя и знаю, что ты мучаешься за меня. О, не мучься за меня, другъ мой милый! Знаешь ли, какъ я униженъ теперь въ собственныхъ глазахъ своихъ! Все это открылось, столько шуму пошло! Тебя за меня отвергнутъ, въ тебя бросятъ презрѣньемъ, насмѣшкой, потому что я такъ низко стою въ ихъ глазахъ! О, какъ я виновенъ, что

былъ недостоинъ тебя! Хотя бы я имѣлъ важность, личную оцѣнку въ ихъ мнѣніи, внушалъ больше уваженія на ихъ глаза, они бы простили тебѣ! Но я низокъ, я ничтоженъ, я смѣшонъ, а ниже смѣшного ничего быть не можетъ. Вѣдь *кто* кричитъ? Вѣдь вотъ оттого, что *эти* уже стали кричать, я и упалъ духомъ; я всегда былъ слабъ. Знаешь ли, въ какомъ я теперь положеніи: я самъ смѣюсь надъ собой, и мнѣ кажется, они правду говорятъ, потому что я даже и себѣ смѣшонъ и ненавистенъ. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, всѣ привычки, всѣ неблагородныя ухватки свои; я ихъ всегда ненавидѣлъ! О, прости мнѣ мое грубое отчаяніе! Ты сама пріучила меня говорить тебѣ все. Я погубилъ тебя, я навлекъ на тебя злобу и смѣхъ, потому что былъ тебя недостоинъ.

«И вотъ эта-то мысль меня мучаетъ; она стучитъ у меня въ головѣ безпрерывно, и терзаетъ, и язвитъ мое сердце. И все кажется мнѣ, что ты любила не того человѣка, котораго думала во мнѣ найти, что ты обманулась во мнѣ. Вотъ что мнѣ больно, вотъ что теперь меня мучаетъ, и замучаетъ до смерти, или я съ ума сойду!

«Прощай же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались ихъ крики, ихъ пересуды (я слышалъ ихъ!), когда я умалился, унизился въ собственныхъ глазахъ своихъ, устыдясь за себя, устыдясь даже за тебя, за твой выборъ, когда я проклялъ себя, теперь мнѣ нужно бѣжать, исчезнуть для твоего покоя. Такъ требуютъ, и ты никогда, никогда меня не увидишь! Такъ нужно, такъ суждено! Мнѣ слишкомъ много было дано; судьба ошиблась; теперь она поправляетъ ошибку, и все

отнимаетъ назадъ. Мы сошлись, узнали другъ друга и вотъ расходимся до другого свиданія! Гдѣ оно будетъ, когда оно будетъ? О, скажи мнѣ, родная моя, гдѣ мы встрѣтимся, гдѣ найти мнѣ тебя, какъ узнать мнѣ тебя, узнаешь ли ты меня тогда? Вся душа моя полна тобою. О, за что же, за что это намъ? Зачѣмъ разстаемся мы? Научи — вѣдь я не понимаю, не пойму этого, никакъ не пойму — научи, какъ разорвать жизнь пополамъ, какъ вырвать сердце изъ груди и быть безъ него! О, какъ я вспомню, что болѣе никогда тебя не увижу, никогда, никогда!..

«Боже, какой они подняли крикъ! Какъ мнѣ страшно теперь за тебя! Я только что встрѣтилъ твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрѣшны предъ нимъ. Ему все извѣстно; онъ насъ видитъ; онъ понимаетъ все, и прежде все ему было ясно какъ день. Онъ геройски сталъ за тебя; онъ спасетъ тебя; онъ защититъ тебя отъ этихъ пересудовъ и криковъ; онъ любитъ и уважаетъ тебя безпредѣльно; онъ твой спаситель, тогда какъ я бѣгу!.. Я бросился къ нему, я хотѣлъ цѣловать его руку!.. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ немедленно. Рѣшено! Говорятъ, что онъ поссорился изъ-за тебя съ ними со всѣми; тамъ всѣ противъ тебя! Его упрекаютъ въ потворствѣ и слабости. Боже мой! Что тамъ еще говорятъ о тебѣ! Они не знаютъ, они *не могутъ, не въ силахъ понять!* Прости, прости имъ, бѣдная моя, какъ я имъ прощаю; а они взяли у меня больше, чѣмъ у тебя!

«Я не помню себя, я не знаю, что пишу тебѣ. О чемъ я говорилъ тебѣ вчера при прощаньѣ? Я вѣдь все позабылъ. Я былъ внѣ себя, ты пла-

кала... Прости мнѣ эти слезы! Я такъ слабъ, такъ малодушенъ!

«Мнѣ еще что-то хотѣлось сказать тебѣ... Охъ! Еще бы только разъ облить твои руки слезами, какъ теперь я обливаю слезами письмо мое! Еще бы разъ быть у ногъ твоихъ! Если бъ *они* только знали, какъ прекрасно было твое чувство! Но они слѣпы; ихъ сердца горды и надменны; они не видятъ и вовѣкъ не увидятъ того. Имъ *нечѣмъ* увидѣть! Они не повѣрятъ, что ты невинна, даже передъ ихъ судомъ, хотя бы все на землѣ имъ въ томъ поклялось. Имъ ли это понять! Какъ же камень поднимутъ они на тебя? Чья первая рука подниметъ его? О, они не смутятся, они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поднять ихъ, затѣмъ что знаютъ, какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя! О, если бъ знали они, что дѣлаютъ! Если бъ только можно было разсказать имъ все, безъ утайки, чтобъ видѣли, слышали, поняли и увѣрились! Но нѣтъ, они не такъ злы... Я теперь въ отчаяніи, я, можетъ быть, клевещу на нихъ! Я, можетъ быть, путаю тебя своимъ страхомъ! Не бойся, не бойся ихъ, родная моя! Тебя поймутъ; наконецъ, тебя уже понялъ одинъ: надѣйся, — это мужъ твой!

«Прощай, прощай! *Я не благодарю тебя!* Прощай навсегда!

«*С. О*».

Смущеніе мое было такъ велико, что я долгое время не могла понять, что со мной сдѣлалось. Я была потрясена и испугана. Дѣйствительность поразила меня врасплохъ, среди легкой жизни мечта-

ній, въ которыхъ я провела ужъ три года. Я со страхомъ чувствовала, что въ рукахъ моихъ большая тайна, и что эта тайна ужъ связываетъ все существованіе мое... Какъ? Я еще и сама не знала того. Я чувствовала, что только съ этой минуты для меня начинается новая будущность. Теперь я невольно стала слишкомъ близкой участницей въ жизни и въ отношеніяхъ тѣхъ людей, которые доселѣ заключали весь міръ меня окружавшій, и я боялась за себя. Чѣмъ войду я въ ихъ жизнь, я, непрошенная, я, чужая имъ? Что принесу я имъ? Чѣмъ разрѣшатся эти путы, которыя такъ внезапно приковали меня къ чужой тайнѣ? Почемъ знать? Можетъ быть, новая роль моя будетъ мучительна и для меня, и для нихъ. Я же не могла молчать, не принять этой роли и безвыходно заключить то, что узнала въ сердцѣ моемъ. Но какъ и что будетъ со мною? Что сдѣлаю я? И что такое, наконецъ, я узнала? Тысячи вопросовъ, еще смутныхъ, еще неясныхъ, вставали предо мною и уже нестерпимо тѣснили мнѣ сердце. Я была какъ потерянная.

Потомъ, помню, приходили другія минуты, съ новыми, странными, доселѣ неиспытанными мною впечатлѣніями. Я чувствовала, какъ будто что-то разрѣшилось въ груди моей, что прежняя тоска вдругъ разомъ отпала отъ сердца, и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чемъ я не знала еще — горевать ли о немъ, или радоваться ему. Настоящее мгновеніе мое похоже было на то, когда человѣкъ покидаетъ навсегда свой домъ, жизнь доселѣ покойную, безмятежную, для далекаго невѣдомаго пути и въ послѣдній разъ оглядывается кругомъ себя, мысленно прощаясь съ сво-

имъ прошедшимъ, а между тѣмъ горько сердцу отъ тоскливаго предчувствія всего неизвѣстнаго будущаго, можетъ быть, суроваго, враждебнаго, которое ждетъ его на новой дорогѣ. Наконецъ, судорожныя рыданія вырвались изъ груди моей и болѣзненнымъ припадкомъ разрѣшили мое сердце. Мнѣ нужно было видѣть, слышать кого-нибудь, обнять, крѣпче-крѣпче. Я ужъ не могла, не хотѣла теперь оставаться одна; я бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ и провела съ ней вечеръ. Мы были однѣ. Я просила ее не играть и отказалась пѣть, несмотря на просьбы ея. Все мнѣ стало вдругъ тяжело, и ни на чемъ я не могла остановиться. Кажется, мы съ ней плакали. Помню только, что я ее совсѣмъ перепугала. Она уговаривала меня успокоиться, не тревожиться. Она со страхомъ слѣдила за мной, увѣряя меня, что я больна, и что я не берегу себя. Наконецъ, я ушла отъ нея, вся измученная, истерзанная; я была словно въ бреду и легла въ постель въ лихорадкѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока я могла придти въ себя и яснѣе осмыслить свое положеніе. Въ это время мы обѣ, я и Александра Михайловна, жили въ полномъ уединеніи. Петра Александровича не было въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ за какими-то дѣлами въ Москву и пробылъ тамъ три недѣли. Несмотря на короткій срокъ разлуки, Александра Михайловна впала въ ужасную тоску. Порой она становилась покойнѣе, но затворялась одна, такъ что и я была ей въ тягость. Къ тому же я сама искала уединенія. Голова моя работала въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи; я была какъ въ чаду. Порой на меня находили часы долгой, мучительно-безотвязной думы; мнѣ снилось тогда, что кто-то

словно смѣется надо мной потихоньку, какъ будто что-то такое поселилось во мнѣ, что смущаетъ и отравляетъ каждую мысль мою. Я не могла отвязаться отъ мучительныхъ образовъ, являвшихся предо мной поминутно и не дававшихъ мнѣ покоя. Мнѣ представлялось долгое, безвыходное страданіе, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мнѣ казалось, что тотъ, кому принесена эта жертва, презираетъ ее и смѣется надъ ней. Мнѣ казалось, что я видѣла преступника, который прощаетъ грѣхи праведнику, и мое сердце разрывалось на части! Въ то же время мнѣ хотѣлось всѣми силами отвязаться отъ моего подозрѣнія; я проклинала его, я ненавидѣла себя за то, что всѣ мои убѣжденія были не убѣжденія, а только предчувствія, за то, что я не могла оправдать своихъ впечатлѣній сама предъ собою.

Потомъ перебирала я въ умѣ эти фразы, эти послѣдніе крики страшнаго прощанія. Я представляла себѣ этого человѣка — *неровню;* я старалась угадать весь мучительный смыслъ этого слова: «неровня». Мучительно поражало меня это отчаянное пощаніе: «я смѣшонъ, и самъ стыжусь за твой выборъ». Что это было? Какіе это люди? О чемъ они тоскуютъ, о чемъ мучаются, что потеряли они? Преодолѣвъ себя, я напряженно перечитывала опять это письмо, въ которомъ было столько терзающаго душу отчаянія, но смыслъ котораго былъ такъ страненъ, такъ неразрѣшимъ для меня. Но письмо выпало изъ рукъ моихъ, и мятежное волненіе все болѣе и болѣе охватывало мое сердце... Наконецъ, все это должно же было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, а я не видала выхода, или боялась его!

Я была почти совсѣмъ больна, когда въ одинъ день на нашемъ дворѣ загремѣлъ экипажъ Петра Александровича, воротившагося изъ Москвы. Александра Михайловна съ радостнымъ крикомъ бросилась навстрѣчу мужу, но я остановилась на мѣстѣ, какъ прикованная. Помню, что я сама была поражена до испуга внезапнымъ волненіемъ своимъ. Я не выдержала и бросилась къ себѣ въ комнату. Я не понимала, чего я такъ вдругъ испугалась, но боялась за этотъ испугъ. Черезъ четверть часа меня позвали и передали мнѣ письмо отъ князя. Въ гостиной я встрѣтила какого-то незнакомаго, который пріѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ изъ Москвы, и по нѣкоторымъ словамъ, удержаннымъ мною, я узнала, что онъ располагается у насъ на долгое житье. Это былъ уполномоченный князя, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какимъ-то важнымъ дѣламъ княжескаго семейства, уже давно находившимся въ завѣдываніи Петра Александровича. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ князя и прибавилъ, что княжна тоже хотѣла писать ко мнѣ, до послѣдней минуты увѣряла, что письмо будетъ непремѣнно написано, но отпустила его съ пустыми руками и съ просьбою передать мнѣ, что писать ей ко мнѣ рѣшительно нечего, что въ письмѣ ничего не напишешь, что она испортила цѣлыхъ пять листовъ и потомъ изорвала все въ клочки, что, наконецъ, нужно вновь подружиться, чтобъ писать другъ къ другу. Затѣмъ она поручила увѣрить меня въ скоромъ свиданіи съ нею. Незнакомый господинъ отвѣчалъ на нетерпѣливый вопросъ мой, что вѣсть о скоромъ свиданіи дѣйствительно справедлива, и что все семейство очень скоро собирается прибыть въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи я не

знала какъ быть отъ радости, поскорѣе ушла въ свою комнату, заперлась въ ней и, обливаясь слезами, раскрыла письмо князя. Князь обѣщалъ мнѣ скорое свиданіе съ нимъ и съ Катей, и съ глубокимъ чувствомъ поздравлялъ меня съ моимъ талантомъ; наконецъ, онъ благословлялъ меня на мое будущее и обѣщался устроить его. Я плакала, читая это письмо; но къ сладкимъ слезамъ моимъ примѣшивалась такая невыносимая грусть, что, помню, я за себя пугалась; я сама не знала, что со мной дѣлается.

Прошло нѣсколько дней. Въ комнатѣ, которая была рядомъ съ моею, гдѣ прежде помѣщался письмоводитель Петра Александровича, работалъ теперь каждое утро, и часто по вечерамъ заполночь, новый пріѣзжій. Часто они запирались въ кабинетѣ Петра Александровича и работали вмѣстѣ. Однажды послѣ обѣда, Александра Михайловна попросила меня сходить въ кабинетъ мужа и спросить его, будетъ ли онъ съ нами пить чай. Не найдя никого въ кабинетѣ и полагая, что Петръ Александровичъ скоро войдетъ, я остановилась ждать. На стѣнѣ висѣлъ его портретъ. Помню, что я вдругъ вздрогнула, увидѣвъ этотъ портретъ, и съ непонятнымъ мнѣ самой волненіемъ начала пристально его разсматривать. Онъ висѣлъ довольно высоко; къ тому же было довольно темно, и я, чтобъ удобнѣе разсматривать, придвинула стулъ и стала на него. Мнѣ хотѣлось что-то сыскать, какъ будто я надѣялась найти разрѣшеніе сомнѣній моихъ, и, помню, прежде всего меня поразили глаза портрета. Меня поразило тутъ же, что я почти никогда не видала глазъ этого человѣка: онъ всегда прятадъ ихъ подъ очки.

Я еще въ дѣтствѣ не любила его взгляда, по непонятному, странному предубѣжденію, но какъ будто это предубѣжденіе теперь оправдалось. Воображеніе мое было настроено. Мнѣ вдругъ показалось, что глаза портрета съ смущеніемъ отворачиваются отъ моего пронзительно-испытующаго взгляда, что они силятся избѣгнуть его, что ложь и обманъ въ этихъ глазахъ; мнѣ показалось, что я угадала, и не понимаю, какая тайная радость откликнулась во мнѣ на мою догадку. Легкій крикъ вырвался изъ груди моей. Въ это время я услышала сзади шорохъ. Я оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ покраснѣлъ. Я вспыхнула и соскочила со стула.

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ онъ строгимъ голосомъ. — Зачѣмъ вы здѣсь?

Я не знала что отвѣчать. Немного оправившись, я передала ему кое-какъ приглашеніе Александры Михайловны. Не помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ, не помню, какъ я вышла изъ кабинета; но, придя къ Александрѣ Михайловнѣ, я совершенно забыла отвѣтъ, котораго она ожидала, и наугадъ сказала, что будетъ.

— Но что съ тобой, Нѣточка? — спросила она: — ты вся раскраснѣлась; посмотри на себя. Что съ тобой?

— Я не знаю . . . я скоро шла . . . — отвѣчала я.

— Тебѣ что же сказалъ Петръ Александровичъ? — перебила она съ смущеніемъ.

Я не отвѣчала. Въ это время послышались шаги Петра Александровича, и я тотчасъ же вышла изъ комнаты. Я ждала цѣлые два часа въ большой тоскѣ. Наконецъ, пришли звать меня къ Алексан-

дрѣ Михайловнѣ. Александра Михайловна была молчалива и озабочена. Когда я вошла, она быстро и пытливо посмотрѣла на меня, но тотчасъ же опустила глаза. Мнѣ показалось, что какое-то смущеніе отразилось на лицѣ ея. Скоро я замѣтила, что она была въ дурномъ расположеніи духа, говорила мало, на меня не глядѣла совсѣмъ, и въ отвѣтъ на заботливые вопросы Б. жаловалась на головную боль. Петръ Александровичъ былъ разговорчивѣе всегдашняго, но говорилъ только съ Б.

Александра Михайловна разсѣянно подошла къ фортепіано.

— Спойте намъ что-нибудь, — сказалъ Б., обращаясь ко мнѣ.

— Да, Аннета, спой твою новую арію, — подхватила Александра Михайловна, какъ будто обрадовавшись предлогу.

Я взглянула на нее; она смотрѣла на меня въ безпокойномъ ожиданіи.

Но я не умѣла преодолѣть себя. Вмѣсто того, чтобы подойти къ фортепіано и пропѣть хоть какънибудь, я смутилась, запуталась, не знала какъ отговориться; наконецъ, досада одолѣла меня, и я отказалась наотрѣзъ.

— Отчего же ты не хочешь пѣть? — сказала Александра Михайловна, значительно взглянувъ на меня и въ то же время мимолетомъ на мужа.

Эти два взгляда вывели меня изъ терпѣнія. Я встала изъ-за стола въ крайнемъ замѣшательствѣ, но, уже не скрывая его и дрожа отъ какого-то нетерпѣливаго и досаднаго ощущенія, повторила съ горячностью, что не хочу, не могу, нездорова. Говоря это, я глядѣла всѣмъ въ глаза, но Богъ знаетъ,

какъ бы желала быть въ своей комнатѣ въ ту минуту и затаиться отъ всѣхъ.

Б. былъ удивленъ, Александра Михайловна была въ примѣтной тоскѣ и не говорила ни слова. Но Петръ Александровичъ вдругъ всталъ со стула и сказалъ, что онъ забылъ одно дѣло, и, повидимому, въ досадѣ, что упустилъ нужное время, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предувѣдомивъ, что, можетъ быть, зайдетъ позже, а, впрочемъ, на всякій случай пожалъ руку Б., въ знакъ прощанія.

— Что съ вами, наконецъ, такое? — спросилъ Б., — по лицу вы въ самомъ дѣлѣ больны.

— Да, я нездорова, очень нездорова, — отвѣчала я съ нетерпѣніемъ.

— Дѣйствительно, ты блѣдна, а давеча была такая красная, — замѣтила Александра Михайловна и вдругъ остановилась.

— Полноте! — сказала я, прямо подходя къ ней и пристально посмотрѣвъ ей въ глаза. Бѣдная не выдержала моего взгляда, опустила глаза, какъ виноватая, и легкая краска облила ея блѣдныя щеки. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Александра Михайловна посмотрѣла на меня съ непритворною, наивною радостью. — Простите меня, что я была такой злой, такой дурной ребенокъ сегодня, — сказала я ей съ чувствомъ, — но, право, я больна. Не сердитесь же и отпустите меня . . .

— Мы всѣ дѣти, — сказала она съ робкой улыбкой, — да и я ребенокъ, хуже, гораздо хуже тебя, — прибавила она мнѣ на ухо. — Прощай, будь здорова. Только, ради Бога, не сердись на меня.

— За что? — спросила я, — такъ поразило меня такое наивное признаніе.

— За что? — повторила она въ ужасномъ смущеніи, даже какъ будто испугавшись за себя, — за что? Ну, видишь, какая я, Нѣточка. Что это я тебѣ сказала? Прощай! Ты умнѣе меня... А я хуже, чѣмъ ребенокъ.

— Ну, довольно, — отвѣчала я, вся растроганная, не зная, что ей сказать. Поцѣловавъ ее еще разъ, я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мнѣ было ужасно досадно и грустно. Къ тому же я злилась на себя, чувствуя, что я неосторожна и не умѣю вести себя. Мнѣ было чего-то стыдно до слезъ, и я заснула въ глубокой тоскѣ. Когда же я проснулась на утро, первою мыслью моею было, что весь вчерашній вечеръ — чистый призракъ, миражъ, что мы только мистифицировали другъ друга, заторопились, дали видъ цѣлаго приключенія пустякамъ, и что все произошло отъ неопытности, отъ непривычки нашей принимать внѣшнія впечатлѣнія. Я чувствовала, что всему виновато это письмо, что оно меня слишкомъ безпокоитъ, что воображеніе мое разстроено, и рѣшила, что лучше я впередъ не буду ни о чемъ думать. Разрѣшивъ такъ необыкновенно легко всю тоску свою и въ полномъ убѣжденіи, что я такъ же легко и исполню, что порѣшила, я стала спокойнѣе и отправилась на урокъ пѣнія совсѣмъ развеселившись. Утренній воздухъ окончательно освѣжилъ мою голову. Я очень любила свои утреннія путешествія къ моему учителю. Такъ весело было проходить городъ, который къ девятому часу уже совсѣмъ оживлялся и заботливо начиналъ обыденную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самымъ живучимъ, по самымъ кропотливымъ улицамъ, и мнѣ такъ нравилась такая обстановка начала моей артистической

жизни, контрастъ между этой повседневной мелочью, маленькой, но живой, заботой и искусствомъ, которое ожидало меня въ двухъ шагахъ отъ этой жизни, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома, набитаго сверху до низу жильцами, которымъ, какъ мнѣ казалось, ровно нѣтъ никакого дѣла ни до какого искусства. Я между этими дѣловыми, сердитыми прохожими, съ тетрадью нотъ подмышкой; старуха Наталья, провожавшая меня и каждый разъ задававшая мнѣ, себѣ невѣдомо, разрѣшить задачу: о чемъ она всего болѣе думаетъ? — наконецъ, мой учитель, полу-итальянецъ, полу-французъ, чудакъ, минутами настоящій энтузіастъ, гораздо чаще педантъ и всего больше скряга, — все это развлекало меня, заставляло меня смѣяться или задумываться. Къ тому же я хоть и робко, но со страстной надеждой любила свое искусство, строила воздушные замки, выкраивала себѣ самое чудесное будущее, и нерѣдко, возвращаясь, была будто въ огнѣ отъ своихъ фантазій. Однимъ словомъ, въ эти часы я была почти счастлива.

Именно такая минута посѣтила меня и въ этотъ разъ, когда я, въ десять часовъ, воротилась съ урока домой. Я забыла про все и, помню, такъ радостно размечталась о чемъ-то. Но вдругъ, всходя на лѣстницу, я вздрогнула, какъ будто меня обожгли. Надо мной раздался голосъ Петра Александровича, который въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы. Непріятное чувство, овладѣвшее мной, было такъ велико, воспоминаніе о вчерашнемъ такъ враждебно поразило меня, что я никакъ не могла скрыть своей тоски. Я слегка поклонилась ему, но, вѣроятно, лицо мое было такъ выразительно въ эту минуту, что онъ остановился передо мной въ уди-

вленіи. Замѣтивъ движеніе его, я покраснѣла и быстро пошла наверхъ. Онъ пробормоталъ что-то мнѣ вслѣдъ и пошелъ своею дорогою.

Я готова была плакать съ досады и не могла понять, что это такое дѣлалось. Все утро я была сама не своя и не знала на что рѣшиться, чтобы кончить и раздѣлаться со всѣмъ поскорѣе. Тысячу разъ я давала себѣ слово быть благоразумнѣе, и тысячу разъ страхъ за себя овладѣвалъ мною. Я чувствовала, что ненавидѣла мужа Александры Михайловны, и въ то же время была въ отчаяніи за себя. Въ этотъ разъ, отъ безпрерывнаго волненія, я сдѣлалась серьезно нездоровой и уже никакъ не могла совладать съ собою. Мнѣ стало досадно на всѣхъ; я все утро просидѣла у себя и даже не пошла къ Александрѣ Михайловнѣ. Она пришла сама. Взглянувъ на меня, она чуть не вскрикнула. Я была такъ блѣдна, что, посмотрѣвъ въ зеркало, сама себя испугалась. Александра Михайловна сидѣла со мною цѣлый часъ, ухаживала за мной какъ за ребенкомъ.

Но мнѣ стало грустно отъ ея вниманія, такъ тяжело отъ ея ласкъ, такъ мучительно было смотрѣть на нее, что я попросила, наконецъ, оставить меня одну. Она ушла въ большомъ безпокойствѣ за меня. Наконецъ, тоска моя разрѣшилась слезами и припадкомъ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось легче . . .

Легче, потому что я рѣшилась идти къ ней. Я рѣшилась броситься передъ ней на колѣни, отдать ей письмо, которое она потеряла, и признаться ей во всемъ: признаться во всѣхъ мученіяхъ, перенесенныхъ мною, во всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, обнять ее со всей безконечною любовью, которая пылала

во мнѣ къ ней, къ моей страдалицѣ, сказать ей, что я дитя ея, другъ ея, что мое сердце передъ ней открыто, чтобъ она взглянула на него и увидѣла, сколько въ немъ самаго пламеннаго, самаго непоколебимаго чувства къ ней. Боже мой! Я знала, я чувствовала, что я послѣдняя, передъ которой она могла открыть свое сердце, но тѣмъ вѣрнѣе, казалось мнѣ, было спасеніе, тѣмъ могущественнѣе было бы слово мое... Хотя темно, неясно, но я понимала тоску ея, и сердце мое кипѣло негодованіемъ при мысли, что она можетъ краснѣть передо мною, передъ моимъ судомъ... Бѣдная, бѣдная моя, ты ли та грѣшница? Вотъ что скажу я ей, заплакавъ у ногъ ея. Чувство справедливости возмутилось во мнѣ, я была въ изступленіи. Не знаю, что бы я сдѣлала; но уже потомъ только я опомнилась, когда неожиданный случай спасъ меня и ее отъ погибели, остановивъ меня почти на первомъ шагу. Ужасъ нашелъ на меня. Ея ли замученному сердцу воскреснуть для надежды? Я бы однимъ ударомъ убила ее!

Вотъ что случилось: я уже была за двѣ комнаты до ея кабинета, когда изъ боковыхъ дверей вышелъ Петръ Александровичъ и, не замѣтивъ меня, пошелъ передо мною. Онъ тоже шелъ къ ней. Я остановилась какъ вкопанная; онъ былъ послѣдній человѣкъ, котораго я бы должна была встрѣтить въ такую минуту. Я было хотѣла уйти, но любопытство внезапно приковало меня къ мѣсту.

Онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы, и, къ величайшему изумленію, я вдругъ услышала, что онъ напѣваетъ какую-то пѣсню. Мигомъ одно темное, далекое воспоминаніе дѣтства моего воскресло въ моей памяти.

Чтобъ понятно было то странное ощущеніе, которое я почувствовала въ эту минуту, я разскажу это воспоминаніе. Еще въ первый годъ моего въ этомъ домѣ пребыванія, меня глубоко поразилъ одинъ случай, только теперь озарившій мое сознаніе, потому что только теперь, только въ эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатіи къ этому человѣку! Я упоминала уже, что еще въ то время мнѣ всегда было при немъ тяжело. Я уже говорила, какое тоскливое впечатлѣніе производилъ на меня его нахмуренный, озабоченный видъ, выраженіе лица, нерѣдко грустное и убитое: какъ тяжело было мнѣ послѣ тѣхъ часовъ, которые проводили мы вмѣстѣ за чайнымъ столикомъ Александры Михайловны, и, наконецъ, какая мучительная тоска надрывала сердце мое, когда мнѣ приходилось быть, раза два или три, чуть не свидѣтельницей тѣхъ угрюмыхъ, темныхъ сценъ, о которыхъ я уже упоминала вначалѣ. Случилось, что тогда я встрѣтилась съ нимъ такъ же, какъ и теперь, въ этой же комнатѣ, въ этотъ же часъ, когда онъ, такъ же какъ и я, шелъ къ Александрѣ Михайловнѣ. Я чувствовала чисто дѣтскую робость, встрѣчаясь съ нимъ одна, и потому притаилась въ углу какъ виноватая, моля судьбу, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Точно такъ же, какъ теперь, онъ остановился передъ зеркаломъ, и я вздрогнула отъ какого-то неопредѣленнаго, недѣтскаго чувства. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто передѣлываетъ свое лицо. По крайней мѣрѣ, я видѣла ясно улыбку на лицѣ его передъ тѣмъ, какъ онъ подходилъ къ зеркалу; я видѣла смѣхъ, чего прежде никогда отъ него не видала, потому что (помню, это всего болѣе поразило меня) онъ никогда не смѣялся

передъ Александрой Михайловной. Вдругъ, едва только онъ успѣлъ взглянуть въ зеркало, лицо его совсѣмъ измѣнилось. Улыбка исчезла, какъ по приказу, и на мѣсто ея какое-то горькое чувство, какъ будто невольно, черезъ силу пробивавшееся изъ сердца, чувство, котораго не въ человѣческихъ силахъ было скрыть, несмотря ни на какое великодушное усиліе, искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лобъ его и сдавила ему брови. Взглядъ мрачно спрятался подъ очки, — словомъ, онъ въ одинъ мигъ, какъ будто по командѣ, сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Помню, что я, ребенокъ, задрожала отъ страха, отъ боязни понять то, что я видѣла, и съ тѣхъ поръ тяжелое, непріятное впечатлѣніе безвыходно заключилось въ сердцѣ моемъ. Посмотрѣвшись съ минуту въ зеркало, онъ понурилъ голову, сгорбился, какъ обыкновенно являлся передъ Александрой Михайловной, и на цыпочкахъ пошелъ въ ея кабинетъ. Вотъ это-то воспоминаніе поразило меня.

И тогда, какъ и теперь, онъ думалъ, что онъ одинъ и остановился передъ этимъ же зеркаломъ. Какъ и тогда, я съ враждебнымъ, непріятнымъ чувствомъ очутилась съ нимъ вмѣстѣ. Но когда я услышала это пѣніе (пѣніе отъ него, отъ котораго такъ невозможно было ожидать чего-нибудь подобнаго), которое поразило меня такой неожиданностью, что я осталась на мѣстѣ какъ прикованная, когда въ ту же минуту сходство напомнило мнѣ почти такое же мгновеніе моего дѣтства, — тогда, не могу передать, какое язвительное впечатлѣніе кольнуло мнѣ сердце. Всѣ нервы мои вздрогнули, и въ отвѣтъ на эту несчастную пѣсню я разразилась такимъ смѣхомъ, что бѣдный пѣвецъ вскрик-

нуль, отскочилъ два шага отъ зеркала, и, блѣдный какъ смерть, какъ безславно пойманный съ поличнымъ, глядѣлъ на меня въ изступленіи отъ ужаса, отъ удивленія и бѣшенства. Его взглядъ болѣзненно подѣйствовалъ на меня. Я отвѣчала ему нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ прямо въ глаза, прошла, смѣясь, мимо него и вошла, не переставая хохотать, къ Александрѣ Михайловнѣ. Я знала, что онъ стоитъ за портьерами, что, можетъ быть, онъ колеблется, не зная, войти или нѣтъ, что бѣшенство и трусость приковали его къ мѣсту, — и съ какимъ-то раздраженнымъ, вызывающимъ нетерпѣніемъ я ожидала, на что онъ рѣшится; я готова была побиться объ закладъ, что онъ не войдетъ, и я выиграла. Онъ вошелъ только черезъ полчаса. Александра Михайловна долгое время смотрѣла на меня въ крайнемъ изумленіи. Но тщетно допрашивала она, что со мною? Я не могла отвѣчать, я задыхалась. Наконецъ, она поняла, что я въ нервномъ припадкѣ, и съ безпокойствомъ смотрѣла за мною. Отдохнувъ, я взяла ея руки и начала цѣловать ихъ. Только теперь я одумалась, и только теперь пришло мнѣ въ голову, что я бы убила ее, если бъ не встрѣча съ мужемъ. Я смотрѣла на нее какъ на воскресшую.

Вошелъ Петръ Александровичъ.

Я взглянула на него мелькомъ; онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто между нами ничего не случилось, то есть былъ суровъ и угрюмъ по-всегдашнему. Но по блѣдному лицу и слегка вздрагивавшимъ краямъ губъ его я догадалась, что онъ едва скрываетъ свое волненіе. Онъ поздоровался съ Александрой Михайловной холодно и молча сѣлъ на мѣсто. Рука его дрожала, когда онъ бралъ чашку чая. Я ожи-

дала взрыва, и на меня напалъ какой-то безотчетный страхъ. Я уже хотѣла было уйти, но не рѣшалась оставить Александру Михайловну, которая измѣнилась въ лицѣ, глядя на мужа. Она тоже предчувствовала что-то недоброе. Наконецъ, то, чего я ожидала съ такимъ страхомъ, случилось.

Среди глубокаго молчанія я подняла глаза и встрѣтила очки Петра Александровича, направленные прямо на меня. Это было такъ неожиданно, что я вздрогнула, чуть не вскрикнула и потупилась. Александра Михайловна замѣтила мое движеніе.

— Что съ вами? Отчего вы покраснѣли? — раздался рѣзкій и грубый голосъ Петра Александровича.

Я молчала; сердце мое колотилось такъ, что я не могла вымолвить слова.

— Отчего она покраснѣла? Отчего она все краснѣетъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, нагло указывая ей на меня.

Негодованіе захватывало мнѣ духъ. Я бросила умоляющій взглядъ на Александру Михайловну. Она поняла меня. Блѣдныя щеки ея вспыхнули.

— Аннета, — сказала она мнѣ твердымъ голосомъ, котораго я никакъ не ожидала отъ нея, — поди къ себѣ, я черезъ минуту къ тебѣ приду: мы проведемъ вечеръ вмѣстѣ...

— Я васъ спрашиваю, слышали ли меня или нѣтъ? — прервалъ Петръ Александровичъ, еще болѣе возвышая голосъ и какъ будто не слыхавъ, что сказала жена. — Отчего вы краснѣете, когда встрѣчаетесь со мной? Отвѣчайте!

— Оттого, что вы заставляете ее краснѣть, и меня такъ же, — отвѣчала Александра Михайловна прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Александру Михайловну. Пылкость ея возраженія съ перваго раза была мнѣ совсѣмъ непонятна.

— *Я* заставляю васъ краснѣть, *я?* — отвѣчалъ ей Петръ Александровичъ, казалось, тоже внѣ себя отъ изумленія, и сильно ударяя на слово я. — За *меня вы* краснѣли? Да развѣ *я* могу *васъ* заставить краснѣть за *меня? Вамъ,* а не мнѣ краснѣть, какъ вы думаете?

Эта фраза была такъ понятна для меня, сказана съ такой ожесточенной, язвительной насмѣшкой, что я вскрикнула отъ ужаса и бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ. Изумленіе, боль, укоръ и ужасъ изображались на смертельно-поблѣднѣвшемъ лицѣ ея. Я взглянула на Петра Александровича, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки. Казалось, онъ самъ спохватился; но бѣшенство, вырвавшее у него эту фразу, еще не прошло. Однакожъ, замѣтивъ безмолвную мольбу мою, онъ смутился. Мой жестъ говорилъ ясно, что я про многое знаю изъ того, что между ними до сихъ поръ было тайной, и что я хорошо поняла слова его.

— Аннета, идите къ себѣ, — повторила Александра Михайловна слабымъ, но твердымъ голосомъ, вставъ со стула, — мнѣ очень нужно говорить съ Петромъ Александровичемъ . . .

Она была, повидимому, спокойна; но за это спокойствіе я боялась больше чѣмъ за всякое волненіе. Я какъ будто не слыхала словъ ея и оставалась на мѣстѣ какъ вкопанная. Всѣ силы мои напрягла я, чтобъ прочесть на ея лицѣ, что происходило въ это мгновеніе въ душѣ ея. Мнѣ показалось, что она не поняла ни моего жеста, ни моего восклицанія.

— Вотъ что вы надѣлали, сударыня! — проговорилъ Петръ Александровичъ, взявъ меня за руки и указавъ на жену.

Боже мой! Я никогда не видала такого отчаянія, которое прочла теперь на этомъ убитомъ, помертвѣвшемъ лицѣ. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты. Я взглянула на нихъ въ послѣдній разъ. Александра Михайловна стояла, облокотясь на каминъ и крѣпко сжавъ обѣими руками голову. Все положеніе ея тѣла изображало нестерпимую муку. Я схватила руку Петра Александровича и горячо сжала ее.

— Ради Бога! Ради Бога! — проговорила я прерывающимся голосомъ, — пощадите!

— Не бойтесь, не бойтесь! — сказалъ онъ, какъ-то странно смотря на меня; — это ничего, это припадокъ. Ступайте же, ступайте.

Войдя въ свою комнату, я бросилась на диванъ и закрыла руками лицо. Цѣлые три часа пробыла я въ такомъ положеніи, и въ это мгновеніе прожила цѣлый адъ. Наконецъ, я не выдержала и послала спросить, можно ли мнѣ придти къ Александрѣ Михайловнѣ. Съ отвѣтомъ пришла мадамъ Леотаръ. Петръ Александровичъ прислалъ сказать, что припадокъ прошелъ, опасности нѣтъ, но что Александрѣ Михайловнѣ нуженъ покой. Я не ложилась спать до трехъ часовъ утра и все думала, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Положеніе мое было загадочнѣе чѣмъ когда-нибудь, но я чувствовала себя какъ-то покойнѣе, — можетъ быть, потому, что чувствовала себя всѣхъ виноватѣе. Я легла спать, съ нетерпѣніемъ ожидая завтрашняго утра.

Но на другой день я, къ своему горестному изумленію, замѣтила какую-то необъяснимую хо-

лодность въ Александрѣ Михайловнѣ. Сначала мнѣ показалось, что этому чистому, благородному сердцу тяжело было со мною послѣ вчерашней сцены съ мужемъ, которой я поневолѣ была свидѣтельницей. Я узнала, что это дитя способно покраснѣть передо мною и просить у меня же прощенія за то, что несчастная сцена, можетъ быть, оскорбила вчера мое сердце. Но вскорѣ я замѣтила въ ней какую-то другую заботу и досаду, проявлявшуюся чрезвычайно неловко: то она отвѣтитъ мнѣ сухо и холодно, то слышится въ словахъ ея какой-то особенный смыслъ; то, наконецъ, она вдругъ сдѣлается со мной очень нѣжна, какъ будто раскаиваясь въ этой суровости, которой не могло быть въ ея сердцѣ, и ласковыя, тихія слова ея какъ будто звучатъ какимъ-то укоромъ. Наконецъ, я прямо спросила ее, что съ ней и нѣтъ ли у ней чего мнѣ сказать? На быстрый вопросъ мой она немного смутилась, но тотчасъ же, поднявъ на меня свои большіе, тихіе глаза и смотря на меня съ нѣжной улыбкой, сказала:

— Ничего, Нѣточка; только знаешь ли что: когда ты меня такъ быстро спросила, я немного смутилась. Это оттого, что ты спросила такъ скоро... увѣряю тебя. Но слушай, — отвѣчай мнѣ правду, дитя мое: есть что-нибудь у тебя на сердцѣ такое, отъ чего бы ты такъ же смутилась, если бъ тебя о томъ спросили такъ же быстро и неожиданно?

— Нѣтъ, — отвѣчала я, посмотрѣвъ на нее ясными глазами.

— Ну, вотъ и хорошо! Если бъ ты знала, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна за этотъ прекрасный отвѣтъ. Не то чтобъ я тебя могла подозрѣвать въ

чемъ-нибудь дурномъ, — никогда! Я не прощу себѣ и мысли объ этомъ. Но слушай: взяла я тебя дитятей, а теперь тебѣ семнадцать лѣтъ. Ты видѣла сама: я больная, я сама какъ ребенокъ, за мной еще нужно ухаживать. Я не могла замѣнить тебѣ вполнѣ родную мать, несмотря на то, что любви къ тебѣ слишкомъ достало бы на то въ моемъ сердцѣ. Если жъ теперь меня такъ мучаетъ забота, то, разумѣется, не ты виновата, а я. Прости жъ мнѣ и за вопросъ, и за то, что я, можетъ быть, невольно не исполнила всѣхъ моихъ обѣщаній, которыя дала тебѣ и батюшкѣ, когда взяла тебя изъ его дома. Меня это очень безпокоитъ и часто безпокоило, другъ мой.

Я обняла ее и заплакала.

— О, благодарю, благодарю васъ за все! — сказала я, обливая ея руки слезами, — не говорите мнѣ такъ, не разрывайте моего сердца. Вы были мнѣ больше чѣмъ мать; да благословитъ васъ Богъ за все, что вы сдѣлали оба, вы и князь, мнѣ, бѣдной, оставленной! Бѣдная моя, родная моя!

— Полно, Нѣточка, полно! Обними меня лучше; такъ, крѣпче, крѣпче! Знаешь что? Богъ знаетъ отчего мнѣ кажется, что ты въ послѣдній разъ меня обнимаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорила я, разрыдавшись какъ ребенокъ, — нѣтъ, этого не будетъ! Вы будете счастливы! . . Еще впереди много дней. Вѣрьте, мы будемъ счастливы.

— Спасибо тебѣ, спасибо, что ты такъ любишь меня. Теперь около меня мало людей; меня всѣ оставили!

— Кто же оставили? Кто они?

— Прежде были и другіе кругомъ меня; ты не

знаешь, Неточка. Они всѣ оставили, всѣ ушли, точно призраки были. А я ихъ такъ ждала, всю жизнь ждала; Богъ съ ними! Смотри, Нѣточка: видишь, какая глубокая осень; скоро пойдетъ снѣгъ: съ первымъ снѣгомъ я и умру, — да; но я и не тужу. Прощайте!

Лицо ея было блѣдно и худо; на каждой щекѣ горѣло зловѣщее, кровавое пятно; губы ея дрожали и запеклись отъ внутренняго жара.

Она подошла къ фортепіано и взяла нѣсколько аккордовъ; въ это мгновеніе съ трескомъ лопнула струна и заныла въ длинномъ, дребезжащемъ звукѣ . . .

— Слышишь, Нѣточка, слышишь? — сказала она вдругъ какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ, указывая на фортепіано. — Эту струну слишкомъ-слишкомъ натянули: она не вынесла и умерла. Слышишь, какъ жалобно умираетъ звукъ!

Она говорила съ трудомъ. Глухая, душевная боль отразилась на лицѣ ея, и глаза ея наполнились слезами.

— Ну, полно объ этомъ, Нѣточка, другъ мой, довольно; приведи дѣтей.

Я привела ихъ. Она какъ будто отдохнула, на нихъ глядя, и черезъ часъ отпустила ихъ.

— Когда я умру, ты не оставишь ихъ, Аннета? Да? — сказала она мнѣ шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ кто-нибудь не подслушалъ.

— Полноте, вы убьете меня! — могла только я проговорить ей въ отвѣтъ.

— Я вѣдь шутила, — сказала она, помолчавъ и улыбнувшись. — А ты и повѣрила? Я вѣдь иногда Богъ знаетъ что говорю. Я теперь какъ дитя; мнѣ нужно все прощать.

Тутъ она робко посмотрѣла на меня, какъ будто боясь что-то выговорить. Я ожидала.

— Смотри, не пугай его, — проговорила она, наконецъ, потупивъ глаза, съ легкой краскоїї въ лицѣ, и такъ тихо, что я едва разслышала.

— Кого? — спросила я съ удивленіемъ.

— Мужа. Ты, пожалуй, разскажешь ему все потихоньку.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ? — повторяла я, все болѣе и болѣе въ удивленіи.

— Ну, можетъ быть, и не разскажешь, какъ знать! — отвѣчала она, стараясь какъ можно хитрѣе взглянуть на меня, хотя все та же простодушная улыбка блестѣла на губахъ ея, и краска все болѣе и болѣе вступала ей въ лицо. — Полно объ этомъ; я вѣдь все шучу.

Сердце мое сжималось все больнѣе и больнѣе.

— Только послушай, ты ихъ будешь любить, когда я умру, — да? — прибавила она серьезно и опять какъ будто съ таинственнымъ видомъ: — такъ, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ любила, — да? Припомни: я тебя всегда за родную считала и отъ своихъ не рознила.

— Да, да, — отвѣчала я, не зная что говорю и задыхаясь отъ слезъ и смущенія.

Горячій поцѣлуй зажегся на рукѣ моей, прежде чѣмъ я успѣла отнять ее. Изумленіе сковало мнѣ языкъ.

«Что съ ней? Что она думаетъ? Что вчера у нихъ было такое?» пронеслось въ моей головѣ.

Черезъ минуту она стала жаловаться на усталость.

— Я уже давно больна, только не хотѣла пугать васъ обоихъ, — сказала она. — Вѣдь вы меня

оба любите, — да?.. До свиданія, Нѣточка, оставь меня, а только вечеромъ приди ко мнѣ непремѣнно. Придешь?

Я дала слово; но рада была уйти. Я не могла болѣе вынести.

— Бѣдная, бѣдная! Какое подозрѣніе провожаетъ тебя въ могилу? — восклицала я, рыдая, — какое новое горе язвитъ и точитъ твое сердце, и о которомъ ты едва смѣешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страданіе, которое я уже узнала теперь все наизусть, эта жизнь безъ просвѣта, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертномъ одрѣ своемъ, когда сердце рвется пополамъ отъ боли, она, какъ преступная, боится малѣйшаго ропота, жалобы, — вообразивъ, выдумавъ новое горе, она уже покорилась ему, помирилась съ нимъ!..

Вечеромъ, въ сумерки, я, воспользовавшись отсутствіемъ Оврова (пріѣзжаго изъ Москвы), пошла въ библіотеку, отперла шкафъ и начала рыться въ книгахъ, чтобъ выбрать какую-нибудь для чтенія вслухъ Александрѣ Михайловнѣ. Мнѣ хотѣлось отвлечь ее отъ черныхъ мыслей и выбрать что-нибудь веселое, легкое... Я разбирала долго и разсѣянно. Сумерки сгущались; а вмѣстѣ съ ними росла и тоска моя. Въ рукахъ моихъ очутилась опять эта книга, развернутая на той же страницѣ, на которой и теперь я увидала слѣды письма, съ тѣхъ поръ несходившаго съ груди моей, — тайны, съ которой какъ будто переломилось и вновь началось мое существованіе, и повѣяло на меня такъ много холоднаго, неизвѣстнаго, таинственнаго, непривѣтливаго, уже и теперь издали такъ сурово грозившаго мнѣ... Что съ нами будетъ, думала

я; уголъ, въ которомъ мнѣ было такъ тепло, такъ привольно, — пустѣетъ. Чистый, свѣтлый духъ, охранявшій юность мою, оставляетъ меня. Что впереди? Я стояла въ какомъ-то забытьи надъ своимъ прошедшимъ, такъ теперь милымъ сердцу, какъ будто силясь прозрѣть впередъ, въ неизвѣстное, грозившее мнѣ... Я припоминаю эту минуту, какъ будто теперь вновь переживаю ее: такъ сильно врѣзалась она въ моей памяти.

Я держала въ рукахъ письмо и развернутую книгу; лицо мое было омочено слезами. Вдругъ я вздрогнула отъ испуга: надо мной раздался знакомый мнѣ голосъ. Въ то же время я почувствовала, что письмо вырвали изъ рукъ моихъ. Я вскрикнула и оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко удерживалъ на мѣстѣ; правой рукой подносилъ онъ къ свѣту письмо и силился разобрать первыя строки... Я закричала; я скорѣй готова была умереть, чѣмъ оставить это письмо въ рукахъ его. По торжествующей улыбкѣ я увидѣла, что ему удалось разобрать первыя строки. Я потеряла голову...

Мгновеніе спустя, я бросилась къ нему, почти не помня себя, и вырвала письмо изъ рукъ его. Все это случилось такъ скоро, что я еще сама не понимала, какимъ образомъ письмо очутилось у меня опять. Но, замѣтивъ, что онъ снова хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ, я поспѣшно спрятала письмо на груди и отступила на три шага.

Мы съ полминуты смотрѣли другъ на друга молча. Я еще содрогалась отъ испуга; онъ — блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми отъ гнѣва губами, первый прервалъ молчаніе.

— Довольно! — сказалъ онъ слабымъ отъ вол-

ненія голосомъ, — вы, вѣрно, не хотите, чтобъ я употребилъ силу; отдайте же мнѣ письмо добровольно.

Только теперь я одумалась, и оскорбленіе, стыдъ, негодованіе противъ грубаго насилія захватили мнѣ духъ. Горячія слезы потекли по разгорѣвшимся щекамъ моимъ. Я вся дрожала отъ волненія и нѣкоторое время была не въ силахъ вымолвить слова.

— Вы слышали? — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ на два шага.

— Оставьте меня, оставьте! — закричала я, отодвигаясь отъ него, — вы поступили низко, неблагородно. Вы забылись!.. Пропустите меня!..

— Какъ? Что это значитъ? И вы еще смѣете принимать такой тонъ... послѣ того, что вы... Отдайте, говорю вамъ!

Онъ еще разъ шагнулъ ко мнѣ, но, взглянувъ на меня, увидѣлъ въ глазахъ моихъ столько рѣшимости, что остановился, какъ будто въ раздумьѣ.

— Хорошо! — сказалъ онъ, наконецъ, сухо, какъ будто остановившись на одномъ рѣшеніи, но все еще черезъ силу подавляя себя. — Это своимъ чередомъ, а сперва...

Тутъ онъ осмотрѣлся кругомъ.

— Вы... кто васъ пустилъ въ библіотеку? Почему этотъ шкафъ отворенъ? Гдѣ взяли ключъ?

— Я не буду вамъ отвѣчать, — сказала я, — я не могу съ вами говорить. Пустите меня, пустите!

Я пошла къ дверямъ.

— Позвольте, — сказалъ онъ, остановивъ меня за руку, — вы такъ не уйдете!

Я молча вырвала у него свою руку и снова сдѣлала движеніе къ дверямъ.

— Хорошо же. Но я не могу вамъ позволить, въ самомъ дѣлѣ, получать письма отъ вашихъ любовниковъ, въ моемъ домѣ . . .

Я вскрикнула отъ испуга и взглянула на него какъ потерянная . . .

— И потому . . .

— Остановитесь! — закричала я. — Какъ вы можете? Какъ вы могли мнѣ сказать?. . Боже мой! Боже мой! . .

— Что? Что! Вы еще угрожаете мнѣ?

Но я смотрѣла на него блѣдная, убитая отчаяніемъ. Сцена между нами дошла до послѣдней степени ожесточенія, котораго я не могла понять. Я молила его взглядомъ не продолжать далѣе. Я готова была простить за оскорбленіе, съ тѣмъ, чтобъ онъ остановился. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и видимо колебался.

— Не доводите меня до крайности, — прошептала я въ ужасѣ.

— Нѣтъ-съ, это нужно кончить! — сказалъ онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись. — Признаюсь вамъ, я было колебался отъ этого взгляда, — прибавилъ онъ съ странной улыбкой. — Но, къ несчастью, дѣло само за себя говоритъ. Я успѣлъ прочитать начало письма. Это письмо любовное. Вы меня не разувѣрите! Нѣтъ, выкиньте это изъ головы! И если я усомнился на минуту, то это доказываетъ только, что ко всѣмъ вашимъ прекраснымъ качествамъ я долженъ присоединить способность отлично лгать, а потому повторяю . . .

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, его лицо все болѣе и болѣе искажалось отъ злобы. Онъ блѣднѣлъ; губы его кривились и дрожали, такъ что онъ, наконецъ, съ трудомъ произнесъ послѣднія слова.

Становилось темно. Я стояла безъ защиты, одна, передъ человѣкомъ, который въ состояніи оскорблять женщину. Наконецъ, всѣ видимости были противъ меня; я терзалась отъ стыда, терялась, не могла понять злобы этого человѣка. Не отвѣчая ему, внѣ себя отъ ужаса, я бросилась вонъ изъ комнаты, и очнулась ужъ стоя при входѣ въ кабинетъ Александры Михайловны. Въ это мгновеніе послышались и его шаги; я уже хотѣла войти въ комнату, какъ вдругъ остановилась, какъ бы пораженная громомъ.

— Что съ нею будетъ? — мелькнуло въ моей головѣ. — Это письмо!.. Нѣтъ, лучше все на свѣтѣ, чѣмъ этотъ послѣдній ударъ въ ея сердце, — и я бросилась назадъ. Но ужъ было поздно: онъ стоялъ подлѣ меня.

— Куда хотите пойдемте, — только не здѣсь, не здѣсь! — шепнула я, схвативъ его руку. — Пощадите ее! Я приду опять въ библіотеку, или... куда хотите! Вы убьете ее!

— Это вы убьете ее! — отвѣчалъ онъ, отстраняя меня.

Всѣ надежды мои исчезли. Я чувствовала, что ему именно хотѣлось перенесть всю сцену къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Ради Бога! — говорила я, удерживая его всѣми силами. Но въ это мгновеніе поднялась портьера, и Александра Михайловна очутилась передъ нами. Она смотрѣла на насъ въ удивленіи. Лицо ея было блѣднѣе всегдашняго. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Видно было, что ей большихъ усилій стоило дойти до насъ, когда она заслышала наши голоса.

— Кто здѣсь? О чемъ вы здѣсь говорили? —

спросила она, смотря на насъ въ крайнемъ изумленіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и она поблѣднѣла какъ полотно. Я бросилась къ ней, крѣпко обняла ее и увлекла назадъ въ кабинетъ. Петръ Александровичъ вошелъ вслѣдъ за мною. Я спрятала лицо свое на груди ея, и все крѣпче, крѣпче обнимала ее, замирая отъ ожиданія.

— Что съ тобою, что съ вами? — спросила въ другой разъ Александра Михайловна.

— Спросите ее. Вы еще вчера такъ ее защищали, — сказалъ Петръ Александровичъ, тяжело опускаясь въ кресла.

Я все крѣпче и крѣпче сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Но, Боже мой, что жъ это такое? — проворила Александра Михайловна въ страшномъ испугѣ. — Вы такъ раздражены, она испугана, въ слезахъ. Аннета, говори мнѣ все, что было между вами.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сперва, — сказалъ Петръ Александровичъ, подходя къ намъ, взявъ меня за руку и оттащивъ отъ Александры Михайловны. — Стойте тутъ, — сказалъ онъ, указавъ на средину комнаты. — Я васъ хочу судить передъ той, которая замѣнила вамъ мать. А вы успокойтесь, сядьте, — прибавилъ онъ, усаживая Александру Михайловну на кресла. — Мнѣ горько, что я не могъ васъ избавить отъ этого непріятнаго объясненія; но оно необходимо.

— Боже мой! Что жъ это будетъ? — проговорила Александра Михайловна, въ глубокой тоскѣ перенося свой взглядъ поочередно на меня и на мужа. Я ломала руки, предчувствуя роковую минуту. Отъ него я ужъ не ожидала пощады.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Петръ Александровичъ,—я хотѣлъ, чтобъ вы разсудили вмѣстѣ со мною. Вы всегда (и не понимаю отчего, это одна изъ вашихъ фантазій), вы всегда — еще вчера, напримѣръ, думали, говорили . . . но не знаю какъ сказать; я краснѣю отъ предположеній . . . Однимъ словомъ, вы защищали ее, вы нападали на меня, вы уличали меня въ *неумѣстной* строгости; вы намекали еще на какое-то *другое чувство,* будто бы вызывающее меня на эту *неумѣстную* строгость; вы . . . но я не понимаю, отчего я не могу подавить своего смущенія, эту краску въ лицѣ при мысли о вашихъ предположеніяхъ; отчего я не могу сказать о нихъ гласно, открыто, при ней . . . Однимъ словомъ, вы . . .

— О, вы этого не сдѣлаете! Нѣтъ, вы не скажете этого! — вскрикнула Александра Михайловна, вся въ волненіи, сгорѣвъ отъ стыда, — нѣтъ, вы пощадите ее. Это я, я все выдумала! Во мнѣ нѣтъ теперь никакихъ подозрѣній. Простите меня за нихъ, простите. Я больна, мнѣ нужно простить, но только не говорите ей, нѣтъ . . . Аннета, — сказала она подходя ко мнѣ, — Аннета, уйди отсюда, скорѣе, скорѣе! Онъ шутилъ; это я всему виновата; это неумѣстная шутка . . .

— Однимъ словомъ, вы ревновали меня къ ней, — сказалъ Петръ Александровичъ, безъ жалости бросивъ эти слова въ отвѣтъ ея тоскливому ожиданію. Она вскрикнула, поблѣднѣла и оперлась на кресло, едва удерживаясь на ногахъ.

— Богъ вамъ проститъ! — проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ. — Прости меня за него, Нѣточка, прости; я была всему виновата. Я была больна, я . . .

— Но это тиранство, безстыдство, низость! — закричала я въ изступленіи, понявъ, наконецъ, все, понявъ, зачѣмъ ему хотѣлось осудить меня въ глазахъ жены. — Это достойно презрѣнія; вы . . .

— Аннета! — закричала Александра Михайловна, въ ужасѣ схвативъ меня за руки.

— Комедія! Комедія и больше ничего!—проговорилъ Петръ Александровичъ, подступая къ намъ въ неизобразимомъ волненіи. — Комедія, говорю я вамъ, — продолжалъ онъ, пристально и съ зловѣщей улыбкой смотря на жену, — и обманутая во всей этой комедіи одна — вы. Повѣрьте, что мы, — произнесъ онъ, задыхаясь и указывая на меня, — не боимся такихъ объясненій; повѣрьте, что мы ужъ не такъ цѣломудренны, чтобъ оскорбляться, краснѣть и затыкать уши, когда намъ заговорятъ о подобныхъ дѣлахъ. Извините, я выражаюсь просто, прямо, грубо, можетъ быть, но — такъ должно. Увѣрены ли вы, сударыня, въ порядочномъ поведеніи этой . . . дѣвицы?

— Боже! Что съ вами? Вы забылись! — проговорила Александра Михайловна, остолбенѣвъ, помертвѣвъ отъ испуга.

— Пожалуйста, безъ громкихъ словъ! — презрительно перебилъ Петръ Александровичъ, — я не люблю этого. Здѣсь дѣло простое, прямое, пошлое до послѣдней пошлости. Я васъ спрашиваю о ея поведеніи; знаете ли вы . . .

Но я не дала ему договорить и, схвативъ его за руки, съ силою оттащила въ сторону. Еще минута — и все могло быть потеряно.

— Не говорите о письмѣ! — сказала я быстро, шепотомъ, — вы убьете ее на мѣстѣ. Упрекъ мнѣ будетъ упрекомъ ей въ то же время. Она не мо-

жетъ судить меня, потому что я все знаю . . . понимаете, я *все* знаю!

Онъ пристально, съ дикимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня, — и смѣшался; кровь выступила ему на лицо.

— Я *все* знаю, *все!* — повторяла я.

Онъ еще колебался. На губахъ его шевелился вопросъ. Я предупредила:

— Вотъ что было, — сказала я вслухъ, наскоро, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, которая глядѣла на насъ въ робкомъ, тоскливомъ изумленіи. — Я виновата во всемъ. Ужъ четыре года тому какъ я васъ обманывала. Я унесла ключъ отъ библіотеки и ужъ четыре года потихоньку читаю книги. Петръ Александровичъ засталъ меня надъ такой книгой, которая . . . не могла, не должна была быть въ рукахъ моихъ. Испугавшись за меня, онъ преувеличилъ опасность въ глазахъ вашихъ! . . Но я не оправдываюсь (поспѣшила я, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на губахъ его):—я во всемъ виновата. Соблазнъ былъ сильнѣе меня, и, согрѣшивъ разъ, я ужъ стыдилась признаться въ своемъ проступкѣ . . . Вотъ все, почти все, что было между нами.

— О-го, какъ бойко! — прошепталъ подлѣ меня Петръ Александровичъ.

Александра Михайловна выслушала меня съ глубокимъ вниманіемъ; но въ лицѣ ея видимо отражалась недовѣрчивость. Она поперемѣнно взглядывала то на меня, то на мужа. Наступило молчаніе. Я едва переводила духъ. Она опустила голову на грудь и закрыла рукою глаза, соображая что-то и, очевидно, взвѣшивая каждое слово, которое я произнесла. Наконецъ, она подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Нѣточка, дитя мое, я знаю, ты не умѣешь лгать, — проговорила она. — Это все, что случилось, рѣшительно все?

— Все, — отвѣчала я.

— Все ли? — спросила она, обращаясь къ мужу.

— Да, все, — отвѣчалъ онъ съ усиліемъ, — все!

Я отдохнула.

— Ты даешь мнѣ слово, Нѣточка?

— Да, — отвѣчала я не запинаясь.

Но я не утерпѣла и взглянула на Петра Александровича. Онъ смѣялся, выслушавъ, какъ я дала слово. Я вспыхнула, и мое смущеніе не укрылось отъ бѣдной Александры Михайловны. Подавляющая, мучительная тоска отразилась на лицѣ ея.

— Довольно, — сказала она грустно. — Я вамъ вѣрю. Я не могу вамъ не вѣрить.

— Я думаю, что такого признанія достаточно, — проговорилъ Петръ Александровичъ. — Вы слышали? Что прикажете думать?

Александра Михайловна не отвѣчала. Сцена становилась все тягостнѣе и тягостнѣе.

— Я завтра же пересмотрю всѣ книги, — продолжалъ Петръ Александровичъ. — Я не знаю, что тамъ еще было; но . . .

— А какую книгу читала она? — спросила Александра Михайловна.

— Книгу? Отвѣчайте вы, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Вы умѣете лучше меня *объяснять дѣло,* — прибавилъ онъ съ затаенной насмѣшкой.

Я смутилась и не могла выговорить ни слова. Александра Михайловна покраснѣла и опустила

глаза. Наступила долгая пауза. Петръ Александровичъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не знаю, что между вами было, — начала, наконецъ, Александра Михайловна, робко выговаривая каждое слово, — но если *это только* было, — продолжала она, силясь дать особенный смыслъ словамъ своимъ, уже смутившаяся отъ неподвижнаго взгляда своего мужа, хотя она и старалась не глядѣть на него, — если *только это* было, то я не знаю, изъ-за чего намъ всѣмъ горевать и такъ отчаяваться. Виноватѣе всѣхъ я, я одна, и это меня очень мучаетъ. Я пренебрегла ея воспитаніемъ, я и должна отвѣчать за все. Она должна простить мнѣ, и я ее осудить не могу и не смѣю. Но, опять, изъ-за чего жъ намъ отчаяваться? Опасность прошла. Взгляните на нее, — сказала она, одушевляясь все болѣе и болѣе и бросая пытливый взглядъ на своего мужа, — взгляните на нее: неужели ея неосторожный поступокъ оставилъ хоть какія-нибудь послѣдствія? Неужели я не знаю ея, дитяти моего, моей дочери милой? Неужели я не знаю, что ея сердце чисто и благородно, что въ этой хорошенькой головкѣ, — продолжала она, лаская меня и привлекая къ себѣ, — умъ ясенъ и свѣтелъ, а совѣсть боится обмана . . . Полноте, мои милые! Перестанемъ! Вѣрно другое что-нибудь затаилось въ нашей тоскѣ; можетъ быть, на насъ только мимолетомъ легла враждебная тѣнь. Но мы разгонимъ ее любовью, добрымъ согласіемъ и разсѣемъ недоумѣніе наше. Можетъ быть, много недоговорено между нами, и я винюсь первая. Я первая таилась отъ васъ, у меня у первой родились Богъ знаетъ какія подозрѣнія, въ которыхъ виновата больная голо-

ва моя. Но... но, если ужъ мы отчасти и высказались, то вы должны оба простить меня, потому... потому, наконецъ, что нѣтъ большого грѣха въ томъ, что я подозрѣвала . . .

Сказавъ это, она робко и краснѣя взглянула на мужа и съ тоскою ожидала словъ его. По мѣрѣ того, какъ онъ ее слушалъ, насмѣшливая улыбка показывалась на его губахъ. Онъ пересталъ ходить и остановился прямо передъ нею, закинувъ назадъ руки. Онъ, казалось, разсматривалъ ея смущеніе, наблюдалъ его, любовался имъ; чувствуя надъ собой его пристальный взглядъ, она смѣшалась. Онъ переждалъ мгновеніе, какъ будто ожидая чего-нибудь далѣе. Смущеніе ея удвоилось. Наконецъ, онъ прервалъ тягостную сцену тихимъ, долгимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ жаль васъ, бѣдная женщина! — сказалъ онъ, наконецъ, горько и серьезно, переставъ смѣяться. — Вы взяли на себя роль, которая вамъ не по силамъ. Чего вамъ хотѣлось? Вамъ хотѣлось поднять меня на отвѣтъ, поджечь меня новыми подозрѣніями, или, лучше сказать, старымъ подозрѣніемъ, которое вы плохо скрыли въ словахъ вашихъ? Смыслъ вашихъ словъ, что сердиться на нее нечего, что она хороша и послѣ чтенія безнравственныхъ книгъ, мораль которыхъ — говорю отъ себя — кажется, уже принесла кой-какіе успѣхи, что вы, наконецъ, за нее отвѣчаете сами; такъ ли? Ну-съ, объяснивъ это, вы намекаете на что-то другое; вамъ кажется, что подозрительность и гоненія мои выходятъ изъ какого-то другого чувства. Вы даже намекали мнѣ вчера — пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо — вы даже намекали вчера, что у нѣкоторыхъ

людей (помню, что, по вашему замѣчанію, эти люди всего чаще бываютъ степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и Богъ знаетъ какихъ вы еще не давали опредѣленій въ припадкѣ великодушія), что у нѣкоторыхъ людей, повторяю, любовь (и Богъ знаетъ почему вы это выдумали!) и проявляться не можетъ иначе, какъ сурово, горячо, круто, *часто подозрѣніями*, гоненіями. Я ужъ не помню хорошо, такъ ли именно вы говорили вчера... Пожалуйста, не останавливайте меня; я знаю хорошо вашу воспитанницу; ей все можно слышать, все, повторяю вамъ въ сотый разъ, — все. Вы обмануты. Но не знаю, отчего вамъ угодно такъ настаивать на томъ, что я-то именно и есть такой человѣкъ! Богъ знаетъ зачѣмъ вамъ хочется нарядить меня въ этотъ шутовской кафтанъ. Не въ лѣтахъ моихъ любовь къ этой дѣвицѣ; да, наконецъ, повѣрьте мнѣ, сударыня, я *знаю свои обязанности,* и какъ бы великодушно вы ни извиняли меня, я буду говорить прежнее, что *преступленіе всегда останется преступленіемъ, что грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ, постыднымъ, гнуснымъ, неблагороднымъ, на какую бы степень величія вы ни вознесли порочное чувство!* Но, довольно! Довольно! И чтобъ я не слыхалъ болѣе объ этихъ гадостяхъ.

Александра Михайловна плакала.

— Ну, пусть я несу это, пусть это мнѣ! — проговорила она, наконецъ, рыдая и обнимая меня: — пусть постыдны были мои подозрѣнія, пусть вы насмѣялись такъ сурово надъ ними! Но ты, моя бѣдная, за что ты осуждена слушать такія оскорбленія? И я не могу защитить тебя! Я безгласна! Боже мой! Я не могу молчать, сударь! Я не вынесу... Ваше поведеніе безумно!..

— Полноте, полноте! — шептала я, стараясь утѣшить ея волненіе, боясь, чтобъ жестокіе укоры не вывели его изъ терпѣнія. Я все еще трепетала отъ страха за нее.

— Но, слѣпая женщина! — закричалъ онъ: — но вы не знаете, вы не видите . . . .

Онъ остановился на минуту.

— Прочь отъ нее! — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вырывая мою руку изъ рукъ Александры Михайловны. — Я вамъ не позволю прикасаться къ женѣ моей; вы мараете ее; вы оскорбляете ее своимъ присутствіемъ! Но . . . но, что же заставляетъ меня молчать, когда нужно, когда необходимо говорить? — закричалъ онъ, топнувъ ногою. — И я скажу, я все скажу. Я не знаю, что вы тамъ *знаете,* сударыня, и чѣмъ вы хотѣли пригрозить мнѣ, да и знать не хочу. Слушайте! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ: — слушайте же.

— Молчите! — закричала я, бросаясь впередъ, — молчите, ни слова!

— Слушайте . . .

— Молчите во имя . . .

— Во имя чего, сударыня? — перебилъ онъ, быстро и пронзительно взглянувъ мнѣ въ глаза: — во имя чего? Знайте же, я вырвалъ изъ рукъ ея письмо отъ любовника! Вотъ что дѣлается въ нашемъ домѣ! Вотъ что дѣлается подлѣ васъ! Вотъ чего вы не видали, не замѣтили!

Я едва устояла на мѣстѣ. Александра Михайловна поблѣднѣла какъ смерть.

— Этого не можетъ быть, — прошептала она едва слышнымъ голосомъ.

— Я видѣлъ это письмо, сударыня; оно было въ

рукахъ моихъ; я прочелъ первыя строки и не ошибся: письмо было отъ любовника. Она вырвала его у меня изъ рукъ. Оно теперь у нея, — это ясно, это такъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; а если вы еще сомнѣваетесь, то взгляните на нее и попробуйте потомъ надѣяться хоть на тѣнь сомнѣнія.

— Нѣточка! — закричала Александра Михайловна, бросаясь ко мнѣ, — но нѣтъ, не говори, не говори! Я не знаю, что это было... Боже мой, Боже мой!

И она зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Но нѣтъ! Этого быть не можетъ! — закричала она опять. — Вы ошиблись. Это... это я знаю что значитъ! — проговорила она, пристально смотря на мужа, — вы... я... не могла, ты меня не обманываешь, ты меня не можешь обманывать! Разскажи мнѣ все, все безъ утайки; онъ ошибся? Да, не правда ли, онъ ошибся? Онъ видѣлъ другое, онъ ослѣпленъ? Да, не правда ли? Не правда ли? Послушай: отчего же мнѣ не сказать всего, Аннета, дитя мое, родное дитя мое?

— Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе! — послышался надо мною голосъ Петра Александровича. — Отвѣчайте: видѣлъ или нѣтъ я письмо въ рукахъ вашихъ? ..

— Да! — отвѣчала я, задыхаясь отъ волненія.

— Это письмо отъ вашего любовника?

— Да! — отвѣчала я.

— Съ которымъ вы и теперь имѣете связь?

— Да, да, да! — говорила я, уже не помня себя, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, чтобъ добиться конца нашей мукѣ.

— Вы слышали ее. Ну, что вы теперь скажете? Повѣрьте, доброе, слишкомъ довѣрчивое сердце, —

прибавилъ онъ, взявъ руку жены, — повѣрьте мнѣ и разувѣрьтесь во всемъ, что породило больное воображеніе ваше. Вы видите теперь, кто такая эта... дѣвица. Я хотѣлъ только поставить невозможность рядомъ съ подозрѣніями вашими. Я давно все это замѣтилъ и радъ, что, наконецъ, изобличилъ ее передъ вами. Мнѣ было тяжело видѣть ее подлѣ васъ, въ вашихъ объятіяхъ, за однимъ столомъ вмѣстѣ съ нами, въ домѣ моемъ, наконецъ. Меня возмущала слѣпота ваша. Вотъ почему, и только поэтому, я обращалъ на нее вниманіе, слѣдилъ за нею; это-то вниманіе бросилось вамъ въ глаза, и, взявъ Богъ знаетъ какое подозрѣніе за исходную точку, вы Богъ знаетъ что заплели по этой канвѣ. Но теперь положеніе разрѣшено, кончено всякое сомнѣніе, и завтра же, сударыня, завтра же вы не будете въ домѣ моемъ! — кончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Остановитесь! — сказала Александра Михайловна, приподымаясь со стула. — Я не вѣрю всей этой сценѣ. Не смотрите на меня такъ страшно, не смѣйтесь надо мной. Я васъ же и призову на судъ моего мнѣнія. Аннета, дитя мое, подойди ко мнѣ, дай твою руку, такъ. Мы всѣ грѣшны! — сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ и со смиреніемъ взглянула на мужа, — и кто изъ насъ можетъ отвергнуть хоть чью-либо руку? Дай же мнѣ свою руку, Аннета, милое дитя мое; я не достойнѣе, не лучше тебя; ты не можешь оскорблять меня своимъ присутствіемъ, потому что я *тоже грѣшница.*

— Сударыня! — закричалъ Петръ Александровичъ въ изумленіи: — сударыня! Удержитесь! Не забывайте!..

— Я ничего не забываю. Не прерывайте же меня и дайте мнѣ досказать. Вы видѣли въ ея рукахъ письмо; вы даже читали его; вы говорите, и она... призналась, что это письмо отъ того, кого она любитъ. Но развѣ это доказываетъ, что она преступна? Развѣ это позволяетъ вамъ такъ обходиться съ нею, такъ обижать ее въ глазахъ жены вашей? Да, сударь, въ глазахъ жены вашей? Развѣ вы разсудили это дѣло? Развѣ вы знаете, какъ это было?

— Но мнѣ остается бѣжать, прощенія просить у нея. Этого ли вы хотѣли? — закричалъ Петръ Александровичъ: — я потерялъ терпѣніе, васъ слушая! Вы вспомните, о чемъ вы говорите! Знаете ли вы, о чемъ вы говорите? Знаете ли, что и *кого* вы защищаете? Но вѣдь я все насквозь вижу...

— И самаго перваго дѣла не видите, потому что гнѣвъ и гордость мѣшаютъ вамъ видѣть. Вы не видите того, что я защищаю и о чемъ хочу говорить. Я не порокъ защищаю. Но разсудили ли вы, — а вы ясно увидите, коли разсудите — разсудили ли вы, что, можетъ быть, — она какъ ребенокъ невинна! Да, я не защищаю порока! Я спѣшу оговориться, если это вамъ будетъ очень пріятно. Да; если бъ она была супруга, мать и забывала свои обязанности, о, тогда бы я согласилась съ вами... Видите, я оговорилась. Замѣтьте же это и не корите меня! Но если она получила это письмо, не вѣдая зла? Если она увлекалась неопытнымъ чувствомъ, и некому было удержать ее? Если я первая виноватѣе всѣхъ, потому что не услѣдила за сердцемъ ея? Если это письмо первое? Если вы оскорбили вашими грубыми подозрѣніями ея дѣвственное, благоуханное чувство? Если вы загряз-

нили ея воображеніе своими циническими толками объ этомъ письмѣ? Если вы не видали этого цѣломудреннаго, дѣвственнаго стыда, который сіяетъ на лицѣ ея, чистый, какъ невинность, который я вижу теперь, который я видѣла, когда она, потерянная, измученная, не зная что говорить и разрываясь отъ тоски, отвѣчала признаніемъ на всѣ ваши безчеловѣчные вопросы? Да, да! Это безчеловѣчно, это жестоко; я не узнаю васъ; я вамъ не прощу этого никогда, никогда!

— Да пощадите, пощадите меня! — закричала я, сжимая ее въ объятіяхъ. — Пощадите, вѣрьте, не отталкивайте меня . . .

Я упала передъ нею на колѣни.

— Если, наконецъ, — продолжала она задыхающимся голосомъ: — если бъ, наконецъ, не было меня подлѣ нея, и если бъ вы запугали ее словами своими, и если бъ бѣдная сама увѣрилась, что она виновата, если бъ вы смутили ея совѣсть, душу и разбили покой ея сердца . . . Боже мой! Вы хотѣли выгнать ее изъ дома! Но знаете ли, съ кѣмъ это дѣлаютъ? Вы знаете, что если ее выгонятъ, то выгоните насъ вмѣстѣ, насъ обѣихъ, — и меня тоже. Вы слышали меня, сударь?

Глаза ея сверкали; грудь волновалась; болѣзненное напряженіе ея дошло до послѣдняго кризиса . . .

— Такъ довольно же я слушалъ, сударыня! — закричалъ, наконецъ, Петръ Александровичъ, — довольно этого! Я знаю, что есть страсти платоническія — и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? На мою пагубу. Но не ужиться мнѣ, сударыня, съ озолоченнымъ порокомъ! Я не понимаю его. Прочь мишуру! И если вы чувствуете себя

виноватою, если знаете за собой что-нибудь (не мнѣ напоминать вамъ, сударыня), если вамъ нравится, наконецъ, мысль оставить мой домъ... то мнѣ остается только сказать, напомнить вамъ, что напрасно вы позабыли исполнить ваше намѣреніе, когда была настоящая пора, настоящее время, лѣтъ назадъ тому... если вы позабыли, то я вамъ напомню...

Я взглянула на Александру Михайловну. Она судорожно опиралась на меня, изнемогая отъ душевной скорби, полузакрывъ глаза, въ неистощимой мукѣ. Еще минута, и она готова была упасть.

— О, ради Бога, хоть въ этотъ разъ, пощадите ее! Не выговаривайте послѣдняго слова, — закричала я, бросаясь на колѣни передъ Петромъ Александровичемъ и забывъ, что измѣняла себѣ. Но было поздно. Слабый крикъ раздался въ отвѣтъ словамъ моимъ, и бѣдная упала безъ чувствъ на полъ.

— Конечно! Вы убили ее! — сказала я. — Зовите людей, спасайте ее! Я васъ жду, у васъ въ кабинетѣ. Мнѣ нужно съ вами говорить; я вамъ все разскажу...

— Но что? Но что?

— Послѣ!

Обморокъ и припадки продолжались два часа. Весь домъ былъ въ страхѣ. Докторъ сомнительно качалъ головою. Черезъ два часа я вошла въ кабинетъ Петра Александровича. Онъ только что воротился отъ жены и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая ногти въ кровь, блѣдный, разстроенный. Я никогда не видала его въ такомъ видѣ.

— Что же вамъ угодно сказать мнѣ? — проговорилъ онъ суровымъ грубымъ голосомъ. — Вы что-то хотѣли сказать?

— Вотъ письмо, которое вы перехватили у меня. Вы его узнаете?

— Да.

— Возьмите его.

Онъ взялъ письмо и поднесъ къ свѣту. Я внимательно слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро обернулъ на четвертую страницу и прочелъ подпись. Я видѣла, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Что это? — спросилъ онъ у меня, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Три года тому какъ я нашла это письмо въ одной книгѣ. Я догадалась, что оно было забыто, прочла его и — узнала все. Съ тѣхъ поръ оно оставалось при мнѣ, потому что мнѣ некому было отдать его. Ей я отдать его не могла. Вамъ? Но вы не могли не знать содержанія этого письма, а въ немъ вся эта грустная повѣсть... Для чего ваше притворство, — не знаю. Это, покамѣстъ, темно для меня. Я еще не могу ясно вникнуть въ вашу темную душу. Вы хотѣли удержать надъ ней первенство и удержали. Но для чего? Для того, чтобъ восторжествовать надъ призракомъ, надъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, для того, чтобъ доказать ей, что она заблуждалась, и что вы *безгрѣшнѣе* ея! И вы достигли цѣли, потому что это подозрѣніе ея — неподвижная идея угасающаго ума, можетъ быть, послѣдняя жалоба разбитаго сердца на несправедливость приговора людского, съ которымъ вы были заодно. «Что жъ за бѣда, что вы меня полюбили?» Вотъ что она говорила, вотъ что хотѣлось ей доказать вамъ. Ваше тщеславіе, вашъ ревнивый эгоизмъ были безжалостны. Прощайте! Объясненій не нужно! Но смотрите, я

васъ знаю всего, вижу насквозь, не забывайте же этого!

Я вошла въ свою комнату, едва помня, что со мной сдѣлалось. У дверей меня остановилъ Овровъ, помощникъ въ дѣлахъ Петра Александровича.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, — сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, — отвѣчала я, наконецъ, проходя мимо него.

— Итакъ, завтра, — сказалъ онъ откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Все это — какъ будто мелькнуло у меня передъ глазами.

Маленькій герой.

Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ.

Маленькій герой.

Было мнѣ тогда безъ малаго одиннадцать лѣтъ. Въ іюлѣ отпустили меня гостить въ подмосковную деревню, къ моему родственнику, Т—ву, къ которому въ то время съѣхалось человѣкъ пятьдесятъ, а можетъ быть и больше, гостей . . . не помню, не сосчиталъ. Было шумно и весело. Казалось, это былъ праздникъ, который съ тѣмъ и начался, чтобъ никогда не кончиться. Казалось, нашъ хозяинъ далъ себѣ слово какъ можно скорѣе промотать все свое огромное состояніе, и ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать все до тла, до чиста, до послѣдней щепки. Поминутно наѣзжали новые гости, Москва же была въ двухъ шагахъ, на виду, такъ что уѣзжавшіе уступали мѣсто другимъ, а праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Увеселенія смѣнялись одни другими, и затѣямъ конца не предвидѣлось. То верховая ѣзда по окрестностямъ, цѣлыми партіями, то прогулки въ боръ или по рѣкѣ: пикники, обѣды въ полѣ; ужины на большой террасѣ дома, обставленной тремя рядами драгоцѣнныхъ цвѣтовъ, заливавшихъ ароматами свѣжій ночной воздухъ, при блестящемъ освѣщеніи, отъ котораго наши дамы, и безъ того почти всѣ хорошенькія, казались еще прелестнѣе съ ихъ оду-

шевленными отъ дневныхъ впечатлѣній лицами, съ ихъ сверкавшими глазками, съ ихъ прекрасною рѣзвою рѣчью, переливавшеюся звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ; танцы, музыка, пѣніе; если хмурилось небо, сочинялись живыя картины, шарады, пословицы; устраивался домашній театръ. Явились краснобаи, разсказчики, бонмотисты.

Нѣсколько лицъ обрисовывалось на первомъ планѣ. Разумѣется, злословіе, сплетни шли своимъ чередомъ, такъ какъ безъ нихъ и свѣтъ не стоитъ и милліоны особъ перемерли бы отъ тоски, какъ мухи. Но такъ какъ мнѣ было одиннадцать лѣтъ, то я и не замѣчалъ тогда этихъ особъ, отвлеченный совсѣмъ другимъ, а если и замѣтилъ что, такъ не все. Послѣ уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая сторона картины могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ, — все это доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я въ первые дни совсѣмъ растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я все говорю про свои одиннадцать лѣтъ, и конечно, я былъ ребенокъ, не болѣе какъ ребенокъ. Многія изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, лаская меня, еще не думали справляться съ моими годами. Но, — странное дѣло! Какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣло мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему, но отчего оно, подчасъ, горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое. Порой мнѣ какъ-то стыдно и даже обидно было за разныя дѣтскія мои привилегіи. Другой разъ какъ будто удивленіе одолѣвало меня, и я уходилъ куда-нибудь,

гдѣ бы не могли меня видѣть, какъ будто для того, чтобъ перевести духъ и что-то припомнить, что-то такое, что до сихъ поръ, казалось мнѣ, я очень хорошо понималъ и про что теперь вдругъ позабылъ, но безъ чего, однакожъ, мнѣ никуда нельзя показаться и никакъ нельзя быть.

То, наконецъ, казалось мнѣ, что я что-то затаилъ отъ всѣхъ, но ни за что и никому не сказывалъ объ этомъ, затѣмъ что стыдно мнѣ, маленькому человѣку, до слезъ. Скоро среди вихря, меня окружавшаго, почувствовалъ я какое-то одиночество. Тутъ были и другія дѣти, но всѣ — или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ничего бъ и не случилось со мною, если бъ я не былъ въ исключительномъ положеніи. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ то же маленькое, неопредѣленное существо, которое онѣ подчасъ любили ласкать и съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой. Особенно одна изъ нихъ, очаровательная блондинка, съ пышными, густѣйшими волосами, какихъ я никогда потомъ не видѣлъ и вѣрно никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мнѣ покоя. Меня смущалъ, а ее веселилъ смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, который она поминутно вызывала своими взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслажденіе. Въ пансіонахъ, между подругами, ее навѣрное прозвали бы школьницей. Она была чудно хороша, и что-то было въ ея красотѣ, что такъ и металось въ глаза съ перваго взгляда. И, ужъ конечно, она непохожа была на тѣхъ маленькихъ стыдливенькихъ блондиночекъ, бѣленькихъ какъ пушокъ и нѣжныхъ какъ бѣлыя

мышки или пасторскія дочки. Ростомъ она была не высока и немного полна, но съ нѣжными, тонкими линіями лица, очаровательно нарисованными. Что-то какъ молнія сверкающее было въ этомъ лицѣ, да и вся она — какъ огонь, живая, быстрая, легкая. Изъ ея большихъ открытыхъ глазъ будто искры сыпались; они сверкали какъ алмазы, и никогда я не промѣняю такихъ голубыхъ, искрометныхъ глазъ ни на какіе черные, будь они чернѣе самаго чернаго андалузскаго взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспѣлъ одинъ извѣстный и прекрасный поэтъ, и который еще въ такихъ превосходныхъ стихахъ поклялся всей Кастиліи, что готовъ переломать себѣ кости, если позволятъ ему только кончикомъ пальца прикоснуться къ мантильѣ его красавицы. Прибавьте къ тому, что *моя* красавица была самая веселая изъ всѣхъ красавицъ въ мірѣ, самая взбалмошная хохотунья, рѣзвая, какъ ребенокъ, несмотря на то, что лѣтъ пять какъ была уже замужемъ. Смѣхъ не сходилъ съ ея губъ, свѣжихъ, какъ свѣжа утренняя роза, только что успѣвшая раскрыть, съ первымъ лучомъ солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодныя, крупныя капли росы.

Помню, что на второй день моего пріѣзда былъ устроенъ домашній театръ. Зала была, какъ говорится, набита биткомъ; не было ни одного мѣста свободнаго; а такъ какъ мнѣ привелось почему-то опоздать, то я и принужденъ былъ наслаждаться спектаклемъ стоя. Но веселая игра все болѣе и болѣе тянула меня впередъ, и я незамѣтно пробрался до самыхъ первыхъ рядовъ, гдѣ и сталъ, наконецъ, облокотясь на спинку креселъ, въ которыхъ

сидѣла одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вотъ, какъ-то невзначай, засмотрѣлся я на ея чудно-округленныя, соблазнительныя плечи, полныя, бѣлыя, какъ молочный кипень, хотя мнѣ рѣшительно все равно было смотрѣть: на чудесныя женскія плечи, или на чепецъ съ огненными лентами, скрывавшій сѣдины одной почтенной дамы въ первомъ ряду. Возлѣ блондинки сидѣла перезрѣлая дѣва, одна изъ тѣхъ, которыя, какъ случалось мнѣ потомъ замѣчать, вѣчно ютятся гдѣ-нибудь, какъ можно поближе къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, выбирая такихъ, которыя не любятъ гонять отъ себя молодежь. Но не въ томъ дѣло; только эта дѣва подмѣтила мои наблюденія, нагнулась къ сосѣдкѣ и, хихикая, шептала ей что-то на ухо. Сосѣдка вдругъ обернулась и, помню, что огневые глаза ея такъ сверкнули на меня въ полусумракѣ, что я, не приготовленный къ встрѣчѣ, вздрогнулъ, какъ будто обжогшись. Красавица улыбнулась.

— Нравится вамъ, что играютъ?—спросила она, лукаво и насмѣшливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да, — отвѣчалъ я, все еще смотря на нее въ какомъ-то удивленіи, которое ей, въ свою очередь, видимо нравилось.

— А зачѣмъ же вы стоите? Такъ — устанете, развѣ вамъ мѣста нѣтъ?

— То-то и есть, что нѣтъ, — отвѣчалъ я, на этотъ разъ болѣе занятый заботой, чѣмъ искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось, наконецъ, доброе сердце, которому можно открыть свое горе. — Я ужъ искалъ, но всѣ стулья заняты, — прибавилъ я, какъ будто жалуясь ей на то, что всѣ стулья заняты.

— Ступайте сюда, — живо заговорила она, скорая на всѣ рѣшенія такъ же, какъ и на всякую сумасбродную идею, какая бы ни мелькнула въ взбалмошной ея головѣ; — ступай сюда, ко мнѣ, и садись мнѣ на колѣни.

— На колѣни? . . — повторилъ я, озадаченный.

Я уже сказалъ, что мои привилегіи серьезно начали меня обижать и совѣстить. Эта, будто на смѣхъ, не въ примѣръ другимъ далеко заходила. Къ тому же я, и безъ того всегда робкій и стыдливый мальчикъ, теперь какъ-то особенно началъ робѣть передъ женщинами, и потому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колѣни! Отчего же ты не хочешь сѣсть ко мнѣ на колѣни? — настаивала она, начиная смѣяться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, просто принялась хохотать, Богъ знаетъ чему, можетъ быть, своей же выдумкѣ, или обрадовавшись, что я такъ сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснѣлъ и, въ смущеніи, осматривался кругомъ, пріискивая — куда бы уйти; но она уже предупредила меня, какъ-то успѣвъ поймать мою руку, именно для того, чтобъ я не ушелъ, и, притянувъ ее къ себѣ, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, къ величайшему моему удивленію, пребольно сжала ее въ своихъ шаловливыхъ, горячихъ пальчикахъ и начала ломать мои пальцы, но такъ больно, что я напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не закричать, и при этомъ дѣлалъ пресмѣшныя гримасы. Кромѣ того, я былъ въ ужаснѣйшемъ удивленіи, недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчиками про такіе пустяки, да еще больно такъ щиплются, Богъ знаетъ за что и при всѣхъ. Вѣроятно, мое несчаст-

ное лицо отражало всѣ мои недоумѣнія, потому что шалунья хохотала мнѣ въ глаза, какъ безумная, а между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе щипала и ломала мои бѣдные пальцы. Она была внѣ себя отъ восторга, что удалось-таки нашкольничать, сконфузить бѣднаго мальчика и замистифицировать его въ прахъ. Положеніе мое было отчаянное. Во-первыхъ, я горѣлъ отъ стыда, потому что почти всѣ кругомъ насъ оборотились къ намъ, одни въ недоумѣніи, другіе со смѣхомъ, сразу понявъ, что красавица что-нибудь напроказила. Кромѣ того, мнѣ страхъ какъ хотѣлось кричать, потому что она ломала мои пальцы съ какимъ-то ожесточеніемъ, именно за то, что я не кричу; а я, какъ спартанецъ, рѣшился выдерживать боль, боясь надѣлать крикомъ суматоху, послѣ которой, ужъ не знаю, что бы сталось со мною. Въ припадкѣ совершеннаго отчаянія, началъ я, наконецъ, борьбу и принялся изъ всѣхъ силъ тянуть къ себѣ свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо сильнѣе. Наконецъ, я не выдержалъ, вскрикнулъ, — того только и ждала! Мигомъ она бросила меня и отвернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто и не она напроказила, а кто другой, ну точь-въ-точь какой-нибудь школьникъ, который, чуть отвернулся учитель, уже успѣлъ напроказить гдѣ-нибудь по сосѣдству, щипнуть какого-нибудь крошечнаго слабосильнаго мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигомъ опять повернуться, поправиться, уткнувшись въ книгу, начать долбить свой урокъ и, такимъ образомъ, оставить разгнѣваннаго господина учителя, бросившагося, подобно ястребу, на шумъ, — съ предлинннымъ и неожиданнымъ носомъ.

Но, къ моему счастью, общее вниманіе увлечено было въ эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который исполнялъ въ игравшейся пьесѣ, какой-то скрибовской комедіи, главную роль. Всѣ зааплодировали; я, подъ шумокъ, скользнулъ изъ ряда и забѣжалъ на самый конецъ залы, въ противоположный уголъ, откуда, притаясь за колонной, съ ужасомъ смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣла коварная красавица. Она все еще хохотала, закрывъ платкомъ свои губки. И долго еще она оборачивалась назадъ, выглядывая меня по всѣмъ угламъ, вѣроятно, очень жалѣла, что такъ скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, какъ бы еще что-нибудь напроказить.

Этимъ началось наше знакомство, и съ этого вечера она уже не оставляла меня ни на шагъ. Она преслѣдовала меня безъ мѣры и совѣсти, сдѣлалась гонительницей, тиранкой моей. Весь комизмъ ея продѣлокъ со мной заключался въ томъ, что она сказалась влюбленной въ меня по уши и рѣзала меня при всѣхъ. Разумѣется, мнѣ, прямому дикарю, все это до слезъ было тяжело и досадно, такъ что я уже нѣсколько разъ былъ въ такомъ серьезномъ и критическомъ положеніи, что готовъ былъ подраться съ моей коварной обожательницей. Мое наивное смущеніе, моя отчаянная тоска какъ будто окрыляли ее преслѣдовать меня до конца. Она не знала жалости, а я не зналъ — куда отъ нея дѣваться. Смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, и который она умѣла-таки вызвать, только поджигалъ ее на новыя шалости. Но стали, наконецъ, находить ея шутки немного слишкомъ далекими. Да и вправду, какъ пришлось теперь вспомнить, она уже черезчуръ позволяла себѣ съ такимъ ребенкомъ, какъ я.

Но ужъ такой былъ характеръ; была она, по всей формѣ, баловница. Я слышалъ потомъ, что избаловалъ ее всего болѣе ея же собственный мужъ. очень толстенькій, очень невысокій и очень красный человѣкъ, очень богатый и очень дѣловой, по крайней мѣрѣ, съ виду; вертлявый, хлопотливый, онъ двухъ часовъ не могъ прожить на одномъ мѣстѣ. Каждый день ѣздилъ онъ отъ насъ въ Москву, иногда по два раза, и все, какъ самъ увѣрялъ, по дѣламъ. Веселѣе и добродушнѣе этой комической и, между тѣмъ, всегда порядочной физіономіи трудно было сыскать. Онъ мало того что любилъ жену до слабости, до жалости, — онъ просто поклонялся ей, какъ идолу.

Онъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Друзей и подругъ у ней было множество. Во-первыхъ, ее мало кто не любилъ, а во-вторыхъ, — вѣтренница и сама была не слишкомъ разборчива въ выборѣ друзей своихъ, хотя въ основѣ ея характера было гораздо болѣе серьезнаго, чѣмъ сколько можно предположить, судя по тому, что я теперь разсказалъ. Но изъ всѣхъ подругъ своихъ она всѣхъ больше любила и отличала одну молодую даму, свою дальнюю родственницу, которая теперь тоже была въ нашемъ обществѣ. Между ними была какая-то нѣжная, утонченная связь, одна изъ тѣхъ связей, которыя зарождаются иногда при встрѣчѣ двухъ характеровъ, часто совершенно противоположныхъ другъ другу, но изъ которыхъ одинъ и строже, и глубже, и чище другого, тогда какъ другой, съ высокимъ смиреніемъ и съ благороднымъ чувствомъ самооцѣнки, любовно подчиняется ему, почувствовавъ все превосходство его надъ собою, и, какъ счастье, заключаетъ въ сердцѣ своемъ его дружбу. Тогда-

то начинается эта нѣжная и благородная утонченность въ отношеніяхъ такихъ характеровъ: любовь и снисхожденіе до конца съ одной стороны, любовь и уваженіе съ другой, — уваженіе, доходящее до какого-то страха, до боязни за себя въ глазахъ того, кѣмъ такъ высоко дорожишь, и до ревниваго, жаднаго желанія съ каждымъ шагомъ въ жизни все ближе и ближе подходитъ къ его сердцу. Обѣ подруги были однихъ лѣтъ, но между ними была неизмѣримая разница во всемъ, начиная съ красоты. M-me M* была тоже очень хороша собой, но въ красотѣ ея было что-то особенное, рѣзко отдѣлявшее ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ; было что-то въ лицѣ ея, что тотчасъ же неотразимо влекло къ себѣ всѣ симпатіи, или, лучше сказать, что пробуждало благородную, возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее. Есть такія счастливыя лица. Возлѣ нея всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однакожъ, ея грустные, большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминутнымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго, и эта странная робость такимъ унынiемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты, напоминавшія свѣтлыя лица италіанскихъ мадоннъ, что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль. Это блѣдное, похудѣвшее лицо, въ которомъ, сквозь безукоризненную красоту чистыхъ, правильныхъ линій и унылую суровость глухой, затаенной тоски, еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски-ясный обликъ, — образъ еще недавнихъ довѣрчивыхъ лѣтъ и, можетъ быть, наивнаго счастья; эта тихая, но несмѣлая, колебавшаяся

улыбка, — все это поражало такимъ безотчетнымъ участіемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждаго невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали и еще вчужѣ роднила съ нею. Но красавица казалась какъ-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа болѣе внимательнаго и любящаго, когда кому-нибудь надобилось сочувствіе. Есть женщины, которыя точно сестры милосердія въ жизни. Передъ ними можно ничего не скрывать, по крайней мѣрѣ ничего, что есть больного и уязвленнаго въ душѣ. Кто страждетъ, тотъ смѣло и съ надеждой иди къ нимъ и не бойся быть въ тягость, затѣмъ что рѣдкій изъ насъ знаетъ, насколько можетъ быть безконечно-терпѣливой любви, состраданія и всепрощенія въ иномъ женскомъ сердцѣ. Цѣлыя сокровища симпатіи, утѣшенія, надежды хранятся въ этихъ чистыхъ сердцахъ, такъ часто тоже уязвленныхъ, потому что сердце, которое много любитъ, много груститъ, но гдѣ рана бережливо закрыта отъ любопытнаго взгляда, затѣмъ что глубокое горе всего чаще молчитъ и таится. Ихъ же не испугаетъ ни глубина раны, ни гной ея, ни смрадъ ея: кто къ нимъ подходитъ, тотъ ужъ ихъ достоинъ; да онѣ, впрочемъ, какъ будто и родятся на подвигъ . . . M-me M* была высока ростомъ, гибка и стройна, но нѣсколько тонка. Всѣ движенія ея были какъ-то неровны, то медленны, плавны и даже какъ-то важны, то дѣтски скоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то робкое смиреніе проглядывало въ ея жестѣ, что-то какъ будто трепещущее и незащищенное, но никого не просившее и не молившее о защитѣ.

Я уже сказалъ, что непохвальныя притязанія

коварной блондинки стыдили меня, рѣзали меня, язвили меня до крови. Но этому была еще причина тайная, странная, глупая, которую я таилъ, за которую дрожалъ, какъ кащей, и даже при одной мысли о ней, одинъ на одинъ съ опрокинутой моей головою, гдѣ-нибудь въ таинственномъ, темномъ углу, куда не досягалъ инквизиторскій, насмѣшливый взглядъ никакой голубоокой плутовки, при одной мысли объ этомъ предметѣ я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни, — словомъ, я былъ влюбленъ, то есть, положимъ, что я сказалъ вздоръ: этого быть не могло; но отчего же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ, только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ? Отчего только за нею я любилъ слѣдить взглядомъ, хотя мнѣ рѣшительно не до того было тогда, чтобъ выглядывать дамъ и знакомиться съ ними? Случалось это всего чаще по вечерамъ, когда ненастье запирало всѣхъ въ комнаты и когда я, одиноко притаясь гдѣ-нибудь въ углу залы, безпредметно глазѣлъ по сторонамъ, рѣшительно не находя никакого другого занятія, потому что со мной, исключая моихъ гонительницъ, рѣдко кто говорилъ, и было мнѣ въ такіе вечера нестерпимо скучно. Тогда всматривался я въ окружавшія меня лица, вслушивался въ разговоръ, въ которомъ часто не понималъ ни слова, и вотъ это-то время тихіе взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо m-me M* (потому что это была она) Богъ знаетъ почему уловлялись моимъ зачарованнымъ вниманіемъ, и ужъ не изглаживалось это странное, неопредѣленное, но непостижимо-сладкое впечатлѣніе мое. Часто по цѣлымъ часамъ я какъ будто ужъ и не могъ отъ нея оторваться; я заучилъ каждый жестъ, каждое движеніе ея, вслушался въ

каждую вибрацію густого, серебристаго, но нѣсколько заглушеннаго голоса, — и, странное дѣло! Изъ всѣхъ наблюденій своихъ вынесъ вмѣстѣ съ робкимъ и сладкимъ впечатлѣніемъ какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, какъ будто я допытывался какой-нибудь тайны...

Всего мучительнѣе для меня были насмѣшки въ присутствіи m-me M*. Эти насмѣшки и комическія гоненія, по моимъ понятіямъ, даже унижали меня. И когда, случалось, раздавался общій смѣхъ на мой счетъ, въ которомъ даже m-me M* иногда невольно принимала участіе, тогда я, въ отчаяніи, внѣ себя отъ горя, вырывался отъ своихъ тиранокъ и убѣгалъ наверхъ, гдѣ и дичалъ остальную часть дня, не смѣя показать своего лица въ залѣ. Впрочемъ, я и самъ еще не понималъ ни своего стыда, ни волненія; весь процессъ переживался во мнѣ безсознательно. Съ m-me M* я почти не сказалъ еще и двухъ словъ, да и, конечно, не рѣшился бы на это. Но вотъ, однажды вечеромъ, послѣ несноснѣйшаго для меня дня, отсталъ я отъ другихъ на прогулкѣ, ужасно усталъ и пробирался домой черезъ садъ. На одной скамьѣ, въ уединенной аллеѣ, увидѣлъ я m-me M*. Она сидѣла одна одинехонька, какъ будто нарочно выбравъ такое уединенное мѣсто, склонивъ голову на грудь и машинально перебирая въ рукахъ платокъ. Она была въ такой задумчивости, что и не слыхала, какъ я съ ней поровнялся.

Замѣтивъ меня, она быстро поднялась со скамьи, отвернулась и, я увидѣлъ, наскоро отерла глаза платкомъ. Она плакала. Осушивъ глаза, она улыбнулась мнѣ и пошла вмѣстѣ со мной домой. Ужъ не помню, о чемъ мы съ ней говорили; но она поминутно отсылала меня, подъ разными предло-

гами: то просила сорвать ей цвѣтокъ, то посмотрѣть, кто ѣдетъ верхомъ по сосѣдней аллеѣ. И когда я отходилъ отъ нея, она тотчасъ же опять подносила платокъ къ глазамъ своимъ и утирала непослушныя слезы, которыя никакъ не хотѣли покинуть ее, все вновь и вновь накипали въ сердцѣ и все лились изъ ея бѣдныхъ глазъ. Я понималъ, что, видно, я ей очень въ тягость, когда она такъ часто меня отсылаетъ, да и сама она уже видѣла, что я все замѣтилъ, но только не могла удержаться, и это меня еще болѣе за нее надрывало. Я злился на себя въ эту минуту почти до отчаянія, проклиналъ себя за неловкость и ненаходчивость, и все-таки не зналъ, какъ ловче отстать отъ нея, не выказавъ, что замѣтилъ ея горе, но шелъ рядомъ съ нею, въ грустномъ изумленіи, даже въ испугѣ, совсѣмъ растерявшись и рѣшительно не находя ни одного слова для поддержки оскудѣвшаго нашего разговора.

Эта встрѣча такъ поразила меня, что я весь вечеръ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ потихоньку за m-me M* и не спускалъ съ нея глазъ. Но случилось такъ, что она два раза застала меня врасплохъ, среди моихъ наблюденій, и во второй разъ, замѣтивъ меня, улыбнулась. Это была ея единственная улыбка за весь вечеръ. Грусть еще не сходила съ лица ея, которое было теперь очень блѣдно. Все время она тихо разговаривала съ одной пожилой дамой, злой и сварливой старухой, которой никто не любилъ за шпіонство и сплетни, но которой всѣ боялись, а потому и принуждены были всячески угождать ей, волей-неволей . . .

Часовъ въ десять пріѣхалъ мужъ m-me M*. До сихъ поръ я наблюдалъ за ней очень пристально, не

отрывая глазъ отъ ея грустнаго лица; теперь же, при неожиданномъ входѣ мужа, я видѣлъ, какъ она вся вздрогнула, и лицо ея, и безъ того уже блѣдное, сдѣлалось вдругъ бѣлѣе платка. Это было такъ примѣтно, что и другіе замѣтили: я разслышалъ въ сторонѣ отрывочный разговоръ, изъ котораго кое-какъ догадался, что бѣдной m-me M* не совсѣмъ хорошо. Говорили, что мужъ ея ревнивъ какъ арапъ, не изъ любви, а изъ самолюбія. Прежде всего это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ образчиками новыхъ идей и тщеславящійся своими идеями. Съ виду это былъ черноволосый, высокій и особенно плотный господинъ, съ европейскими бакенбардами, съ самодовольнымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми, какъ сахаръ, зубами и съ безукоризненной джентльменской осанкой. Называли его *умнымъ человѣкомъ*. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать и у которой, отъ вѣчной лѣности и ничегонедѣланія, вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя «утомляютъ ихъ геній», и что на нихъ поэтому «грустно смотрѣть». Это ужъ у нихъ такая пышная фраза, ихъ mot d'ordre, ихъ пароль и лозунгъ, фраза, которую мои сытые толстяки расточаютъ вездѣ поминутно, что̀ уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никогда не могущихъ найти что имъ дѣлать, — чего, впрочемъ, никогда и не искали они, — именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ ду-

мали, что у нихъ вмѣсто сердца не жиръ, а напротивъ, говоря вообще, что-то *очень глубокое,* но что именно — объ этомъ не сказалъ бы ничего самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтѣ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близорукое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и затверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровнешенько на столько, сколько дано его въ удѣлъ устрицѣ, то имъ и не трудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно. Этимъ они чрезмѣрно тщеславятся. Они, напримѣръ, почти увѣрены, что у нихъ чуть ли не весь міръ въ оброкѣ; что онъ у нихъ какъ устрица, которую они берутъ про запасъ; что всѣ, кромѣ ихъ, дураки; что всякъ похожъ на апельсинъ или на губку, которую они нѣтъ-нѣтъ да и выжмутъ, пока сокъ надобится; что они всему хозяева, и что весь этотъ похвальный порядокъ вещей происходитъ именно оттого, что они такіе умные и характерные люди. Въ своей безмѣрной гордости, они не допускаютъ въ себѣ недостатковъ. Они похожи на ту породу житейскихъ плутовъ, прирожденныхъ Тартюфовъ и Фальстафовъ, которые до того заплутовались, что, наконецъ, и сами увѣрились, что такъ и должно тому быть, то есть, чтобъ жить имъ да плутовать; до чего часто увѣряли всѣхъ, что они честные люди, что, наконецъ, и сами увѣрились, будто они дѣйствительно честные люди, и что ихъ плутовство-то и есть честное дѣло. Для совѣстнаго внутренняго суда, для благородной самооцѣнки ихъ никогда не хватитъ; для иныхъ ве-

щей они слишкомъ толсты. На первомъ планѣ у нихъ всегда и во всемъ ихъ собственная золотая особа, ихъ Молохъ и Ваалъ, ихъ великолѣпное *я*. Вся природа, весь міръ для нихъ не болѣе какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ безпрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и не мудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ такомъ безобразномъ видѣ. На все у него припасена готовая фраза и — что, однакожъ, верхъ ловкости съ ихъ стороны — самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой почуютъ успѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ, что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно же запасаются они своими фразами на изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ человѣчеству, на опредѣленіе, что такое самая правильная и оправданная разсудкомъ филантропія, и наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то есть зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы. Но грубо не узнаютъ они истины въ уклоненной, переходной и неготовой формѣ, и отталкиваютъ все, что еще не поспѣло, не устоялось и бродитъ. Упитанный человѣкъ всю жизнь прожилъ навеселѣ, на всемъ готовомъ, самъ ничего не сдѣлалъ и не знаетъ, какъ трудно всякое дѣло дѣлается, а потому бѣда какой-нибудь шероховатостью задѣть его жирныя чувства: за это онъ никогда не проститъ, всегда припомнитъ и отомститъ съ наслажденіемъ. Итогъ всему выйдетъ, что мой герой есть, не бо-

лѣе — не менѣе, какъ исполинскій, до нельзя раздутый мѣшокъ, полный сентенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всѣхъ родовъ и сортовъ.

Но, впрочемъ, m-r M* имѣлъ и особенность, былъ человѣкъ примѣчательный: это былъ острякъ, говорунъ и разсказчикъ, и въ гостиныхъ кругомъ него всегда собирался кружокъ. Въ тотъ вечеръ особенно ему удалось произвесть впечатлѣніе. Онъ овладѣлъ разговоромъ; онъ былъ въ ударѣ, веселъ, чему-то радъ и заставилъ-таки всѣхъ глядѣть на себя. Но m-me M* все время была какъ больная, лицо ея было такое грустное, что мнѣ поминутно казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ задрожатъ на ея длинныхъ рѣсницахъ давешнія слезы. Все это, какъ я сказалъ, поразило и удивило меня чрезвычайно. Я ушелъ съ чувствомъ какого-то страннаго любопытства, и всю ночь снился мнѣ m-r M*, тогда какъ до тѣхъ поръ я рѣдко видывалъ безобразные сны.

На другой день, рано поутру, позвали меня на репетицію живыхъ картинъ, въ которыхъ и у меня была роль. Живыя картины, театръ и потомъ балъ, — все въ одинъ вечеръ, назначались не далѣе какъ дней черезъ пять, по случаю домашняго праздника, — дня рожденія младшей дочери нашего хозяина. На праздникъ этотъ, почти импровизированный, приглашены были изъ Москвы и изъ окрестныхъ дачъ еще человѣкъ сто гостей, такъ что много было и возни, и хлопотъ, и суматохи. Репетиціи, или, лучше сказать, смотръ костюмовъ, назначены были не вѣ-время, поутру, потому что нашъ режиссеръ, извѣстный художникъ P*, пріятель и гость нашего хозяина, по дружбѣ къ нему согласившійся взять на себя сочиненіе и постановку картинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу выучку, спѣ-

шилъ теперь въ городъ для закупокъ по бутафорской части и для окончательныхъ заготовленій къ празднику, такъ что времени терять было некогда. Я участвовалъ въ одной картинѣ, вдвоемъ съ m-me M*. Картина выражала сцену изъ средневѣковой жизни и называлась: «Госпожа замка и ея пажъ».

Я почувствовалъ неизъяснимое смущеніе, сошедшись съ m-me M* на репетиціи. Мнѣ такъ и казалось, что она тотчасъ же вычитаетъ изъ глазъ моихъ всѣ думы, сомнѣнія, догадки, зародившіяся со вчерашняго дня въ головѣ моей. Къ тому же мнѣ все казалось, что я какъ будто бы виноватъ предъ нею, заставъ вчера ея слезы и помѣшавъ ея горю, такъ что она поневолѣ должна будетъ коситься на меня, какъ на непріятнаго свидѣтеля и непрошеннаго участника ея тайны. Но, слава Богу, дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ: меня просто не замѣтили. Ей, кажется, было вовсе не до меня и не до репетиціи: она была разсѣяна, грустна и мрачно-задумчива; видно было, что ее мучила какая-то большая забота. Покончивъ съ моею ролью, я побѣжалъ переодѣться и черезъ десять минутъ вышелъ на террасу въ садъ. Почти въ то же время изъ другихъ дверей вышла и m-me M*, и, какъ разъ намъ напротивъ, появился самодовольный супругъ ея, который возвращался изъ сада, только что проводивъ туда цѣлую группу дамъ и тамъ успѣвъ сдать ихъ, съ рукъ на руки, какому-то досужему cavalier servant. Встрѣча мужа и жены, очевидно, была неожиданна. M-me M*, неизвѣстно почему-то, вдругъ смутилась, и легкая досада промелькнула въ ея нетерпѣливомъ движеніи. Супругъ, безпечно насвистывавшій арію и во всю дорогу глубокомысленно

охорашивавшій свои бакенбарды, теперь, при встрѣчѣ съ женою, нахмурился и оглядѣлъ ее, какъ припоминаю теперь, рѣшительно инквизиторскимъ взглядомъ.

— Вы въ садъ? — спросилъ онъ, замѣтивъ омбрельку и книгу въ рукахъ жены.

— Нѣтъ, въ рощу, — отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

— Однѣ?

— Съ нимъ . . . — проговорила m-me M*, указавъ на меня. — Я гуляю поутру одна, — прибавила она какимъ-то неровнымъ, неопредѣленнымъ голосомъ, точно такимъ, когда лгутъ первый разъ въ жизни.

— Гм . . . А я только что проводилъ туда цѣлую компанію. Тамъ всѣ собираются у цвѣточной бесѣдки, провожать H—го. Онъ ѣдетъ, вы знаете . . . У него какая-то бѣда случилась тамъ, въ Одессѣ . . . Ваша кузина (онъ говорилъ о блондинкѣ) и смѣется, и чуть не плачетъ, все разомъ, не разберешь ее. Она мнѣ, впрочемъ, сказала, что вы за что-то сердиты на H—го и потому не пошли его провожать. Конечно, вздоръ?

— Она смѣется, — отвѣчала m-me M*, сходя со ступенекъ террасы.

— Такъ это вашъ каждодневный cavalier servant? — прибавилъ m-r M*, скрививъ ротъ и наводя на меня свой лорнетъ.

— Пажъ! — закричалъ я, разсердившись за лорнетъ и насмѣшку, и, захохотавъ ему прямо въ лицо, разомъ перепрыгнулъ три ступеньки террасы . . .

— Счастливый путь! — пробормоталъ m-r M* и пошелъ своею дорогой.

Конечно, я тотчасъ же подошелъ къ m-me M*, какъ только она указала на меня мужу, и глядѣлъ такъ, какъ будто она меня уже цѣлый часъ назадъ пригласила, и какъ будто я уже цѣлый мѣсяцъ ходилъ съ ней гулять по утрамъ. Но я никакъ не могъ разобрать: зачѣмъ она такъ смутилась, сконфузилась, и что такое было у ней на умѣ, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ своей маленькой лжи? Зачѣмъ она просто не сказала, что идетъ одна? Теперь я не зналъ какъ и глядѣть на нее; но, пораженный удивленіемъ, я, однакожъ, пренаивно началъ помаленьку заглядывать ей въ лицо; но такъ же, какъ и часъ назадъ, на репетиціи, она не примѣчала ни подглядываній, ни нѣмыхъ вопросовъ моихъ. Все та же мучительная забота, но еще явственнѣе, еще глубже, чѣмъ тогда, отражалась въ ея лицѣ, въ ея волненіи, въ походкѣ. Она спѣшила куда-то, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ, и съ безпокойствомъ заглядывала въ каждую аллею, въ каждую просѣку рощи, оборачиваясь къ сторонѣ сада. И я тоже ожидалъ чего-то. Вдругъ за нами раздался лошадиный топотъ. Это была цѣлая кавалькада наѣздницъ и всадниковъ, провожавшихъ того Н—го, который такъ внезапно покидалъ наше общество.

Между дамами была и моя блондинка, про которую говорилъ m-r M*, разсказывая о слезахъ ея. Но, по своему обыкновенію, она хохотала какъ ребенокъ, и рѣзво скакала на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. Поравнявшись съ нами, Н—й снялъ шляпу, но не остановился и не сказалъ съ m-me M* ни слова. Скоро вся ватага исчезла изъ глазъ. Я взглянулъ на m-me M* и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: она стояла блѣдная, какъ платокъ, и крупныя

слезы пробивались изъ глазъ ея. Случайно наши взгляды встрѣтились: m-me M* вдругъ покраснѣла, на мигъ отвернулась, и безпокойство и досада ясно замелькали на лицѣ ея. Я былъ лишній, хуже чѣмъ вчера, — это яснѣе дня, но куда мнѣ дѣваться?

Вдругъ m-me M*, какъ будто догадавшись, развернула книгу, которая была у нея въ рукахъ, и, краснѣвшись, очевидно, стараясь не смотрѣть на меня, сказала, какъ будто сейчасъ только спохватилась:

— Ахъ! Это вторая часть, я ошиблась; пожалуйста принеси мнѣ первую.

Какъ не понять! Моя роль кончилась, и нельзя было прогнать меня по болѣе прямой дорогѣ.

Я убѣжалъ съ ея книгой и не возвращался. Первая часть преспокойно пролежала на столѣ это утро . . .

Но я былъ самъ не свой; у меня билось сердце, какъ будто въ безпрерывномъ испугѣ. Всѣми силами старался я какъ-нибудь не повстрѣчать m-me M*. Зато я съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ глядѣлъ на самодовольную особу m-r M*, какъ будто въ немъ теперь непремѣнно должно было быть что-то особенное. Рѣшительно не понимаю, что было въ этомъ комическомъ любопытствѣ моемъ; помню только, что я былъ въ какомъ-то странномъ удивленіи отъ всего, что привелось мнѣ увидѣть въ это утро. Но мой день только что начинался, и для меня онъ былъ обиленъ происшествіями.

Обѣдали на этотъ разъ очень рано. Къ вечеру назначена была общая увеселительная поѣздка въ сосѣднее село, на случившійся тамъ деревенскій праздникъ, и потому нужно было время, чтобъ приготовиться. Я ужъ за три дня мечталъ объ этой

поѣздкѣ, ожидая бездну веселья. Пить кофе почти всѣ собрались на террасѣ. Я осторожно пробрался за другими и спрятался за тройнымъ рядомъ креселъ. Меня влекло любопытство, и между тѣмъ я ни за что не хотѣлъ показаться на глаза m-me M*. Но случаю угодно было помѣстить меня недалеко отъ моей гонительницы-блондинки. На этотъ разъ съ ней приключилось чудо, невозможное дѣло: она вдвое похорошѣла. Ужъ не знаю, какъ и отчего это дѣлается, но съ женщинами такія чудеса бываютъ даже нерѣдко. Межъ нами въ эту минуту былъ новый гость, высокій, блѣднолицый молодой человѣкъ, записной поклонникъ нашей блондинки, только пріѣхавшій къ намъ изъ Москвы, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ замѣнить собой отбывшаго Н—го, про котораго шла молва, что онъ отчаянно влюбленъ въ нашу красавицу. Что жъ касается пріѣзжаго, то онъ ужъ издавна былъ съ нею въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ Бенедиктъ къ Беатриче въ Шекспировскомъ: «Много шума изъ пустяковъ». Короче, наша красавица въ этотъ день была въ чрезвычайномъ успѣхѣ. Ея шутки и болтовня были такъ граціозны, такъ довѣрчиво-наивны, такъ простительно-неосторожны; она съ такою граціозною самонадѣянностью была увѣрена во всеобщемъ восторгѣ, что дѣйствительно все время была въ какомъ-то особенномъ поклоненіи. Вокругъ нея не разрывался тѣсный кружокъ удивленныхъ, залюбовавшихся на нее слушателей, и никогда еще не была она такъ обольстительна. Всякое слово ея было въ соблазнъ и въ диковинку, ловилось, передавалось въ круговую, и ни одна шутка ея, ни одна выходка не пропала даромъ. Отъ нея, кажется, и не ожидалъ никто столько вкуса,

блеска, ума. Всѣ лучшія качества ея повседневно были погребены въ самомъ своевольномъ сумасбродствѣ, въ самомъ упрямомъ школьничествѣ, доходившемъ чуть ли не до шутовства; ихъ рѣдко кто замѣчалъ; а если замѣчалъ, такъ не вѣрилъ имъ, такъ что теперь необыкновенный успѣхъ ея встрѣченъ былъ всеобщимъ страстнымъ шепотомъ изумленія.

Впрочемъ, этому успѣху содѣйствовало одно особенное, довольно щекотливое обстоятельство, по крайней мѣрѣ, судя по той роли, которую игралъ въ то же время мужъ m-me M*. Проказница рѣшилась, — и, нужно прибавить: почти ко всеобщему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, къ удовольствію всей молодежи, — ожесточенно атаковать его, вслѣдствіе многихъ причинъ, вѣроятно, очень важныхъ на ея глаза. Она завела съ нимъ цѣлую перестрѣлку остротъ, насмѣшекъ, сарказмовъ самыхъ неотразимыхъ и скользкихъ, самыхъ коварныхъ, замкнутыхъ и гладкихъ со всѣхъ сторонъ, такихъ, которые бьютъ прямо въ цѣль, но къ которымъ ни съ одной стороны нельзя прицѣпиться для отпора и которые только истощаютъ въ безплодныхъ усиліяхъ жертву, доводя ее до бѣшенства и до самаго комическаго отчаянія.

Навѣрно не знаю, но, кажется, вся эта выходка была преднамѣренная, а не импровизированная. Еще за обѣдомъ начался этотъ отчаянный поединокъ. Я говорю «отчаянный», потому что m-r M* не скоро положилъ оружіе. Ему нужно было собрать все присутствіе духа, все остроуміе, всю рѣдкую находчивость, чтобъ не быть разбитымъ въ прахъ, на голову и не покрыться рѣшительнымъ безславіемъ. Дѣло шло при непрерывномъ и неудержимомъ смѣ-

хѣ свидѣтелей и участниковъ боя. По крайней мѣрѣ, сегодня непохоже было для него на вчера. Примѣтно было, что m-me M* нѣсколько разъ порывалась остановить своего неосторожнаго друга, которому, въ свою очередь, непремѣнно хотѣлось нарядить ревниваго мужа въ самый шутовской и смѣшной костюмъ, и, должно полагать, въ костюмъ «Синей Бороды», судя по всѣмъ вѣроятностямъ, судя по тому, что у меня осталось въ памяти, и, наконецъ, по той роли, которую мнѣ самому привелось играть въ этой сшибкѣ.

Это случилось вдругъ, самымъ смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданно, и, какъ нарочно, въ эту минуту я стоялъ на виду, не подозрѣвая зла и даже забывъ о недавнихъ моихъ предосторожностяхъ. Вдругъ я былъ выдвинутъ на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ m-r M*, какъ отчаянно, до послѣдней степени влюбленный въ жену его, въ чемъ тиранка моя тутъ же поклялась, дала слово, сказала, что у ней есть доказательства и что не далѣе какъ, напримѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла . . .

Но она не успѣла договорить, я прервалъ ее въ самую отчаянную для меня минуту. Эта минута была такъ безбожно разсчитана, такъ измѣннически подготовлена къ самому концу, къ шутовской развязкѣ, и такъ уморительно смѣшно обставлена, что цѣлый взрывъ ничѣмъ неудержимаго, всеобщаго смѣха отсалютовалъ эту послѣднюю выходку. И хотя тогда же я догадался, что не на мою долю выпадала самая досадная роль, — однакожъ былъ до того смущенъ, раздраженъ и испуганъ, что, полный слезъ, тоски и отчаянія, задыхаясь отъ стыда, прорвался черезъ два ряда креселъ, ступилъ впередъ и,

обращаясь къ моей тиранкѣ, закричалъ прерывающимся отъ слезъ и негодованія голосомъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую неправду?!. Вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы — такая большая... — замужняя!..

Но я не докончилъ, — раздался оглушительный апплодисментъ. Моя выходка произвела настоящій furore. Мой наивный жестъ, мои слезы, а, главное, то, что я какъ будто выступилъ защищать m-r M*, все это произвело такой адскій смѣхъ, что даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, мнѣ самому становится ужасно смѣшно... Я оторопѣлъ, почти обезумѣлъ отъ ужаса и, сгорѣвъ, какъ порохъ, закрывъ лицо руками, бросился вонъ, выбилъ въ дверяхъ подносъ изъ рукъ входившаго лакея и полетѣлъ наверхъ, въ свою комнату. Я вырвалъ изъ дверей ключъ, торчавшій наружу, и заперся изнутри. Сдѣлалъ я хорошо, потому что за мною была погоня. Не прошло минуты, какъ мои двери осадила цѣлая ватага самыхъ хорошенькихъ изъ всѣхъ нашихъ дамъ. Я слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, частый говоръ, ихъ заливавшіеся голоса; онѣ щебетали всѣ разомъ, какъ ласточки. Всѣ онѣ, всѣ до одной, просили, умоляли меня отворить хоть на одну минуту; клялись, что не будетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, а только зацѣлуютъ онѣ меня всего въ прахъ. Но... что жъ могло быть ужаснѣе еще этой новой угрозы? Я только горѣлъ отъ стыда за моею дверью, спрятавъ въ подушки лицо, и не отперъ, даже не отозвался. Онѣ еще долго стучались и молили меня, но я былъ безчувственъ и глухъ, какъ одиннадцатилѣтній.

Ну, что жъ теперь дѣлать? Все открыто, все обнаружилось, все, что я такъ ревниво сберегалъ и таилъ... На меня падаетъ вѣчный стыдъ и позоръ!.. По правдѣ, я и самъ не умѣлъ назвать того, за что страшился, и что хотѣлъ бы я скрыть; но вѣдь, однакожъ, я страшился чего-то, за обнаруженіе этого *чего-то* я трепеталъ до сихъ поръ, какъ листочекъ. Одного только я не зналъ до этой минуты, что оно такое: годится оно, или не годится, славно или позорно, похвально или не похвально? Теперь же, въ мученіяхъ и насильной тоскѣ, узналъ, что оно *смѣшно* и *стыдно!* Инстинктомъ чувствовалъ я въ то же время, что такой приговоръ и ложенъ, и безчеловѣченъ, и грубъ; но я былъ разбитъ, уничтоженъ; процессъ сознанія какъ бы остановился и запутался во мнѣ; я не могъ ни противостать этому приговору, ни даже обсудить его хорошенько: я былъ отуманенъ; слышалъ только, что мое сердце безчеловѣчно, безстыдно уязвлено, и заливался безсильными слезами. Я былъ раздраженъ; во мнѣ кипѣли негодованіе и ненависть, которой доселѣ не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испыталъ серьезное горе, оскорбленіе, обиду; и все это было дѣйствительно такъ, безъ всякихъ преувеличеній. Во мнѣ, въ ребенкѣ, было грубо затронуто первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, былъ такъ рано обнаженъ и поруганъ первый благоуханный дѣвственный стыдъ и осмѣяно первое и, можетъ быть, очень серьезное эстетическое впечатлѣніе. Конечно, насмѣшники мои многаго не знали и не предчувствовали въ моихъ мученіяхъ. На половину входило сюда одно сокровенное обстоятельство, котораго самъ я и не успѣлъ, и какъ-то пугался

до сихъ поръ разбирать. Въ тоскѣ и въ отчаяніи продолжалъ я лежать на своей постели, укрывъ въ подушки лицо; и жаръ, и дрожь обливали меня попеременно. Меня мучили два вопроса: что такое видѣла, и что именно могла увидать негодная блондинка сегодня въ рощѣ, между мною и m-me M*? И, наконецъ, второй вопросъ: какъ, какими глазами, какимъ средствомъ могу я взглянуть теперь въ лицо m-me M* и не погибнуть въ ту же минуту, на томъ же мѣстѣ, отъ стыда и отчаянія.

Необыкновенный шумъ на дворѣ вызвалъ, наконецъ, меня изъ полубезпамятства, въ которомъ я находился. Я всталъ и подошелъ къ окну. Весь дворъ былъ загроможденъ экипажами, верховыми лошадьми и суетившимися слугами. Казалось, всѣ уѣзжали; нѣсколько всадниковъ уже сидѣли на коняхъ; другіе гости размѣщались по экипажамъ... Тутъ вспомнилъ я о предстоявшей поѣздкѣ, и вотъ, мало-по-малу, безпокойство начало проникать въ мое сердце, я пристально началъ выглядывать на дворѣ своего клепера; но клепера не было, стало быть, обо мнѣ позабыли. Я не выдержалъ и опрометью побѣжалъ внизъ, ужъ не думая ни о непріятныхъ встрѣчахъ, ни о недавнемъ позорѣ своемъ...

Грозная новость ожидала меня. Для меня на этотъ разъ не было ни верховой лошади, ни мѣста въ экипажѣ: все было разобрано, занято, и я принужденъ уступить другимъ.

Пораженный новымъ горемъ, остановился я на крыльцѣ и печально смотрѣлъ на длинный рядъ каретъ, кабріолетовъ, колясокъ, въ которыхъ не было для меня и самаго маленькаго уголка, и на нарядныхъ наѣздницъ, подъ которыми гарцовали нетерпѣливые кони.

Одинъ изъ всадниковъ почему-то замѣшкался. Ждали только его, чтобъ отправиться. У подъѣзда стоялъ конь его, грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбясь отъ испуга. Два конюха осторожно держали его подъ уздцы, и всѣ опасливо стояли отъ него въ почтительномъ отдаленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, случилось предосадное обстоятельство, по которому мнѣ нельзя было ѣхать. Кромѣ того, что наѣхали новые гости и разобрали всѣ мѣста и всѣхъ лошадей, заболѣли двѣ верховыя лошади, изъ которыхъ одна была мой клеперъ. Но не мнѣ одному пришлось пострадать отъ этого обстоятельства: открылось, что для новаго нашего гостя, того блѣднолицаго молодого человѣка, о которомъ я уже говорилъ, тоже нѣтъ верхового коня. Чтобъ отвратить непріятность, хозяинъ нашъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: рекомендовать своего бѣшенаго, невыѣзженнаго жеребца, прибавивъ, для очистки совѣсти, что на немъ никакъ нельзя ѣздить и что его давно ужъ положили продать за дикость характера, если, впрочемъ, найдется на него покупщикъ. Но предупрежденный гость объявилъ, что ѣздитъ порядочно, да и во всякомъ случаѣ готовъ сѣсть на что угодно, только бы ѣхать. Хозяинъ тогда промолчалъ, но теперь, показалось мнѣ, что какая-то двусмысленная и лукавая улыбка бродила на губахъ его. Въ ожиданіи наѣздника, похвалившагося своимъ искусствомъ, онъ самъ еще не садился на свою лошадь, съ нетерпѣніемъ потиралъ руки и поминутно взглядывалъ на дверь. Даже что-то подобное сообщилось и двумъ конюхамъ, удерживавшимъ жеребца и чуть не задыхавшимся отъ гордости, видя себя передъ

всей публикой при такомъ конѣ, который нѣтъ-нѣтъ да и убьетъ человѣка ни за-что, ни про-что. Что-то похожее на лукавую усмѣшку ихъ барина отсвѣчивалось и въ ихъ глазахъ, выпученныхъ отъ ожиданія и тоже устремленныхъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться пріѣзжій смѣльчакъ. Наконецъ, и самъ конь держалъ себя такъ, какъ будто тоже сговорился съ хозяиномъ и вожатыми: онъ велъ себя горло и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдаютъ нѣсколько десятковъ любопытныхъ глазъ, и словно гордясь передъ всѣми зазорной своей репутаціей, точь-въ-точь какъ иной неисправимый повѣса гордится своими висѣльными продѣлками. Казалось, онъ вызывалъ смѣльчака, который бы рѣшился посягнуть на его независимость.

Этотъ смѣльчакъ, наконецъ, показался. Совѣстясь, что заставилъ ждать себя, и торопливо натягивая перчатки, онъ шелъ впередъ не глядя, спустился по ступенькамъ крыльца и поднялъ глаза только тогда, когда протянулъ было руку, чтобъ схватить за холку зажравшагося коня, но вдругъ былъ озадаченъ бѣшенымъ вскокомъ его на дыбы и предупредительнымъ крикомъ всей испуганной публики. Молодой человѣкъ отступилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дикую лошадь, которая вся дрожала, какъ листъ, хрипѣла отъ злости и дико поводила налившимися кровью глазами, поминутно осѣдая на заднія ноги и приподымая переднія, словно собираясь рвануться на воздухъ и унесть вмѣстѣ съ собою обоихъ вожатыхъ своихъ. Съ минуту онъ стоялъ совсѣмъ озадаченный; потомъ, слегка покраснѣвъ отъ маленькаго замѣшательства, поднялъ глаза, обвелъ ихъ кругомъ и поглядѣлъ на перепугавшихся дамъ.

— Конь очень хорошій! — проговорилъ онъ какъ бы про себя: — и судя по всему, на немъ должно быть очень пріятно ѣздить, но... но, знаете что? Вѣдь я-то не поѣду, — заключилъ онъ, обращаясь къ нашему хозяину съ своей широкой, простодушной улыбкой, которая такъ шла къ доброму и умному лицу его.

— И все-таки я васъ считаю превосходнымъ ѣздокомъ, клянусь вамъ, — отвѣчалъ обрадованный владѣтель недоступнаго коня, горячо и даже съ благодарностью пожимая руку своего гостя: — именно за то, что вы съ перваго раза догадались, съ какимъ звѣремъ имѣете дѣло, — прибавилъ онъ съ достоинствомъ. — Повѣрите ли мнѣ, я, двадцать три года прослужившій въ гусарахъ, уже три раза имѣлъ наслажденіе лежать на землѣ по его милости, то есть ровно столько разъ, сколько садился на этого... дармоѣда. — Танкредъ, другъ мой, здѣсь не по тебѣ народъ; видно, твой сѣдокъ какой-нибудь Илья Муромецъ, и сидитъ теперь сиднемъ въ селѣ Карачаровѣ, да ждетъ, чтобъ у тебя выпали зубы. Ну, уведите его! Полно ему людей путать! Напрасно только выводили, — заключилъ онъ, самодовольно потирая руки.

Нужно замѣтить, что Танкредъ не приносилъ ему ни малѣйшей пользы, только даромъ хлѣбъ ѣлъ; кромѣ того, старый гусаръ погубилъ на немъ всю свою бывалую ремонтерскую славу, заплативъ баснословную цѣну за негоднаго дармоѣда, который выѣзжалъ развѣ только на своей красотѣ... Все-таки теперь былъ онъ въ восторгѣ, что его Танкредъ не уронилъ своего достоинства, спѣшилъ еще одного наѣзника и тѣмъ стяжалъ себѣ новые, безтолковые лавры.

— Какъ, вы не ѣдете? — закричала блондинка, которой непремѣнно нужно было, чтобъ ея cavalier servant на этотъ разъ былъ при ней: — неужели вы трусите?

— Ей Богу же такъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И вы говорите серьезно?

— Послушайте, неужели жъ вамъ хочется, чтобъ я сломалъ себѣ шею?

— Такъ садитесь же скорѣй на мою лошадь: не бойтесь, она пресмирная. Мы не задержимъ; вмигъ пересѣдлаютъ! Я попробую взять вашу; не можетъ быть, чтобъ Танкредъ всегда былъ такой неучтивый.

Сказано — сдѣлано! Шалунья выпрыгнула изъ сѣдла и договорила послѣднюю фразу уже остановясь передъ нами.

— Плохо жъ вы знаете Танкреда, коли думаете, что онъ позволитъ осѣдлать себя вашимъ негоднымъ сѣдломъ! Да и васъ я не пущу сломать себѣ шею; это, право, было бы жалко!—проговорилъ нашъ хозяинъ, аффектируя, въ эту минуту внутренняго довольства, по своей всегдашней привычкѣ, и безъ того уже аффектированную и изученную рѣзкость и даже грубость своей рѣчи, что, по его мнѣнію, рекомендовало добряка, стараго служаку и особенно должно было нравиться дамамъ. Это была одна изъ его фантазій, его любимый, всѣмъ намъ знакомый конекъ.

— Ну-тка ты, плакса, не хочешь ли попробовать? Тебѣ же такъ хотѣлось ѣхать, — сказала храбрая наѣздница, замѣтивъ меня, и, подразнивая, кивнула на Танкреда, собственно для того, чтобъ не уходить ни съ чѣмъ, коли ужъ даромъ пришлось

встать съ коня, и не оставить меня безъ колючаго словца, коли ужъ я самъ оплошалъ, на глаза подвернулся.

— Ты вѣрно не таковъ, какъ... ну, да что говорить, извѣстный герой и постыдишься струсить; особенно, когда на васъ будутъ смотрѣть, прекрасный пажъ, — прибавила она, бѣгло взглянувъ на m-me M*, экипажъ которой былъ всѣхъ ближе отъ крыльца.

Ненависть и чувство мщенія заливали мое сердце, когда прекрасная амазонка подошла къ намъ, въ намѣреніи сѣсть на Танкреда... Но не могу разсказать, что ощутилъ я при этомъ неожиданномъ вызовѣ школьницы. Я какъ будто свѣта не взвидѣлъ, когда поймалъ ея взглядъ на m-me M*. Вмигъ въ головѣ у меня загорѣлась идея... да, впрочемъ, это былъ только мигъ, менѣе чѣмъ мигъ, какъ вспышка пороха, или ужъ переполнилась мѣра, и я вдругъ теперь возмутился всѣмъ воскресшимъ духомъ моимъ, да такъ, что мнѣ вдругъ захотѣлось срѣзать наповалъ всѣхъ враговъ моихъ и отмстить имъ за все и при всѣхъ, показавъ теперь, каковъ я человѣкъ; или, наконецъ, какимъ-нибудь дивомъ научилъ меня кто-нибудь въ это мгновеніе средней исторіи, въ которой я до сихъ поръ еще не зналъ ни аза, и въ закружившейся головѣ моей замелькали турниры, палладины, герои, прекрасныя дамы, звуки шпагъ, крики и плески толпы, и между всѣми этими криками одинъ робкій крикъ одного испуганнаго сердца, который нѣжитъ гордую душу слаще побѣды и славы, — ужъ не знаю, случился ли тогда весь этотъ вздоръ въ головѣ моей, или, толковѣе, предчувствіе этого, еще грядущаго и неизбѣжнаго вздора, но только я

услышалъ, что бьетъ мой часъ. Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло, и самъ ужъ не помню, какъ въ одинъ прыжокъ соскочилъ я съ крыльца и очутился подлѣ Танкреда.

— А вы думате, что я испугаюсь? — вскрикнулъ я дерзко и гордо, не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, задыхаясь отъ волненія и закраснѣвшись такъ, что слезы обожгли мнѣ щеки. — А вотъ, увидите! — И, схватившись за холку Танкреда, я сталъ ногой въ стремя, прежде чѣмъ успѣли сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ удержать меня; но въ этотъ мигъ Танкредъ взвился на дыбы, взметнулъ головой, однимъ могучимъ скачкомъ вырвался изъ рукъ остолбенѣвшихъ конюховъ и полетѣлъ, какъ вихрь, — только всѣ ахнули да вскрикнули.

Ужъ Богъ знаетъ, какъ удалось мнѣ занесть другую ногу на всемъ лету; не постигаю также, какимъ образомъ случилось, что я не потерялъ поводовъ. Танкредъ вынесъ меня за рѣшетчатыя ворота, круто повернулъ направо и пустился мимо рѣшетки зря, не разбирая дороги. Только въ это мгновеніе разслышалъ я за собою крикъ пятидесяти голосовъ, и этотъ крикъ отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни. Вся кровь мнѣ хлынула въ голову, оглушила меня и залила, задавила мой страхъ. Я себя не помнилъ. Дѣйствительно, какъ пришлось теперь вспомнить, во всемъ этомъ было какъ будто и впрямь что-то рыцарское.

Впрочемъ, все мое рыцарство началось и кончилось менѣе чѣмъ вмигъ, не то рыцарю было бы худо. Да и тутъ я не знаю, какъ спасся.

Ѣздить-то верхомъ я умѣлъ: меня учили. Но мой клеперъ походилъ скорѣе на овцу, чѣмъ на верхового коня. Разумѣется, я бы слетѣлъ съ Танкреда, если бъ ему было только время сбросить меня; но, проскакавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ вдругъ испугался огромнаго камня, который лежалъ у дороги, и шарахнулся назадъ. Онъ повернулся на лету, но такъ круто, какъ говорится—очертя голову, что мнѣ и теперь задача: какимъ образомъ я не выпрыгнулъ изъ сѣдла, какъ мячикъ, сажени на три, и не разбился вдребезги, а Танкредъ отъ такого крутого поворота не сплечилъ себѣ ногъ. Онъ бросился назадъ къ воротамъ, яростно мотая головой, прядая изъ стороны въ сторону, будто охмѣлѣвшій отъ бѣшенства, взметывая ноги какъ попало на воздухъ и съ каждымъ прыжкомъ стряхая меня со спины, точно какъ будто на него вспрыгнулъ тигръ и впился въ его мясо зубами и когтями. Еще мгновеніе, — я бы слетѣлъ; я уже падалъ; но уже нѣсколько всадниковъ летѣло спасать меня. Двое изъ нихъ перехватили дорогу въ поле; двое другихъ подскакали такъ близко, что чуть не раздавили мнѣ ногъ, стиснувъ съ обѣихъ сторонъ Танкреда боками своихъ лошадей, и оба уже держали его за поводья. Черезъ нѣсколько секундъ мы были у крыльца.

Меня сняли съ коня, блѣднаго, чуть дышавшаго. Я весь дрожалъ, какъ былинка подъ вѣтромъ, такъ же, какъ и Танкредъ, который стоялъ, упираясь всѣмъ тѣломъ назадъ, неподвижно, какъ будто врывшись копытами въ землю, тяжело выпуская пламенное дыханіе изъ красныхъ, дымящихся ноздрей, весь дрожа, какъ листъ, мелкой дрожью и словно остолбенѣвъ отъ оскорбленія и злости за

ненаказанную дерзость ребенка. Кругомъ меня раздавались крики смятенія, удивленія, испуга.

Въ эту минуту блуждавшій взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ m-me M*, встревоженной, поблѣднѣйшей, и — я не могу забыть этого мгновенія — вмигъ все лицо мое облилось румянцемъ, зардѣлось, загорѣлось, какъ огонь; я ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но, смущенный и испуганный собственнымъ своимъ ощущеніемъ, я робко опустилъ глаза въ землю. Но мой взглядъ былъ замѣченъ, пойманъ, украденъ у меня. Всѣ глаза обратились къ m-me M*, и, застигнутая всеобщимъ вниманіемъ врасплохъ, она вдругъ сама, какъ дитя, закраснѣлась отъ какого-то противоволь-наго и наивнаго чувства и черезъ силу, хотя весьма неудачно, старалась подавить свою краску смѣхомъ . . .

Все это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смѣшно; но въ это мгновеніе одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня отъ всеобщаго смѣха, придавъ особый колоритъ всему приключенію. Виновница всей суматохи, та, которая до сихъ поръ была непримиримымъ врагомъ моимъ, прекрасная тиранка моя, вдругъ бросилась ко мнѣ обнимать и цѣловать меня. Она смотрѣла, не вѣря глазамъ своимъ, когда я осмѣлился принять ея вызовъ и поднять перчатку, которую она бросила мнѣ, взглянувъ на m-me M*. Она чуть не умерла за меня отъ страха и укоровъ совѣсти, когда я леталъ на Танкредѣ; теперь же, когда все было кончено, и особенно, когда она поймала, вмѣстѣ съ другими, мой взглядъ, брошенный на m-me M*, мое смущеніе, мою внезапную краску, когда, наконецъ, удалось ей придать этому мгновенію, по

романтическому настроенію своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль, — теперь, послѣ всего этого, она пришла въ такой восторгъ отъ моего «рыцарства», что бросилась ко мнѣ и прижала меня къ груди своей, растроганная, гордая за меня, радостная. Черезъ минуту она подняла на всѣхъ толпившихся около насъ обоихъ самое наивное, самое строгое личико, на которомъ дрожали и свѣтились двѣ маленькія, хрустальныя слезинки, и серьезнымъ, важнымъ голоскомъ, какого отъ нея никогда не слыхали, сказала, указавъ на меня: «Mais c'est très serieux, messieurs, ne riez pas!» не замѣчая того, что всѣ стоятъ передъ нею, какъ завороженные, залюбовавшись на ея свѣтлый восторгъ. Все это неожиданное, быстрое движеніе ея, это серьезное личико, эта простодушная наивность, эти неподозрѣваемыя до сихъ поръ сердечныя слезы, накипѣвшія въ ея вѣчно-смѣющихся глазкахъ, были въ ней такимъ неожиданнымъ дивомъ, что всѣ стояли передъ нею какъ будто наэлектризированные ея взглядомъ, скорымъ, огневымъ словомъ и жестомъ. Казалось, никто не могъ свести съ нея глазъ, боясь опустить эту рѣдкую минуту въ ея вдохновенномъ лицѣ. Даже самъ хозяинъ нашъ покраснѣлъ, какъ тюльпанъ, и увѣряютъ, будто бы слышали, какъ онъ потомъ признавался, что, «къ стыду своему», чуть ли не цѣлую минуту былъ влюбленъ въ свою прекрасную гостью. Ну, ужъ разумѣется, что послѣ этого я былъ рыцарь, герой.

— Делоржъ! Тогенбургъ!—раздавалось кругомъ.

Послышались рукоплесканія.

— Ай да грядущее поколѣніе! — прибавилъ хозяинъ.

— Но онъ поѣдетъ, онъ непремѣнно поѣдетъ съ нами! — закричала красавица; — мы найдемъ и должны найти ему мѣсто. Онъ сядетъ рядомъ со мною, ко мнѣ на колѣни... иль нѣтъ, нѣтъ! Я ошиблась!... — поправилась она, захохотавъ и будучи не въ силахъ удержать своего смѣха при воспоминаніи о нашемъ первомъ знакомствѣ. Но, хохоча, она нѣжно гладила мою руку, всѣми силами старалась меня заласкать, чтобъ я не обидѣлся.

— Непремѣнно! Непремѣнно! — подхватили нѣсколько голосовъ:—онъ долженъ ѣхать, онъ завоевалъ себѣ мѣсто.

И мигомъ разрѣшилось дѣло. Та самая старая дѣва, которая познакомила меня съ блондинкой, точасъ же была засыпана просьбами всей молодежи остаться дома и уступить мнѣ свое мѣсто, на что и принуждена была согласиться, къ своей величайшей досадой, улыбаясь и втихомолку шипя отъ злости. Ея протектрисса, около которой витала она, мой бывшій врагъ и недавній другъ, кричала ей, уже галлопируя на своемъ рѣзвомъ конѣ и хохоча, какъ ребенокъ, что завидуетъ ей и сама бы рада была съ ней остаться, потому что сейчасъ будетъ дождь и насъ всѣхъ перемочитъ.

И она точно напророчила дождь. Черезъ часъ поднялся цѣлый ливень, и прогулка наша пропала. Пришлось переждать нѣсколько часовъ сряду въ деревенскихъ избахъ и возвращаться домой уже въ десятомъ часу, въ сырое, послѣ-дождевое время. У меня началась маленькая лихорадка. Въ ту самую минуту, какъ надо было садиться и ѣхать, m-me M* подошла ко мнѣ и удивилась, что я въ одной курточкѣ и съ открытой шеей. Я отвѣ-

чалъ, что не успѣлъ захватить съ собою плаща. Она взяла булавку и, зашпиливъ повыше сборчатый воротничекъ моей рубашки, сняла съ своей шеи газовый, пунцовый платочекъ и обвязала мнѣ шею, чтобъ я не простудилъ горла. Она такъ торопилась, что я даже не успѣлъ поблагодарить ее.

Но когда пріѣхали домой, я отыскалъ ее въ маленькой гостиной, вмѣстѣ съ блондинкой и съ блѣднолицымъ молодымъ человѣкомъ, который стяжалъ сегодня славу наѣздника тѣмъ, что побоялся сѣсть на Танкреда. Я подошелъ благодарить и отдать платокъ. Но теперь, послѣ всѣхъ моихъ приключеній, мнѣ было какъ будто чего-то совѣстно; мнѣ скорѣе хотѣлось уйти наверхъ, и тамъ, на досугѣ, что-то обдумать и разсудить. Я былъ переполненъ впечатлѣніями. Отдавая платокъ, я, какъ водится, покраснѣлъ до ушей.

— Бьюсь объ закладъ, что ему хотѣлось удержать платокъ у себя, — сказалъ молодой человѣкъ, засмѣявшись: — по глазамъ видно, что ему жаль разстаться съ вашимъ платкомъ.

— Именно, именно такъ! — подхватила блондинка.—Экой! Ахъ!..—проговорила она съ примѣтной досадой и покачавъ головой, но остановилась во-время передъ серьезнымъ взглядомъ m-me M*, которой не хотѣлось заводить далеко шутки.

Я поскорѣе отошелъ.

— Ну, какой же ты! — заговорила школьница, нагнавъ меня въ другой комнатѣ и дружески взявъ за обѣ руки: — да ты бы просто не отдавалъ косынки, если тебѣ такъ захотѣлось имѣть ее. Сказалъ, что гдѣ-нибудь положилъ, и дѣло съ концомъ. Какой же ты! Этого не умѣлъ сдѣлать! Экой смѣшной!

И тутъ она слегка ударила меня пальцемъ по подбородку, засмѣявшись тому, что я покраснѣлъ, какъ макъ.

— Вѣдь я твой другъ теперь, — такъ ли? Кончена ли наша вражда, а? Да, или нѣтъ?

Я засмѣялся и, молча, пожалъ ея пальчики.

— Ну, то-то же!.. Отчего ты такъ теперь блѣденъ и дрожишь? У тебя ознобъ?

— Да, я нездоровъ.

— Ахъ, бѣдняжка! Это у него отъ сильныхъ впечатлѣній! Знаешь что? Иди-ка лучше спать, не дожидаясь ужина, и за ночь пройдетъ. Пойдемъ.

Она отвела меня наверхъ, и казалось, уходамъ за мною не будетъ конца. Оставивъ меня раздѣваться, она сбѣжала внизъ, достала мнѣ чаю и принесла его сама, когда уже я улегся. Она принесла мнѣ тоже теплое одѣяло. Меня очень поразили и растрогали всѣ эти уходы и заботы обо мнѣ, или ужъ я былъ такъ настроенъ цѣлымъ днемъ, поѣздкой, лихорадкой; но, прощаясь съ нею, я крѣпко и горячо ее обнялъ, какъ самаго нѣжнаго, какъ самаго близкаго друга, и ужъ тутъ впечатлѣнія разомъ прихлынули къ моему ослабѣвшему сердцу; я чуть не плакалъ, прижавшись къ груди ея. Она замѣтила мою впечатлительность, и кажется, моя шалунья сама была немного тронута.

— Ты предобрый мальчикъ, — прошептала она, смотря на меня тихими глазками: — пожалуйста же не сердись на меня, а? Не будешь?

Словомъ, мы стали самыми нѣжными, самыми вѣрными друзьями.

Было довольно рано, когда я проснулся, но солнце заливало уже яркимъ свѣтомъ всю комнату. Я вскочилъ съ постели, совершенно здоровый и

бодрый, какъ будто и не бывало вчерашней лихорадки, вмѣсто которой теперь ощущалъ я въ себѣ неизъяснимую радость. Я вспомнилъ вчерашнее и почувствовалъ, что отдалъ бы цѣлое счастье, если бъ могъ въ эту минуту обняться какъ вчера съ моимъ новымъ другомъ, съ бѣлокурой нашей красавицей, но еще было очень рано, и всѣ спали. Наскоро одѣвшись, сошелъ я въ садъ, а оттуда въ рощу. Я пробирался туда, гдѣ гуще зелень, гдѣ смолистѣе запахъ деревьевъ, и куда веселѣе заглядывалъ солнечный лучъ, радуясь, что удалось тамъ и сямъ пронизать мглистую густоту листьевъ. Было прекрасное утро.

Незамѣтно пробираясь все далѣе и далѣе, я вышелъ, наконецъ, на другой край рощи, къ Москвѣ-рѣкѣ. Она текла шаговъ двѣсти впереди, подъ горою. На противоположномъ берегу косили сѣно. Я засмотрѣлся, какъ цѣлые ряды острыхъ косъ, съ каждымъ взмахомъ косца, дружно обливались свѣтомъ и потомъ вдругъ опять исчезали, какъ огненныя змѣйки, словно куда прятались; какъ срѣзанная съ корня трава густыми, жирными грудками отлетала въ стороны и укладывалась въ прямыя, длинныя борозды. Ужъ не помню, сколько времени провелъ я въ созерцаніи, какъ вдругъ очнулся, разслышавъ въ рощѣ, шагахъ отъ меня въ двадцати, въ просѣкѣ, которая пролегала отъ большой дороги къ господскому дому, храпъ и нетерпѣливый топотъ коня, рывшаго копытомъ землю. Не знаю, заслышалъ ли я этого коня тотчасъ же, какъ подъѣхалъ и остановился всадникъ, или ужъ долго мнѣ слышался шумъ, но только напрасно щекоталъ мнѣ ухо, безсильный оторвать меня отъ моихъ мечтаній. Съ любопытствомъ во-

шелъ я въ рощу и, пройдя нѣсколько шаговъ, услышалъ голоса, говорившіе скоро, но тихо. Я подошелъ еще ближе, бережно раздвинулъ послѣднія вѣтви послѣднихъ кустовъ, окаймлявшихъ просѣку, и тотчасъ же отпрянулъ назадъ въ изумленіи: въ глазахъ моихъ мелькнуло бѣлое знакомое платье, и тихій женскій голосъ отдался въ моемъ сердцѣ, какъ музыка. Это была m-me M*. Она стояла возлѣ всадника, который торопливо говорилъ ей съ лошади, и, къ моему удивленію, я узналъ въ немъ Н—го, того молодого человѣка, который уѣхалъ отъ насъ еще вчера поутру и о которомъ такъ хлопоталъ m-r M*. Но тогда говорили, что онъ уѣзжаетъ куда-то очень далеко, на югъ Россіи, а потому я очень удивился, увидѣвъ его опять у насъ такъ рано и одного съ m-me M*.

Она была одушевлена и взволнована, какъ никогда еще я не видалъ ее, и на щекахъ ея свѣтились слезы. Молодой человѣкъ держалъ ее за руку, которую цѣловалъ, нагибаясь съ сѣдла. Я засталъ уже минуту прощанія. Кажется, они торопились. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, отдалъ его m-me M*, обнялъ ее одною рукою, какъ и прежде, не сходя съ лошади, и поцѣловалъ крѣпко и долго. Мгновеніе спустя, онъ ударилъ коня и промчался мимо меня, какъ стрѣла. M-me M* нѣсколько секундъ провожала его глазами, потомъ задумчиво и уныло направилась къ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по просѣкѣ, вдругъ какъ будто очнулась, торопливо раздвинула кусты и пошла черезъ рощу.

Я пошелъ вслѣдъ за нею, смятенный и удивленный всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ. Сердце мое билось крѣпко, какъ отъ испуга. Я былъ какъ оцѣпенѣ-

лый, какъ отуманенный; мысли мои были разбиты и разсѣяны; но помню, что было мнѣ отчего-то ужасно грустно. Изрѣдка мелькало передо мною сквозь зелень ея бѣлое платье. Машинально слѣдовалъ я за нею, не упуская ея изъ вида, но трепеща, чтобъ она меня не замѣтила. Наконецъ, она вышла на дорожку, которая вела въ садъ. Переждавъ съ полминуты, вышелъ и я; но каково же было мое изумленіе, когда вдругъ замѣтилъ я на красномъ пескѣ дорожки запечатанный пакетъ, который узналъ съ перваго взгляда, — тотъ самый, который десять минутъ назадъ былъ врученъ m-me M*.

Я поднялъ его: со всѣхъ сторонъ бѣлая бумага, никакой подписи; на взглядъ — небольшой, но тугой и тяжелый, какъ будто въ немъ было листа три и болѣе почтовой бумаги.

Что значитъ этотъ пакетъ? Безъ сомнѣнія, имъ объяснилась бы вся эта тайна. Можетъ быть, въ немъ досказано было то, чего не надѣялся высказать H—ой за короткостью торопливаго свиданія. Онъ даже не сходилъ съ лошади... Торопился ли онъ, или, можетъ быть, боялся измѣнить себѣ въ часъ прощанія, — Богъ знаетъ...

Я остановился, не выходя на дорожку, бросилъ на нее пакетъ на самое видное мѣсто и не спускалъ съ него глазъ, полагая, что m-me M* замѣтитъ потерю, воротится, будетъ искать. Но, прождавъ минуты четыре, я не выдержалъ, поднялъ опять свою находку, положилъ въ карманъ и пустился догонять m-me M*. Я настигъ ее уже въ саду, въ большой аллеѣ; она шла прямо домой, скорой и торопливой походкой, но задумавшись и потупивъ глаза въ землю. Я не зналъ, что дѣлать. Подойти,

отдать? Это значило сказать, что я знаю все, видѣлъ все. Я измѣнилъ бы себѣ съ перваго слова. И какъ я буду смотрѣть на нее? Какъ она будетъ смотрѣть на меня? . . Я все ожидалъ, что она опомнится, хватится потеряннаго, воротится по слѣдамъ своимъ. Тогда бы я могъ, незамѣченный, бросить пакетъ на дорогу и она бы нашла его. Но нѣтъ! Мы уже подходили къ дому; ее уже замѣтили . . .

Въ это утро, какъ нарочно, почти всѣ поднялись очень рано, потому что еще вчера, вслѣдствіе неудавшейся поѣздки, задумали новую, о которой я и не зналъ. Всѣ готовились къ отъѣзду и завтракали на террасѣ. Я переждалъ минуть десять, чтобъ не видѣли меня съ m-me M*, и, обойдя садъ, вышелъ изъ дому съ другой стороны, гораздо послѣ нея. Она ходила взадъ и впередъ по террасѣ, блѣдная и встревоженная, скрестивъ на груди руки и, по всему было видно, крѣпясь и усиливаясь подавить въ себѣ мучительную, отчаянную тоску, которая такъ и вычитывалась въ ея глазахъ, въ ея ходьбѣ, во всякомъ движеніи. Иногда сходила она со ступенекъ и проходила нѣсколько шаговъ между клумбами по направленію къ саду; глаза ея нетерпѣливо, жадно, даже неосторожно искали чего-то на пескѣ дорожекъ и на полу террасы. Не было сомнѣнія: она хватилась потери и, кажется, думаетъ, что обронила пакетъ гдѣ-нибудь здѣсь, около дома, — да, это такъ, и она въ этомъ увѣрена!

Кто-то, а затѣмъ и другіе, замѣтили, что она блѣдна и встревожена. Посыпались вопросы о здоровьѣ, досадныя сѣтованія; она должна была отшучиваться, смѣяться, казаться веселою. Изрѣдка взглядывала она на мужа, который стоялъ въ концѣ

террасы, разговаривая съ двумя дамами, и та же дрожь, то же смущеніе, какъ и тогда, въ первый вечеръ пріѣзда его, охватывали бѣдную. Засунувъ руку въ карманъ и крѣпко держа въ ней пакетъ, я стоялъ поодаль отъ всѣхъ, моля судьбу, чтобъ m-me M* меня замѣтила. Мнѣ хотѣлось ободрить, успокоить ее, хоть бы только взглядомъ; сказать ей что-нибудь мелькомъ, украдкой. Но когда она случайно взглянула на меня, я вздрогнулъ и потупилъ глаза.

Я видѣлъ ея мученія и не ошибся. Я до сихъ поръ не знаю тайны, ничего не знаю, кромѣ того, что самъ видѣлъ и что сейчасъ разсказалъ. Эта связь, можетъ быть, не такова, какъ о ней предположить можно съ перваго взгляда. Можетъ быть, этотъ поцѣлуй былъ прощальный, можетъ быть, онъ былъ послѣдней, слабой наградой за жертву, которая была принесена ея спокойствію и чести. — Н—ой уѣзжалъ; онъ оставлялъ ее, можетъ быть, навсегда. Наконецъ, даже письмо это, которое я держалъ въ рукахъ, — кто знаетъ, что оно заключало? Какъ судить и кому осуждать? А между тѣмъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, внезапное обнаруженіе тайны было бы ужасомъ, громовымъ ударомъ въ ея жизни. Я еще помню лицо ея въ ту минуту: нельзя было больше страдать. Чувствовать, знать, быть увѣренной, ждать какъ казни, что черезъ четверть часа, черезъ минуту могло быть обнаружено все, пакетъ кѣмъ-нибудь найденъ, поднятъ; онъ безъ надписи, его могутъ вскрыть, а тогда . . . что тогда? Какая казнь ужаснѣе той, которая ее ожидаетъ? Она ходила между будущихъ судей своихъ. Черезъ минуту ихъ улыбавшіяся, льстивыя лица будутъ грозны и неумо-

лимы. Она прочтетъ насмѣшку, злость и ледяное презрѣніе на этихъ лицахъ, а потомъ настанетъ вѣчная, безразсвѣтная ночь въ ея жизни... Да, я тогда не понималъ всего этого такъ, какъ теперь объ этомъ думаю. Могъ я только подозрѣвать и предчувствовать, да болѣть сердцемъ за ея опасность, которую даже не совсѣмъ сознавалъ. Но что бы ни заключалось въ ея тайнѣ, — тѣми скорбными минутами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыхъ никогда не забуду, было искуплено многое, если только нужно было что-нибудь искупить.

Но вотъ раздался веселый призывъ къ отъѣзду; всѣ радостно засуетились; со всѣхъ сторонъ раздался рѣзвый говоръ и смѣхъ. Черезъ двѣ минуты терраса опустѣла. M-me M* отказалась отъ поѣздки, сознавшись, наконецъ, что она нездорова. Но, слава Богу, всѣ отправились, всѣ торопились, и докучать сѣтованіями, разспросами и совѣтами было некогда. Немногіе оставались дома. Мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала, что сегодня же будетъ здорова, чтобъ онъ не безпокоился, что ложиться ей не для чего, что она пойдетъ въ садъ, одна... со мною... Тутъ она взглянула на меня. Ничего не могло быть счастливѣе! Я покраснѣлъ отъ радости; черезъ минуту мы были въ дорогѣ.

Она пошла по тѣмъ самымъ аллеямъ, дорожкамъ и тропинкамъ, по которымъ недавно возвращалась изъ рощи, инстинктивно припоминая свой прежній путь, неподвижно смотря передъ собою, не отрывая глазъ отъ земли, ища на ней, не отвѣчая мнѣ, можетъ быть, забывъ, что я иду вмѣстѣ съ нею.

Но когда мы дошли почти до того мѣста, гдѣ

я поднялъ письмо и гдѣ кончалась дорожка, m-me M* вдругъ остановилась, и слабымъ, замиравшимъ отъ тоски голосомъ сказала, что ей хуже, что она пойдетъ домой. Но, дойдя до рѣшетки сада, она остановилась опять, подумала съ минуту; улыбка отчаянія показалась на губахъ ея и, вся обезсиленная, измученная, рѣшившись на все, покорившись всему, она, молча, воротилась на первый путь, въ этотъ разъ позабывъ даже предупредить меня...

Я разрывался отъ тоски и не зналъ что дѣлать.

Мы пошли или, лучше сказать, я привелъ ее къ тому мѣсту, съ котораго услышалъ, часъ назадъ, топотъ коня и ихъ разговоръ. Тутъ, вблизи густого вяза была скамья, изсѣченная въ огромномъ цѣльномъ камнѣ, вокругъ котораго обвивался плющъ и росли полевой жасминъ и шиповникъ. (Вся эта рощица была усѣяна мостиками, бесѣдками, гротами и тому подобными сюрпризами). M-me M* сѣла на скамейку, безсознательно взглянувъ на дивный пейзажъ, разстилавшійся передъ нами. Черезъ минуту она развернула книгу и неподвижно приковалась къ ней, не перелистывая страницъ, не читая, почти не сознавая, что дѣлаетъ. Было уже половина десятаго. Солнце взошло высоко, и пышно плыло надъ нами, по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь въ собственномъ огнѣ своемъ. Косари ушли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы, и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовонной испариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые «не жнутъ и не сѣютъ», а своевольны, какъ воздухъ, разсѣкаемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось,

что въ это мгновеніе каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, курясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: «Отецъ! Я блаженна и счастлива!..»

Я взглянулъ на бѣдную женщину, которая одна была какъ мертвецъ среди всей этой радостной жизни: на рѣсницахъ ея неподвижно остановились двѣ крупныя слезы, вытравленныя острою болью изъ сердца. Въ моей власти было оживить и осчастливить это бѣдное, замиравшее сердце, и я только не зналъ, какъ приступить къ тому, какъ сдѣлать первый шагъ. Я мучился. Сто разъ порывался я подойти къ ней, и каждый разъ, какъ огонь, горѣло лицо мое.

Вдругъ одна свѣтлая мысль озарила меня. Средство было найдено; я воскресъ.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву! — сказалъ я такимъ радостнымъ голосомъ, что m-me M* вдругъ подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Принеси, — проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ, чуть чуть улыбнувшись и тотчасъ же опять опустивъ глаза въ книгу.

— А то и здѣсь, пожалуй, скосятъ траву и не будетъ цвѣтовъ! — закричалъ я, весело пускаясь въ походъ.

Скоро я набралъ мой букетъ, простой, бѣдный. Его бы стыдно было внести въ комнату; но какъ весело билось мое сердце, когда я собиралъ и вязалъ его! Шиповника и полевого жасмина взялъ я еще на мѣстѣ. Я зналъ, что недалеко есть нива съ дозрѣвшею рожью. Туда я сбѣгалъ за васильками. Я перемѣшалъ ихъ съ длинными колосьями ржи, выбравъ самые золотые и тучные. Тутъ же,

недалеко, попалось мнѣ цѣлое гнѣздо незабудокъ, и букетъ мой уже начиналъ наполняться. Далѣе, въ полѣ, нашлись синіе колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лиліями сбѣгалъ я на самое прибрежье рѣки. Наконецъ, уже возвращаясь на мѣсто и зайдя на мигъ въ рощу, чтобъ промыслить нѣсколько ярко-зеленыхъ, лапчатыхъ листьевъ клена и обернуть ими букетъ, я случайно набрелъ на цѣлое семейство анютиныхъ глазокъ, вблизи которыхъ, на мое счастье, ароматный фіалковый запахъ обличалъ въ сочной, густой травѣ, притавшійся цвѣтокъ, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы. Букетъ былъ готовъ. Я перевязалъ его длинной, тонкой травой, которую свилъ въ бечеву, и вовнутрь, осторожно, вложилъ письмо, прикрывъ его цвѣтами, — но такъ, что его очень можно было замѣтить, если хоть маленькимъ вниманіемъ подарятъ мой букетъ.

Я понесъ его къ m-me M*.

Дорогой показалось мнѣ, что письмо лежитъ слишкомъ на виду: я побольше прикрылъ его. Подойдя еще ближе, я вдвинулъ его еще плотнѣе въ цвѣты и, наконецъ, уже почти дойдя до мѣста, вдругъ сунулъ его такъ глубоко вовнутрь букета, что уже ничего не было примѣтно снаружи. На щекахъ моихъ горѣло цѣлое пламя. Мнѣ хотѣлось закрыть руками лицо и тотчасъ бѣжать, но она взглянула на мои цвѣты такъ, какъ будто совсѣмъ позабыла, что я пошелъ набирать ихъ. Машинально, почти не глядя, протянула она руку и взяла мой подарокъ, но тотчасъ же положила его на скамью, какъ будто я затѣмъ и передавалъ ей его, и снова опустила глаза въ книгу, точно была въ забытьѣ. Я готовъ былъ плакать отъ неудачи.

«Но только бъ мой букетъ былъ возлѣ нея», думалъ я, «только бы она о немъ не забыла!» Я легъ неподалеку на траву, положилъ подъ голову правую руку и закрылъ глаза, будто меня одолѣваетъ сонъ. Но я не спускалъ съ нея глазъ и ждалъ.

Прошло минутъ десять; мнѣ показалось, что она все больше и больше блѣднѣла... Вдругъ благословенный случай пришелъ мнѣ на помощь.

Это была большая, золотая пчела, которую принесъ добрый вѣтерокъ, мнѣ на счастье. Она пожужжала сперва надъ моей головой и потомъ подлетѣла къ m-me M*. Та отмахнулась было рукою одинъ и другой разъ, но пчела, будто нарочно, становилась все неотвязчивѣе. Наконецъ, m-me M* схватила мой букетъ и махнула имъ передъ собою. Въ этотъ мигъ пакетъ вырвался изъ-подъ цвѣтовъ и упалъ прямо въ раскрытую книгу. Я вздрогнулъ. Нѣкоторое время m-me M* смотрѣла, нѣмая отъ изумленія, то на пакетъ, то на цвѣты, которые держала въ рукахъ, и, казалось, не вѣрила глазамъ своимъ. Вдругъ она покраснѣла, вспыхнула и взглянула на меня. Но я уже перехватилъ ея взглядъ и крѣпко закрылъ глаза, притворяясь спящимъ; ни за что въ мірѣ я бы не взглянулъ теперь ей прямо въ лицо. Сердце мое замирало и билось, словно пташка, попавшая въ лапки кудряваго деревенскаго мальчугана. Не помню, сколько времени пролежалъ я, закрывъ глаза; минуты двѣ-три. Наконецъ, я осмѣлился ихъ открыть. M-me M* жадно читала письмо и, по разгорѣвшимся ея щекамъ, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по свѣтлому лицу, въ которомъ каждая черточка трепетала отъ радостнаго ощущенія, я догадался, что счастье было въ этомъ пись-

мѣ, и что развѣяна, какъ дымъ, вся тоска ея. Мучительно-сладкое чувство присосалось къ моему сердцу, тяжело было мнѣ притворяться...

Никогда не забуду я этой минуты!

Вдругъ, еще далеко отъ насъ, послышались голоса:

— M-me M*. Natalie! Natalie!

M-me M* не отвѣчала, но быстро поднялась со скамьи, подошла ко мнѣ и наклонилась надо мною. Я чувствовалъ, что она смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Рѣсницы мои задрожали, но я удержался и не открылъ глазъ. Я старался дышать ровнѣе и спокойнѣе, но сердце задушало меня своими смятенными ударами. Горячее дыханіе ея палило мои щеки; она близко-близко нагнулась къ лицу моему, словно испытывая его. Наконецъ, поцѣлуй и слезы упали на мою руку, на ту, которая лежала у меня на груди. И два раза она поцѣловала ее.

— Natalie! Natalie! Гдѣ ты? — послышалось снова, уже очень близко отъ насъ.

— Сей-часъ! — проговорила m-me M* своимъ густымъ, серебристымъ голосомъ, но заглушеннымъ и дрожавшимъ отъ слезъ, и такъ тихо, что только я одинъ могъ слышать ея «сей-часъ!»

Но въ этотъ мигъ сердце, наконецъ, измѣнило мнѣ и, казалось, выслало всю свою кровь мнѣ въ лицо. Въ тотъ же мигъ, скорый, горячій поцѣлуй обжогъ губы. Я слабо вскрикнулъ, открылъ глаза, но тотчасъ же на нихъ упалъ вчерашній газовый платочекъ ея, — какъ будто она хотѣла закрыть меня имъ отъ солнца. Мгновеніе спустя, ея уже не было. Я разслышалъ только шелестъ торопливо удалявшихся шаговъ. Я былъ одинъ...

Я сорвалъ съ себя ея косынку и поцѣловалъ ее,

не помня себя отъ восторга; нѣсколько минутъ я былъ какъ безумный!.. Едва переводя духъ, облокотясь на траву, глядѣлъ я, безсознательно и неподвижно передъ собою, на окрестные холмы, пестрѣвшіе нивами, на рѣку, извилисто обтекавшую ихъ, и далеко, какъ только могъ слѣдить глазъ, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, какъ точки, по всей, залитой свѣтомъ, дали, — на синіе, чуть виднѣвшіеся лѣса, какъ будто курившіеся на краю раскаленнаго неба, и какое-то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало-по-малу смирило мое возмущенное сердце. Мнѣ стало легче, и я вздохнулъ сводобнѣе... Но вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія.. И вдругъ грудь моя заколебалась, заныла, словно отъ чего-то пронзившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и весь трепеща, какъ былинка, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще неясному, прозрѣнію природы моей. Первое дѣтство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ.

. . . . . .

Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже m-me M*: она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

На европейскія событія

въ 1854 году.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Съ чего взялась всесвѣтная бѣда?
Кто виноватъ, кто первый начинаетъ?
Народъ вы умный, всякій это знаетъ,
Да славушка пошла о васъ худа!
Ужъ лучше бы въ покоѣ дома жить,
Да справиться съ домашними дѣлами!
Вѣдь, кажется, намъ нечего дѣлить,
И мѣста много всѣмъ подъ небесами.
Къ тому жъ и то, коль все ужъ поминать:
Смѣшно Французомъ Русскаго пугать!

Знакома Русь со всякою бѣдой!
Случалось съ ней, что не бывало съ вами,
Давилъ ее татаринъ подъ пятой,
А очутился онъ же подъ ногами.
Но далеко она съ тѣхъ поръ ушла!
Не въ мѣрку ей стать вровень даже съ вами;
Заморскій ростъ она переросла,
Тянуться ль вамъ въ одно съ богатырями!
Попробуйте на насъ теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!

Страдала Русь въ бояхъ междоусобныхъ,
По каплѣ кровью чуть не изошла,
Томясь въ борьбѣ своихъ единокровныхъ;
Но живуча святая Русь была!

Умнѣе вы, — зато вамъ книги въ руки!
Правѣе вы, — то знаетъ ваша честь.
Но знайте же, что и въ послѣдней мукѣ
Намъ будетъ чѣмъ страданье перенесть!
Прошедшее стоитъ отвѣтомъ вамъ,
И вашъ союзъ давно не страшенъ намъ.

Спасемся мы въ годину навожденій,
Спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ!
У насъ въ душѣ сложился сей законъ,
Какъ знаменье побѣдъ и избавленій!
Мы вѣры нашей спро̀ста не теряли.
(Какъ былъ какой-то западный народъ);
Мы вѣрою изъ мертвыхъ воскресали,
И вѣрою живетъ Славянскій родъ.
Мы вѣруемъ, что Богъ надъ нами можетъ,
Что Русь жива и умереть не можетъ!

Писали вы, что началъ ссору Русскій,
Что какъ-то мы ведемъ себя не такъ,
Что честью мы не дорожимъ французской,
Что стыдно вамъ за вашъ союзный флагъ,
Что жаль вамъ очень Порты златорогой,
Что хочется завоеваній намъ,
Что то, да се... Отвѣтъ вамъ дали строгой,
Какъ школьникамъ, крикливымъ шалунамъ.
Не нравится, — на то пеняйте сами,
Не шапку же ломать намъ передъ вами!

Не вамъ судьбы Россіи разбирать!
Не ясны вамъ ея предназначенья!
Востокъ — ея! Къ ней руки простирать
Не устаютъ мильоны поколѣній.

И властвуя надъ Азіей глубокой,
Она всему младую жизнь даетъ,
И возрожденье древняго Востока
(Такъ Богъ велѣлъ!) Россіей настаетъ.
То вновѣ Русь, то подданство Царя,
Грядущаго роскошная заря!

Не опіумъ, растлившій поколѣнья
(Что варварствомъ зовемъ мы безъ прикрасъ),
Народы ваши двинетъ къ возрожденью
И вознесетъ униженныхъ до васъ!
То Альбіонъ съ насиліемъ безумнымъ
(Миссіонеръ Христовыхъ кроткихъ братствъ!)
Разлилъ недугъ въ народѣ полоумномъ,
Въ мерзительномъ алканіи богатствъ!
Иль не для васъ всходилъ на крестъ Господь,
И далъ на смерть Свою святую плоть?

Смотрите всѣ, Онъ распятъ и понынѣ,
И вновь течетъ Его святая кровь!
Но гдѣ же жидъ, Христа распявшій нынѣ,
Продавшій вновь Предвѣчную Любовь?
Вновь язвенъ Онъ, вновь принялъ скорбь и муки,
Вновь плачутъ очи тяжкою слезой;
Вновь распростерты Божескія руки
И тмится небо страшною грозой!
То муки братій намъ единовѣрныхъ,
И стонъ церквей въ гоненьяхъ безпримѣрныхъ!

Онъ тѣломъ Божьимъ ихъ велѣлъ назвать,
Онъ самъ — Глава всей вѣры православной!
Съ невѣрными на Церковь воевать —
То подвигъ темный, грѣшный и безславный!

Христіанинъ за турка на Христа!
Христіанинъ — защитникъ Магомета!
Позоръ на васъ, отступники Креста,
Гасители Божественнаго Свѣта!
Но съ нами Богъ! Ура! Нашъ подвигъ святъ,
И за Христа кто жизнь отдать не радъ!

Мечъ Гедеоновъ въ помощь угнетеннымъ,
И во Израиль сильный Судія!
То Царь, Тобой, Всевышній, сохраненный,
Помазанникъ десницы Твоея!
Гдѣ два иль три для Господа готовы,
Господь межъ нихъ, какъ Самъ намъ обѣщалъ.
Насъ милліоны ждутъ Царева слова,
И, наконецъ, Твой часъ, Господь, насталъ!
Звучитъ труба, шумитъ орелъ двуглавый,
И на Царьградъ несется величаво!

Дядюшкинъ сонъ.

Изъ Мордасовскихъ лѣтописей.

Глава I.

Марья Александровна Москалева, — конечно, первая дама въ Мордасовѣ, и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а, напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любитъ, и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но зато ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признакъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любитъ сплетни и не заснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чего-нибудь новенькаго; — отчего она, при всемъ этомъ, умѣетъ себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не придетъ, чтобъ эта сановитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется: сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники — краснѣть и дрожать, какъ школьники передъ господиномъ учителемъ, и разговоръ долженъ пойти не иначе какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про кой-кого изъ мордасовцевъ такія капитальныя и скандалезныя вещи, что разскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она ихъ умѣетъ доказывать,

то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ, она очень молчалива на эти секреты, и разскажетъ ихъ развѣ ужъ въ крайнемъ случаѣ, и то не иначе, какъ самымъ коротким пріятельницамъ. Она только пугнетъ, намекнетъ — что знаетъ, и лучше любитъ держать человѣка или даму въ безпрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика! — Марья Александровна всегда отличалась между нами своимъ безукоризненнымъ comme il faut, съ котораго всѣ берутъ образецъ. Насчетъ comme il faut она не имѣетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ-нибудь однимъ словомъ соперницу, чему мы свидѣтели; а между тѣмъ, покажетъ видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая черта есть уже принадлежность самаго высшаго общества. Вообще, во всѣхъ такихъ фокусахъ, она перещеголяетъ самого Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посѣщавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостью ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжій литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вечерѣ, что произвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одинъ нѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карлсруэ изслѣдовать особенный родъ червячка съ рожками, который водится въ нашей губерніи, и написавшій объ этомъ червячкѣ четыре тома in-quarto, такъ былъ обвороженъ пріемомъ и любезностью Марьи Александровны, что до сихъ поръ ведетъ съ ней почтительную и нравственную переписку изъ са-

маго Карлсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку, ея враги, болѣе для каррикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполнѣ всю странность такого сравненія, я осмѣлюсь, однакоже, сдѣлать одинъ невинный вопросъ: отчего, скажите, у Наполеона закружилась, наконецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники стараго дома приписывали это тому, что Наполеонъ не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не gentilhomme хорошей породы; а потому, естественно, испугался, наконецъ, своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Несмотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя блестящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь прибавить въ свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывали, напримѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: «Ну, какъ-то теперь поступитъ Марья Александровна въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?» Но наступали эти затруднительныя обстоятельства, проходили, и — ничего! Все оставалось благополучно, попрежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, напримѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Аѳанасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за неспособностью и слабоуміемъ, возбудивъ гнѣвъ пріѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Марья Александровна падетъ духомъ, унизится, будетъ просить, умолятъ, однимъ словомъ, опуститъ свои крылышки. Ничуть не бывало: Марья Александровна поняла, что уже ничего больше не выпросишь, и об-

дѣлала свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего вліянія на общество, и домъ ея все еще продолжаетъ считаться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша, Анна Николаевна Антипова, заклятый врагъ Марьи Александровны, хотя и другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфузить, то догадались, что она гораздо глубже пустила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ уже о немъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и объ Аѳанасіи Матвѣичѣ, супругѣ Марьи Александровны. Во-первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности, и даже очень порядочныхъ правилъ; но въ критическихъ случаяхъ онъ какъ-то теряется и смотритъ какъ баранъ, который увидалъ новыя ворота. Онъ необыкновенно сановитъ, особенно на имянинныхъ обѣдахъ, въ своемъ бѣломъ галстукѣ. Но вся эта сановитость и представительность — единственно до той минуты, когда онъ заговоритъ. Тутъ ужъ, извините, хоть уши заткнуть. Онъ рѣшительно не достоинъ принадлежать Марьѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣніе. Онъ и на мѣстѣ сидѣлъ единственно только черезъ геніальность своей супруги. По моему крайнему разумѣнію, ему бы давно пора въ огородъ пугать воробьевъ. Тамъ, и единственно только тамъ, онъ бы могъ приносить настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна превосходно поступила,ославъ Аѳанасія Матвѣича въ подгородную деревню въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у нея сто двадцать душъ, — мимоходомъ сказать, все состояніе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно

поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Аѳанасія Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ служилъ и получалъ жалованье и . . . другіе доходы. Когда же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ же и удалили, за негодностью и совершенною безполезностью. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Аѳанасій Матвѣичъ живетъ припѣваючи. Я заѣзжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому что любитъ, чтобъ сапоги у него блестѣли; три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любитъ ходить въ баню и — доволенъ. Помните ли, какая гнусная исторія заварилась у насъ, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Аѳанасьевны, единственной дочери Марьи Александровны и Аѳанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ, почему до сихъ поръ Зина не замужемъ, — одною изъ главныхъ считаютъ эти темные слухи о какихъ-то странныхъ ея связахъ, полтора года назадъ, съ уѣзднымъ учителишкой, — слухи, не умолкнувшіе и понынѣ. До сихъ поръ говорятъ о какой-то любовной запискѣ, написанной Зиной, и которая будто бы ходила по рукамъ въ Мордасовѣ; но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда жъ она дѣлась? Всѣ о ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто бы своими глазами видѣлъ эту

записку. Если вы намекнете объ этомъ Марьѣ Александровнѣ, она васъ просто не пойметъ. Теперь предположите, что дѣйствительно что-нибудь было, и Зина написала записочку (я даже думаю, что это было непремѣнно такъ): какова же ловкость со стороны Марьи Александровны! Каково замято, затушено неловкое, скандалезное дѣло! Ни слѣда, ни намека! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобъ спасти неприкосновенною честь своей единственной дочери. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали ль вы гдѣ такую красавицу изъ красавицъ? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорятъ, что сватается Мозгляковъ, но врядъ ли быть свадьбѣ. Что же такое Мозгляковъ? Правда — молодъ, недуренъ собою, франтъ, полтораста незаложенныхъ душъ, петербургскій. Но вѣдь, во-первыхъ, въ головѣ не всѣ дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораста душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ! Не бывать этой свадьбѣ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умиленія. Признаюсь заранѣе, я нѣсколько пристрастенъ къ Марьѣ Александровнѣ. Мнѣ хотѣлось написать что-нибудь въ родѣ похвальнаго слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ прочихъ

повременныхъ изданіяхъ. Но такъ какъ у меня нѣтъ никакого пріятеля, и, кромѣ того, есть нѣкоторая врожденная, литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ, — и вдругъ въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Марьи Александровны. Послѣдствія этого пріѣзда были неисчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и неизгладимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переворотъ въ нашемъ городѣ. Разсказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, составляетъ одну изъ многознаменательнѣйшихъ страницъ въ мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшился, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, обработать литературнымъ образомъ и представить на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ полную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марьи Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего нужно объяснить: что удивительнаго въ томъ, что въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился у Марьи Александровны, — а для этого, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ и о самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому же біографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. Итакъ, приступаю.

Глава II.

Начну съ того, что князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, невольно приходила мысль, что онъ сію минуту развалится: до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князѣ всегда разсказывались чрезвычайно странныя вещи, самаго фантастическаго содержанія. Говорили даже, что старичекъ помѣшался. Всѣмъ казалось особенно страннымъ, что помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ извѣстнымъ родствомъ, который бы могъ имѣть, если бъ захотѣлъ, значительное вліяніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, совершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя назадъ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и увѣряли, что онъ тогда терпѣть не могъ уединенія и отнюдь не былъ похожъ на затворника.

Вотъ, однакоже, все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь, жуировалъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, пѣлъ романсы,

каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ разстроилъ все свое состояніе и въ старости увидѣлъ себя вдругъ почти безъ копейки. Кто-то посовѣтовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали продавать съ публичнаго торга. Онъ отправился и пріѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно понравилась, и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухлопалъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребковъ, продолжая жуировать и заводя разныя интимности съ губернскими барынями. Человѣкъ онъ былъ къ тому же добрѣйшій, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ особенныхъ княжескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностью самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постоянномъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Сохранилось много любопытныхъ воспоминаній. Разсказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта; бѣлился и румянился ежедневно. Увѣряли, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ, и что эти пружины были, какимъ-то особеннымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣряли еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похожденія, въ Италіи.

Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломали ему при какомъ-то другомъ похожденіи, въ Парижѣ, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ, мало ли чего не разскажутъ? Но вѣрно было, однакоже, то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланный. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, душился и помадился. Помнятъ, однакоже, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыносимо болтливъ. Казалось, что карьера его оканчивалась. Всѣ знали, что у него уже не было ни копейки. И вдругъ въ это время, совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ образомъ не могъ ожидать наслѣдства,—умерла, похоронивъ, ровно за мѣсяцъ до своей смерти, своего законнаго наслѣдника. Князь, совершенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ наслѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣнія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, достались ему одному, безраздѣльно. Онъ немедленно собрался, для окончанія своихъ дѣлъ, въ Петербургъ. Провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ, по подпискѣ. Помнятъ, что князь былъ очаровательно веселъ на этомъ послѣднемъ обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, разсказывалъ самые необыкновенные анекдоты, обѣщался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Духаново (свое новопріобрѣтенное имѣніе) и давалъ слово, что по возвращеніи у него будутъ безпрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки.

Цѣлый годъ послѣ его отъѣзда, дамы толковали объ этихъ обѣщанныхъ праздникахъ, ожидая своего милаго старичка съ ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи же, составлялись даже поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и садъ, съ выстриженными изъ акацій львами, съ насыпными курганами, съ прудами, по которыхъ ходили лодки, съ деревянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдками, съ павильонами, съ монплезирами и другими затѣями.

Наконецъ, князь воротился, но, къ всеобщему удивленію и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а поселился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ. Распространились странные слухи, и, вообще, съ этой эпохи исторія князя становится туманною и фантастическою. Во-первыхъ, разсказывали, что въ Петербургѣ ему не совсѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ, будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхлопотать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно, изъ боязни, что онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполовину умершій и поддѣльный, вороятно, скоро и весь умретъ, и тогда имѣніе достанется имъ и безъ сумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало ли чего не наскажутъ, особенно у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ разсказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали къ нему съ по-

здравленіями, но — или не были приняты, или приняты чрезвычайно страннымъ образомъ. Князь даже не узналъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждали, что онъ не хотѣлъ узнавать. Посѣтилъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь дѣйствительно немного помѣшанъ, и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину при воспоминаніи о своей поѣздкѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали, наконецъ, одну капитальную вещь, именно: что княземъ овладѣла какая-то неизвѣстная Степанида Матвѣевна, Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ нимъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ; что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ, и не смѣетъ ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками, балуетъ его, носитъ и тѣшитъ, какъ ребенка; что, наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали было понемногу заѣзжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали объ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшаетъ управителей, приказчиковъ, прислугу, собираетъ доходы; но что управляетъ она хорошо, такъ что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что же касается до самого князя, то узнали, что дни его проходятъ почти сплошь за туалетомъ, въ примѣриваніи париковъ и фраковъ; что остальное время онъ проводитъ съ Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка

выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылѣ, при чемъ Степанида Матвѣевна непремѣнно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на всякій случай, — потому что князь ѣздитъ верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдлѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, широкополой шляпѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышкомъ въ глазу и съ соломенной корзинкой на лѣвой рукѣ, для собиранія грибковъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея, и ѣдетъ, на всякій случай, коляска. Когда же встрѣчается съ нимъ мужикъ, и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сіятельство, наше красное солнышко!» — то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: «Bonjour, mon ami, bonjour!», и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ; князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ! Каково же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марьи Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значитъ? Иные собирались уже ѣхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣздъ князя казался диковинкой. Дамы пересылались записками, собирались съ визитами, посылали своихъ горничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ каза-

лось, отчего именно князь остановился у Марьи Александровны, а не у кого другого? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антипова, потому что князь приходился ей какъ-то очень дальней родней. Но, чтобъ разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно непремѣнно зайти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожаловать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Насъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она непремѣнно.

Глава III.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Марьи Александровны, на большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которую хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Марьи Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. Въ мебели, довольно неуклюжей, преобладаетъ красный цвѣтъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дурного вкуса. Между окнами, въ простѣнкахъ, два зеркала, съ которыхъ успѣли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на столикахъ, опять часы. У задней стѣны — превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина — музыкантша. Около затопленнаго камина разставлены кресла, по возможности въ живописномъ безпорядкѣ; между ними маленькій столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью ослѣпительной бѣлизны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенькій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Марьи Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна

Зяблова. Два слова объ этой дамѣ. Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ живыми темно-карими глазами. Вообще недурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки. У ней двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей бы очень хотѣлось выйти еще разъ замужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ. Сама Марья Александровна сидитъ у камина, въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа и въ свѣтло-зеленомъ платьѣ, которое къ ней идетъ. Она ужасно обрадована пріѣздомъ князя, который въ эту минуту сидитъ наверху, за своимъ туалетомъ. Она такъ рада, что даже не старается скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется молодой человѣкъ и что-то съ одушевленіемъ разсказываетъ. По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слушательницамъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Манеры его были бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ того, съ большой претензіей на юморъ и остроту. Одѣтъ отлично, бѣлокуръ, недуренъ собою. Но мы уже говорили о немъ: это господинъ Мозгляковъ, подающій большія надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у него немного пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрасно. Онъ искатель руки ея дочери, Зины, въ которую, по его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обращается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку своимъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо холодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ, у рояля, и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя

производятъ всеобщее восторженное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша до невозможности: росту высокаго, брюнетка, съ чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею, дивною грудью. Ея плечи и руки — античныя, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного блѣдна; но зато ея пухленькія, алыя губки, удивительно обрисованныя, между которыми свѣтятся, какъ нанизанный жемчугъ, ровные маленькіе зубы, будутъ вамъ три дня сниться во снѣ, если хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе ея серьезно и строго. Мсье Мозгляковъ какъ будто боится ея пристальнаго взгляда; по крайней мѣрѣ, его какъ-то коробитъ, когда онъ осмѣливается взглянуть на нее. Движенія ея свысока небрежны. Она одѣта въ простое, бѣлое, кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ; впрочемъ, къ ней все идетъ. На ея пальчикѣ кольцо, сплетенное изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту — не изъ маменькиныхъ; Мозгляковъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молчалива и даже грустна, какъ будто чѣмъ-то озабочена. Зато Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хоть изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь какимъ-то особеннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, но, впрочемъ, дѣлаетъ это украдкой, какъ будто и она тоже боится ея.

— Я такъ рада, такъ рада, Павелъ Александровичъ, — щебечетъ она, — что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю ужъ о томъ миломъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщаннаго; это ужъ само собой! Я ужасно рада

тому, что вы привезли сюда этого милаго князя Знаете ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! Вы не поймете меня! Вы молодежь, не поймете моего восторга, какъ бы я ни увѣряла васъ! Знаете ли, чѣмъ онъ былъ для меня въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ, помнишь, Зина? Впрочемъ, я и забыла: ты тогда гостила у тетки... Вы не повѣрите, Павелъ Александровичъ: я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ребенокъ! Было что-то наивное, нѣжное и облагороженное въ нашей связи; что-то даже какъ будто пастушеское... Я ужъ и не знаю, какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнитъ теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностью, се pauvre prince! Знаете ли, Павелъ Александровичъ, что вы, можетъ быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушеніемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ, эта чудовищная женщина околдовала, погубила его. Но, наконецъ-то, вы его вырвали изъ этихъ клещей! Нѣтъ, надобно воспользоваться случаемъ и спасти его совершенно! Но разскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давеча я, впопыхахъ, обратила только вниманіе на главное дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи, мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящій сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ прежде обращаю вниманіе на мелочи... и... покамѣстъ онъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ...

— Да все то же, что уже разсказывалъ, Марья Александровна! — съ готовностью подхватываетъ

Мозгляковъ, готовый разсказывать хоть въ десятый разъ, — это составляетъ для него наслажденіе. — Ѣхалъ я всю ночь, разумѣется, всю ночь не спалъ, — можете себѣ представить, какъ я спѣшилъ! — прибавляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ, — однимъ словомъ, бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже буянилъ изъ-за лошадей на станціяхъ; если бъ напечатать, вышла бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ вкусѣ! Впрочемъ, это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, пріѣзжаю на послѣднюю станцію, въ Игишево. Издрогъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ грудным ребенкомъ: теперь, кажется, у ней пропало молоко . . . Восходъ солнца очаровательный. Знаете, эта морозная пыль алѣетъ, серебрится! Не обращаю ни на что вниманія; однимъ словомъ, спѣшу напропалую! Лошадей взялъ съ бою: отнялъ у какого-то коллежскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, съѣхалъ со станціи какой-то князь, ѣдетъ на своихъ, ночевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегіи. Ровно въ девяти верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынь, вижу, произошло удивительное событіе. Огромная дорожная карета лежитъ на боку, кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ проѣхать мимо: лежи себѣ на боку; не здѣшняго прихода! Но превозмогло человѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне, вездѣ суется съ своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ — тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ обра-

зомъ, вшестеромъ, подымаемъ, наконецъ, экипажъ, ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нѣтъ, потому что онъ на полозьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ѣхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! Онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! Кричу ему: князь! Дядюшка! Онъ, конечно, почти не узналъ меня съ перваго взгляда; впрочемъ, тотчасъ же почти узналъ... со второго взгляда. Признаюсь вамъ однакоже, что едва ли онъ и теперь понимаетъ — кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другого, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разумѣется, я тогда былъ мальчишка. Я-то его запомнилъ; онъ меня поразилъ,— ну, а ему-то гдѣ жъ меня помнить! Рекомендуюсь; онъ въ восхищеніи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей Богу, плачетъ: я видѣлъ это собственными глазами! То да сё, — уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хоть на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободриться и отдохнуть. Онъ соглашается безпрекословно... Объявляетъ мнѣ, что ѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонаху Мисаилу, котораго чтитъ и уважаетъ; что Степанида Матвѣевна, а ужъ изъ насъ, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣевну? — она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала; что эта Степанида Матвѣевна получила письмо, такого содержанія, что у ней, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не интересуюсь знать; можетъ быть, и отецъ, и дочь вмѣстѣ; можетъ быть, еще съ прибавкою какого-нибудь племянника, служащаго по

питейной части... Однимъ словомъ, она до того была оконфужена, что дней на десять рѣшилась распроститься съ своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутствіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ было на картахъ (можетъ быть, даже и на бобахъ); но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣевны! Приказалъ лошадей и покатилъ въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ, боясь невидимой Степаниды Матвѣевны, осмѣлился было возразить; но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игишевѣ, со станціи съѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Марьѣ Александровнѣ; онъ говоритъ про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама изъ всѣхъ, которыхъ онъ когда-нибудь зналъ, и вотъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь наверху свой туалетъ, съ помощью своего камердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, или, лучше сказать — исправленій... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! — вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ, — какъ онъ это мило разсказываетъ! — Но послушайте, Поль, одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство съ княземъ! Вы называете его дядей?

— Ей Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется, седьмая вода, можетъ

быть, даже и не на киселѣ, а на чемъ-нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ нисколько, а виновата во всемъ это тетушка Аглая Михайловна. Впрочемъ, тетушкѣ Аглаѣ Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и протурила меня ѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила бы сама! Просто запросто, я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшній день, по крайней мѣрѣ...

— Но я все-таки повторю, что только одинъ Богъ могъ васъ надоумить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что бы съ нимъ было, бѣдняжкой, если бъ онъ попалъ къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его бы здѣсь расхватали, разобрали по косточкамъ, съѣли! Бросились бы на него, какъ на рудникъ, какъ на розсыпь, — пожалуй, обокрали бы его! Вы не можете представить себѣ, какіе здѣсь жадные, низкіе и коварные людишки, Павелъ Александровичъ!..

— Ахъ, Боже мой, да къ кому жъ его и привезти, какъ не къ вамъ! Какія вы, Марья Александровна!—подхватываетъ Настасья Петровна, вдова, разливающая чай. — Вѣдь не къ Аннѣ же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Однакожъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно, — говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣніи вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да, я думаю, онъ еще пять часовъ будетъ тамъ одѣваться! Къ тому же, такъ какъ у него совершенно нѣтъ памяти, то онъ, можетъ быть, и забылъ, что пріѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что вы!

— Вовсе не что вы, Марья Александровна, а сущая правда! Вѣдь это полукомпозиція, а не человѣкъ. Вы его видѣли шесть лѣтъ назадъ, а я часъ тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полупокойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забыли похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, и говоритъ на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы, однакоже, вѣтренникъ, какъ я васъ послушаю! — восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ. — И какъ не стыдно вамъ, молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже о его безпримѣрной добротѣ, — и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное выраженіе, — вспомните, что это остатокъ, такъ сказать, обломокъ нашей аристократіи. Другъ мой, mon ami! Я понимаю, что вы вѣтренничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы безпрерывно толкуете. Но, Боже мой! Я и сама — вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе вашего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды! Онъ старичекъ, и потому на ваши глаза смѣшонъ! Мало того: вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно же что-нибудь сдѣлать для вѣка, и все это оттого, что вы начитались тамъ какого-нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шек-

спиръ давнымъ давно уже отжилъ свой вѣкъ, и если бъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ бы въ нашей жизни ни строчки! Если есть что-нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кулькѣ князь, князь и въ лачугѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитріевны чуть ли не дворецъ себѣ выстроилъ, — и все-таки онъ только мужъ Натальи Дмитріевны и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитріевна, хоть пятьдесятъ кринолиновъ на себя налѣпи, — все-таки останется прежней Натальей Дмитріевной, и нисколько не прибавитъ себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю не чужою ему, — а дурное то дитя, которое маратъ свое гнѣздо! Но, впрочемъ, вы сами дойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искренни, а такъ только, модничаете. Впрочемъ, я заболталась. Побудьте здѣсь, mon cher Paul, я сама схожу наверхъ и узнаю о князѣ. Можетъ быть, ему надо чего-нибудь, а вѣдь съ моими людишками...

И Марья Александровна поспѣшно вышла изъ комнаты, вспомня о своихъ людишкахъ.

— Марья Александровна, кажется, очень рады, что князь не достался этой франтихѣ, Аннѣ Николаевнѣ. А вѣдь увѣряла все, что родня ему. То-то разрывается, должно быть, теперь отъ досады! — замѣтила Настасья Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ, и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяблова тотчасъ догадалась и вышла, какъ будто за дѣломъ, изъ комнаты. Она,

впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала подслушивать.

Павелъ Александровичъ тотчасъ же обратился къ Зинѣ. Онъ былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинаида Аѳанасьевна, вы не сердитесь на меня? — проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ.

— На васъ? За что же? — сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній пріѣздъ, Зинаида Аѳанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли... Вы мнѣ снились даже во снѣ. Я прилетѣлъ узнать мою участь... Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужели и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинаида дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ,— отвѣчала она, снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада. — И такъ какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то чѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, то есть просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ, — я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать обѣщаніе быть вашею женою. Этого не требуютъ насильно, Павелъ Александровичъ. Но, чтобы успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣтьте еще: обнадеживая васъ теперь на благопріятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что снисходительна къ вашему нетерпѣнію и безпокойству. Повторяю, что хочу остаться совершенно свободною въ

своемъ рѣшеніи, и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны обвинять меня, что я васъ обнадеживала. Итакъ, знайте это.

— Итакъ, что же, что же это! — вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ. — Неужели это надежда! Могу ли я извлечь хоть какую-нибудь надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Ѳанасьевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала, и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля! Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, а говорю только: ждите. Но повторяю вамъ, я оставляю за собой полное право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александровичъ: если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобъ дѣйствовать окольными путями, надѣясь на постороннюю протекцію, напримѣръ, хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ разсчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите ли это? А теперь — довольно и, пожалуйста, до извѣстнаго времени не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ будто заранѣе заученная. Мсье Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею, почти тотчасъ же, госпожа Зяблова.

— Онъ, кажется, сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю! — Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже прислала навѣдаться. Ея Анютка прибѣгала на кухню и разспрашивала. То-то злится теперь! — возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! — сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой. — Точно я интересуюсь знать, что думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте, не буду никого подсылать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николаевны, да и не вы одна, а всѣ въ городѣ? Я на васъ сошлюсь, Павелъ Александровичъ! Вы знаете насъ обѣихъ, — ну изъ чего я буду врагомъ ея? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней, поздравить ее съ ея первенствомъ. И, наконецъ, — все это несправедливо. Я заступлюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клевещутъ. За что вы всѣ на нее нападаете? Она молода и любитъ наряды, за это, что ли? Но, по-моему, ужъ лучше наряды, чѣмъ что-нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитріевна, которая — такое любитъ, что и сказать нельзя. За то ли, что Анна Николаевна ѣздитъ по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія, и ей, конечно, тяжело раскрыть, напримѣръ, книгу или заняться чѣмъ-нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? Она смѣшитъ въ танцахъ, — соглашаюсь! Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она прекрасно полькируетъ? На ней невозможныя наколки и шляпки, — но чѣмъ же виновата она, что ей Богъ не далъ вкуса, а, напротивъ, далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо приколоть къ волосамъ конфетную бумаж-

ку, она и приколетъ. Она сплетница, — но это здѣшняя привычка; кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ѣздитъ Сушиловъ съ своими бакенбардами и утромъ, и вечеромъ и чуть ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще бы мужъ козырялъ въ карты до пяти часовъ утра! Къ тому же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ, это еще, *можетъ быть,* и клевета. Словомъ, я всегда, всегда заступлюсь за нее!.. Но, Боже мой! Вотъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вижу, mon prince! — вскричала Марья Александровна и бросилась навстрѣчу вошедшему князю.

Глава IV.

Съ перваго, бѣглаго взгляда вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и только взглянувъ поближе и пристальнѣе, увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобъ закостюмировать эту мумію въ юношу. Удивительный парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣленое и нарумяненное необыкновенно искусно, и на немъ почти нѣтъ морщинъ. Куда онѣ дѣлись? — Неизвѣстно. Одѣтъ онъ совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей Богу не знаю, что именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстукъ, жилетъ, бѣлье и все прочее, — все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь немного прихрамываетъ, но прихрамываетъ такъ ловко, какъ будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стеклышко, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный. — Князь пропитанъ духами. Разговаривая, онъ какъ-то особенно протягиваетъ иныя слова, — можетъ быть, отъ старческой немощи, можетъ быть, оттого, что всѣ

зубы вставные, можетъ быть, и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произноситъ необыкновенно сладко, особенно напирая на букву *э*. *Да* у него какъ-то выходитъ *ддэ*, но только еще немного послаще. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученное въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь отъ этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого-то неяснаго воспоминанія, въ видѣ какой-то пережитой, отпѣтой старины, которую, увы! не воскресятъ никакіе косметики, корсеты, парфюмеры и парикмахеры. И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣе признаемся, что старичокъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ завирается. Нужно даже умѣнье, чтобъ съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и при видѣ князя приходитъ въ неизреченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! — восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло. — Садитесь, садитесь, князь! Шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, mon cher prince! Но, — чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, бла-го-дарю, вин-новатъ! — шепелявилъ князь (мы забыли сказать, что онъ немного шепелявитъ, но и это дѣлаетъ какъ будто по модѣ. — Ви-но-ватъ! и представьте себѣ, еще прошлаго года не-пре-мѣнно хотѣлъ сюда ѣхать, —

прибавляетъ онъ, лорнируя комнату. — Да напугали: тутъ, говорятъ, хо-ле-ра была . . .

— Нѣтъ, князь, у насъ не было холеры, — говоритъ Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій падежъ, дядюшка! — вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмѣриваетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну да, скотскій падежъ, или что-то въ этомъ родѣ . . . Я и остался. Ну, какъ вашъ мужъ, моя Милая Анна Николаевна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-нѣтъ, князь, — говоритъ Марья Александровна, немного заикаясь. — Мой мужъ не про-куроръ . . .

— Бьюсь объ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николаевну Антипову, — вскрикиваетъ догадливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну какъ будто всю покоробило.

— Ну, да, да, Анну Николаевну, и . . . и . . . (я все забываю!) Ну да, Антиповну, именно Антиповну, — подтверждаетъ князь.

— Н-нѣтъ, князь, вы очень ошиблись, — говоритъ Марья Александровна съ горькой улыбкой. — Я вовсе не Анна Николаевна и, признаюсь, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывшій другъ, Марья Александровна Москалева. Помните, князь, Марью Александровну?. .

— Марью А-лекс-анд-ровну! Представьте себѣ! А я именно по-ла-галъ, что вы-то и есть (какъ ее) — ну, да! Анна Васильевна . . . C'est délicieux! Зна-

читъ, я не туда заѣхалъ! А я думалъ, мой другъ, что ты именно ве-зешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. C'est charmant! Впрочемъ, это со мной часто случается... Я часто не туда заѣзжаю. Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, что бъ ни случилось. Такъ вы не Настасья Васильевна? Это интересно...

— Марья Александровна, князь, Марья Александровна! О, какъ вы виноваты передо мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну да, луч-шаго друга... pardon, pardon! — шепелявилъ князь, заглядывая на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще незнакомы, князь. Ея не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните, въ —мъ году?

— Это ваша дочь! Charmante, charmante! — бормочетъ князь, съ жадностью лорнируя Зину. — Mais quelle beauté! — шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чаю, князь, — говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчика, у котораго пухленькія и розовыя щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ? — говоритъ онъ. — Какой хо-ро-шень-кій мальчикъ!.. И-и-и вѣрно хо-ро-шо... ведетъ себя?

— Но, князь, — поспѣшно перебиваетъ Марья Александровна, — я слышала объ ужаснѣйшемъ происшествіи! Признаюсь, я была внѣ себя отъ испуга... Не ушиблись ли вы? Смотрите! Этимъ пренебрегать невозможно...

— Вывалилъ! Вывалилъ! Кучеръ вывалилъ! — восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевле-

ніемъ. — Я уже думалъ, что наступаетъ свѣтопреставленіе, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что, — прости меня, угодникъ! — Небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не ожидалъ! Совсѣмъ не о-жи-далъ! И во всемъ этомъ мой кучеръ Ѳе-о-филъ виноватъ! Я ужъ на тебя во всемъ надѣюсь, мой другъ: распорядись и розыщи хорошенько. Я у-вѣ-ренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! — отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ, — все розыщу! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка его для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прощу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою поку-шался! Онъ и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ. Вообразите: нахвата-лся, знаете, какихъ-то новыхъ идей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось . . . Однимъ словомъ: коммунистъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужъ и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ, какую вы правду сказали, князь, — восклицаетъ Марья Александровна. — Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людишекъ! Вообразите: я теперь перемѣнила двухъ изъ моихъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто боюсь съ ними съ утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ они глупы, князь!

— Ну да, ну да! Но, признаюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ,—замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ. — Къ лакею это какъ-то идетъ, — и даже составляетъ его достоинство, если онъ чистосердеченъ и глупъ. Разумѣется, въ иныхъ только слу-ча-яхъ. Са-но-ви-

тости въ немъ оттого какъ-то больше, тор-жественность какая-то въ лицѣ у него является; однимъ словомъ, благовоспитанности больше, а я прежде всего требую отъ *человѣка* бла-го-вос-питанности. Вотъ, у меня Те-рен-тій есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тія? Я, какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему съ перваго раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! Смотритъ какъ баранъ на воду! Но какая са-новитость, какая торжественность! Кадыкъ такой свѣтлорозовый! Ну, а — вѣдь это въ бѣломъ галстукѣ, и во всемъ парадѣ, составляетъ эффектъ. Я душевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засматриваюсь: рѣшительно диссертацію сочиняетъ, — такой важный видъ! Однимъ словомъ, настоящій нѣмецкій философъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный comme il faut для служащаго человѣка!..

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлеченіемъ и даже хлопаетъ въ ладоши. Павелъ Александровичъ вторитъ ей отъ чистаго сердца: его чрезвычайно занимаетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь! — восклицаетъ Марья Александровна. — Какая драгоцѣнная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!.. И исчезнуть изъ общества, запереться на цѣлыхъ пять лѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить фон-Визина, Грибоѣдова, Гоголя...

— Ну да, ну да! — говоритъ вседовольный князь, — я могу повто-рить... и, знаете, я былъ

необыкновенно остроуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-виль написалъ. Тамъ было нѣсколько вос-хи-тительныхъ куплетовъ! Впрочемъ, его никогда не играли . . .

— Ахъ, какъ бы это мило было прочесть! И, знаешь, Зина, вотъ теперь бы кстати! У насъ же собираются составить театръ, — для патріотическаго пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ . . . вотъ бы вашъ водевиль!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать . . . впрочемъ, я его совершенно забылъ. Но, помню, тамъ было два-три каламбура такихъ, что . . . (и князь поцѣловалъ свою ручку). И вообще, когда я былъ за гра-ни-цей, я производилъ нас-то-ящій fu-rore. Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-гѣ. Восхитительно танцовалъ краковякъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! Помилуйте, дядюшка, что вы?

— Ну да, лордъ Байронъ. Впрочемъ, можетъ быть, это былъ и не лордъ Байронъ, а кто-нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно припоминаю. И преори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ какой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельно танцовалъ краковякъ и, наконецъ, сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ случай, стихи сочинилъ:

Нашъ полякъ
Танцовалъ краковякъ...

А тамъ . . . а тамъ, вотъ ужъ дальше и не припомню . . .

А какъ ногу сломалъ,
Танцовать пересталъ.

— Ну, ужъ вѣрно такъ, дядюшка! — восклицаетъ Мозгляковъ, все болѣе и болѣе приходя въ вдохновеніе.

— Кажется, что такъ, другъ мой, — отвѣчалъ дядюшка, — или что-нибудь подобное. Впрочемъ, можетъ быть, и не такъ, но только преудачные вышли стишки . . . Вообще, я теперь забылъ нѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ же вы все это время занимались въ вашемъ уединеніи, — интересуется Марья Александровна. — Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince, что, признаюсь, на этотъ разъ сгораю нетерпѣніемъ узнать объ этомъ подробнѣе . . .

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много за-ня-тій. Когда — отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи . . .

— У васъ, должно быть, чрезвычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я иногда такое воображу, что даже самъ себѣ потомъ у-дивляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ . . . A propos! Вѣдь ты, кажется, кадуевскимъ вице-губернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка? Помилуйте, что вы! — восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! А я тебя все принималъ за вице-губернатора, да и думаю: что жъ это у него какъ будто бы вдругъ стало совсѣмъ другое ли-цо?.. У того, знаешь, было лицо такое о-са-нистое, умное. Не-о-бык-новенно умный былъ человѣкъ, и все стихи со-чи-нялъ, на разные случаи. Немного, этакъ съ боку на бубноваго короля былъ похожъ . . .

— Нѣтъ, князь, — перебиваетъ Марья Александровна — клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слыхать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите спросите изъ тѣхъ, кто вамъ преданъ, и вамъ всякій скажетъ, что вы — погибшій человѣкъ!

— Неужели? — восклицаетъ князь.

— Увѣряю васъ; я говорю вамъ, какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что память о прошломъ для меня священна! Какая выгода была бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь, — иначе вы заболѣете, вы истощите себя, вы умрете . . .

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро умру! — восклицаетъ испуганный князь, — и представьте себѣ, вы угадали: меня чрезвычайно мучитъ геммороѣ, особенно съ нѣкотораго времени . . . И когда у меня бываютъ припадки, то вообще у-дивительные при этомъ симптомы (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу) . . . Во-первыхъ . . .

— Дядюшка, это вы въ другой разъ разскажете, — подхватываетъ Павелъ Александровичъ, — а теперь . . . не пора ли намъ ѣхать?

— Ну да! Пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю . . . Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды . . . Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ ужо вечеромъ разскажу одинъ случай въ под-роб-ности . . .

— Но послушайте, князь, вамъ бы попробовать лѣчиться за границей, — перебиваетъ еще разъ Марья Александровна,

— За границей! Ну да, ну да! Я непремѣнно поѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было у-ди-вительно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, француженкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю жизнь. Но, впрочемъ, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ нѣмецкій баронъ; онъ еще потомъ, нѣкоторое время, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

— Но cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серьезно подумать о своемъ здоровьѣ. За границей такіе медики . . . и, сверхъ того, чего стоитъ уже одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить, хоть на время, ваше Духаново.

— Неп-ре-мѣнно! Я уже давно рѣшился, и, знаете, намѣренъ лѣчиться гид-ро-па-тіей.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лѣчился разъ гид-ропатіей. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барыня, я ужъ фамилію забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь, лѣтъ пятидесяти, вдова, съ бѣльмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вы-шелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила, и за то подъ судомъ была. Вотъ и вздумали онѣ меня водой лѣчить. Я, признаюсь, ничѣмъ не былъ боленъ; ну, пристали ко мнѣ: «лѣчись, да лѣчись!» Я, изъ деликатности, и началъ пить воду; думаю: и въ самомъ дѣлѣ легче сдѣ-лается. Пилъ-пилъ, пилъ-пилъ, выпилъ цѣлый водопадъ, и, знаете, эта гидропатія полезная вещь

и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что, если бъ я, наконецъ, не забо-лѣлъ, то, увѣряю васъ, что былъ бы совершенно здоровъ...

— Вотъ это совершенно справедливое заключенье, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! Какіе вы вопросы задаете! — строго замѣчаетъ скандализированная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я и философіи обучался въ Германіи, весь курсъ прошелъ, но только тогда же все совершенно забылъ. Но... признаюсь вамъ... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я... весь разстроенъ. Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь...

— Но куда же вы, князь? — вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Я только записать одну новую мысль... au revoir...

— Каковъ? — вскрикиваетъ Павелъ Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣнье.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, чему вы смѣетесь! — начинаетъ она съ горячностью. — Смѣяться надъ почтеннымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать на смѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою! — Я краснѣла за васъ, Павелъ Александровичъ! Но, скажите, чѣмъ онъ смѣшонъ по-вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшного.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговаривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой

адской женщины. Его надо жалѣть, а не смѣяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узналъ; вы были сами свидѣтелемъ. Это уже, такъ сказать, — вопіетъ! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю ему ѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, броситъ эту... торговку!

— Знаете ли что? Его надо женить, Марья Александровна! — восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Опять! Но вы неисправимы послѣ этого, мсье Мозгляковъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серьезно! Почему жъ не женить? Это тоже идея! C'est une idée comme une autre! Чѣмъ можетъ это повредить ему, скажите пожалуйста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону, онъ еще можетъ жениться. Во-первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохи (извините за выраженіе). Во-вторыхъ, и, главное — представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку, или, еще лучше, вдову, милую, добрую, умную, нѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ, какъ дочь, и пойметъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своей женою. А что же ему лучше, какъ не родное, какъ не искреннее и благородное существо, которое безпрерывно будетъ подлѣ него, вмѣсто этой... бабы. Разумѣется, она должна быть хорошенькая, потому что дядюшка до сихъ поръ еще любитъ хорошенькихъ. Вы замѣтили, какъ онъ заглядывался на Зинаиду Афанасьевну?

— Да гдѣ же вы найдете такую невѣсту? —

спрашиваетъ Настасья Петровна, прилежно слушавшая.

— Вотъ такъ сказали: да хоть бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во-первыхъ — вы хорошенькая, во-вторыхъ, вдова, въ-третьихъ — благородная, въ-четвертыхъ — бѣдная (потому что вы, дѣйствительно, небогатая), въ-пятыхъ — вы очень благоразумная дама, слѣдственно будете любить его, держать его въ хлопочкахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфектами, все это ровно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бренный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а можетъ быть, и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы княгиня, вдова, богачка и, въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза, или за генералъ-интенданта! C'est joli, не правда ли?

— Фу ты, Боже мой! Да я бы, мнѣ кажется, влюбилась въ него, голубчика, изъ одной благодарности, если бъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе, — восклицаетъ госпожа Зяблова, и томные выразительные глаза ея засверкали, — только все это — вздоръ!

— Вздоръ? Хотите, это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенько и потомъ палецъ мнѣ отрѣжьте, если сегодня не будете его невѣстою! Да нѣтъ ничего легче уговорить или сманить на что-нибудь дядюшку! Онъ все говоритъ: «Ну да, ну да!» — Сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй, обманемъ и женимъ; да вѣдь для его же пользы, помилосердуйте!.. Хоть бы вы принарядились на всякій случай, Настасья Петровна!

Восторгъ мсье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У госпожи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли, однакоже, слюнки.

— Да ужъ я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка, — отвѣчаетъ она. — Совсѣмъ опустилась, давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ Грибусье... А что, въ самомъ дѣлѣ, я кухаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миною въ лицѣ. Я не ошибусь, если скажу, что она слушала странное предположеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ, она опомнилась.

— Все это, положимъ, очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а главное — совершенно некстати, — рѣзко перерываетъ она Мозглякова.

— Но почему же, добрѣйшая Марья Александровна, почему же это вздоръ и некстати?

— По многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь — мой гость, и что я никому не позволю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! Вотъ и князь!

— Вотъ и я! — кричитъ князь, входя въ комнату. — Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ идей. А другой разъ, можетъ быть, ты и не повѣришь тому, какъ будто ихъ совсѣмъ не бы-ваетъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это, дядюшка, вѣроятно, отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы, и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому же приписываю и нахожу этотъ случай даже по-лез-нымъ; такъ что

я рѣшился простить моего Θео-фи-ла. Знаешь что? Мнѣ кажется, что онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? При томъ же онъ и безъ того недавно наказанъ, когда ему бороду сбрили.

— Бороду сбрили, дядюшка! Но у него борода съ нѣмецкое государство?

— Ну да, съ нѣмецкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ за-клю-че-ніяхъ. Но это искусственная. И, представьте себѣ, какой случай; вдругъ присылаютъ мнѣ прейсъ-курантъ. Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйшія кучерскія и господскія боро-ды, равномѣрно бакенбарды, эспаньолки, усы и проч., и все это лучшаго ка-че-ства и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, выпишу бо-роду, хоть поглядѣть — что такое? Вотъ и выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно борода заглядѣніе! Но оказывается, что у Θеофила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется, возникло недоумѣніе: сбрить ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшилъ, что ужъ лучше носить искусственную.

— Вѣроятно потому, что искусство выше натуры, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили! Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора ли ѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору! — въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна. — Вы теперь *мой,* князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я,

конечно, ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ быть, вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ разочаровывать: къ тому же я вполнѣ увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, нянька на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣтъ, вы не знаете вполнѣ этихъ людей, по крайней мѣрѣ, до времени!..

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все какъ я вамъ обѣщалъ, такъ будетъ, — говоритъ Мозгляковъ.

— Ужъ вы, вѣтренникъ! Положись на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ деревнѣ! Какъ бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любитъ!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? — спрашиваетъ князь.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы забывчивы, князь! Но вы совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Аѳанасій Матвѣеичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните, князь: Аѳанасій Матвѣичъ?..

— Аѳанасій Матвѣичъ! Въ деревнѣ, представьте себѣ, mais c'est délicieux! Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный, однакоже, случай! Это точь-въ-точь какъ есть одинъ водевиль: мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! Только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется, въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ, выходитъ какъ-то очень смѣшно.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка,— подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну-ну! Да-да! Благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь, Charmant, charmant! Такъ что оно и складно выходитъ. Ты всегда въ риѳму попадаешь, мой милый! То-то, я помню: въ Ярославль или въ Кострому, но только куда-то тоже поѣхала! Charmant, charmant! Впрочемъ, я немного забылъ, о чемъ началъ говорить... Да! Итакъ, мы ѣдемъ, другъ мой. Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle, — прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цѣлуя кончики своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе! — кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

Глава V.

— Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухнѣ, — говоритъ она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ изверг Никитка непремѣнно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ . . .

Настасья Петровна повинуется. Уходя, она подозрительно взглядываетъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней какое-то необыкновенное волненіе. Вмѣсто того, чтобъ идти присмотрѣть за извергомъ Никиткой, — Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда коридоромъ въ свою комнату, оттуда въ темную комнатку, вродѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшана кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважину и подслушиваетъ. Эта дверь — одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ остались теперь Зина и ея маменька, — всегда наглухо заперта и заколочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не поцеремонится и

подслушать. Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресла и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ, и какая-то непріятная тоска начинаетъ щемить ея сердце.

— Зина!

Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маменькѣ, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ сегодня *этотъ* Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете, какъ я о немъ думаю, — нехотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, mon enfant; но, мнѣ кажется, онъ становится какъ-то ужъ слишкомъ навязчивъ съ своими . . . исканіями.

— Онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня, и навязчивость его извинительна.

— Странно! Ты прежде не извиняла его такъ . . . охотно. Напротивъ, всегда на него нападала, когда я заговорю объ немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и непремѣнно хотѣли, чтобъ я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина: я желала тебя видѣть за Мозгляковымъ. Мнѣ тяжело было ви-

дѣть твою безпрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (что бы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по ночамъ. Я увѣрена, наконецъ, что одна только значительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна эта должна быть — замужество. Мы небогаты и не можемъ ѣхать, напримѣръ, за границу. — Здѣшніе ослы удивляются, что тебѣ двадцать три года, и ты не замужемъ, и сочиняютъ объ этомъ исторіи. Но неужели жъ я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника, или за Ивана Ивановича, нашего стряпчаго? Есть ли для тебя здѣсь мужья? Мозгляковъ, конечно, пустъ, но онъ все-таки лучше всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтораста душъ; это все-таки лучше, чѣмъ жить крючками да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него мои взгляды. Но, клянусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему симпатіи. Я увѣрена, что самъ Всевышній предупреждалъ меня. И если бы Богъ послалъ, хоть теперь, что-нибудь лучше, — о! Какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! Ты вѣдь сегодня не сказала ему навѣрно, Зина?

— Къ чему такъ кривляться, маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? — раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! И ты могла сказать такое слово матери? Но, что я! Ты давно уже не вѣришь своей матери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью.

— Э, полноте, маменька! Намъ ли съ вами за слово спорить! Развѣ мы не понимаемъ другъ друга? Было, кажется, время понять!

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобъ устроить судьбу твою!

Зина взглянула на мать насмѣшливо и съ досадою.

— Ужъ не хотите ли вы меня выдать за этого князя, чтобъ *устроить* судьбу мою? — спросила она съ странной улыбкой.

— Я ни слова не говорила объ этомъ, но къ слову скажу, что если бъ случилось тебѣ выйти за князя, то это было бы счастьемъ твоимъ, а не безумiемъ . . .

— А я нахожу, что это просто вздоръ! — запальчиво воскликнула Зина. — Вздоръ! Вздоръ! Я нахожу еще, маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическихъ вдохновенiй, вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ безпрерывно проекты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаетъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо женить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что вы объ этомъ думаете и теперь съ этимъ же ко мнѣ подъѣзжаете. Но, такъ какъ ваши безпрерывные проекты на счетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоѣдать, начинаютъ мучить меня, то прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ ни слова, слышите ли, маменька, — ни слова, и я бы желала, чтобъ вы это запомнили! — Она задыхалась отъ гнѣва.

— Ты дитя, Зина, раздраженное, больное дитя! — отвѣчала Марья Александровна, растроганнымъ, слезящимся голосомъ. — Ты говоришь со

мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь, а я мать и, прежде всего, христіанка. Я должна терпѣть и прощать. Но одно слово, Зина, если бъ я и дѣйствительно мечтала объ этомъ союзѣ, — почему именно ты считаешь все это вздоромъ? По-моему, Мозгляковъ никогда не говорилъ умнѣе давешняго, когда доказывалъ, что князю необходима женитьба, — конечно, не на этой чумичкѣ Настасьѣ. Тутъ ужъ онъ заврался.

— Послушайте, маменька! Скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебѣ такимъ вздоромъ?

— Ахъ, досада! Вѣдь достанется же такая судьба! — восклицаетъ Зина, топнувъ ногою отъ нетерпѣнія. — Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ нелѣпостяхъ, — воспользоваться тѣмъ, что старикашка выжилъ изъ ума, обмануть его, выйти за него, за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги, и потомъ каждый день, каждый часъ желать его смерти, по-моему, это не только вздоръ, но, сверхъ того, такъ низко, такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! А помнишь ли, что было два года назадъ? — спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька! — сказала она строгимъ голосомъ, — вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не напоминать объ этомъ!

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это обѣщаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушала. Зина! Пришло время полнаго объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.. Я готова на колѣняхъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь, Зина: родная мать умоляетъ тебя на колѣняхъ! Вмѣстѣ съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое — слово несчастной матери, обожающей свою дочь, что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже если бъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь — это необходимо!

Марья Александровна разсчитывала на полный эффектъ.

— Говорите, — сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему маленькому брату, ходилъ учитель . . .

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно не нужны, которыя тяжелы, и которыя намъ обѣимъ слишкомъ извѣстны? — съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это же все дѣло совершенно съ другой точки зрѣнія, а не съ той ошибочной точки, съ которой ты привыкла смо-

трѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывесть. — Не думай, дитя мое, что я хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ, Зина, ты найдешь во мнѣ настоящую мать, и, можетъ быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, у ногъ *низкой женщины,* какъ ты сейчасъ назвала меня, сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно до сихъ поръ отвергала. Вотъ почему я хочу высказать все, Зина, все съ самаго начала; иначе я молчу!

— Говорите, — повторила Зина, отъ всего сердца проклиная потребность краснорѣчія своей маменьки.

— Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣзднаго училища, почти еще мальчикъ, производитъ на тебя совершенно непонятное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твое благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество (потому что надо же все говорить), чтобы хоть что-нибудь подозрѣвать между вами. И вдругъ ты приходишь ко мнѣ и рѣшительно объявляешь, что намѣрена выйти за него замужъ! Зина! Это былъ кинжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но . . . ты все это помнишь! Разумѣется, я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Подумай: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, кропатель дрянныхъ стишонковъ, которые, изъ жалости, печатаютъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», и умѣющій только толковать объ этомъ проклятомъ Шекспирѣ, — этотъ мальчикъ — твой мужъ, мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его пастушковъ!

Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводитъ меня изъ себя! Я отказала ему, но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопалъ глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія, но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками; уже обрадовались, уже затрубили во всѣ рога, и вдругъ всѣ мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то ссоритесь; онъ оказывается самымъ недостойнымъ тебя... мальчишкой (я никакъ не могу назвать его человѣкомъ!) и грозитъ тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ извѣстно и это обстоятельство! Мнѣ все, все извѣстно! Несчастный, въ тотъ же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодяю Заушину и, черезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельнаго врага моего. Въ тотъ же вечеръ этотъ сумасшедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ нелѣпую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибѣгаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ знать о твоемъ позорѣ! Я пересилила себя, я не упала въ обморокъ, — но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина. Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья требуетъ двѣсти рублей серебромъ, и за это клянется достать обратно письмо.

Я сама, въ легкихъ башмакахъ, по снѣгу, бѣгу къ жиду Бумштейну и закладываю мой фермуаръ — память праведницы, моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и — честь твоя спасена, — доказательствъ нѣтъ! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить ужасный день! На другой же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ на головѣ моей. Зина! Ты сама разсудила теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь соглашаешься и, можетъ быть, съ горькою улыбкою, что было бы вѣрхомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучаешься, дитя мое; ты не можешь забыть его, или, лучше сказать, не его, — онъ всегда былъ недостоинъ тебя, — а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ; говорятъ, онъ въ чахоткѣ, а ты — ангелъ доброты! — Ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобъ не растерзать его сердца, потому что онъ до сихъ поръ еще мучится ревностью, хотя я увѣрена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглякова, онъ шпіонилъ, подсылалъ, выспрашивалъ. Ты щадишь его, дитя мое, я угадала тебя, и Богъ видитъ, какими горькими слезами обливала я подушку мою!..

— Да оставьте все это, маменька! — прерываетъ Зина, въ невыразимой тоскѣ. — Очень понадобилась тутъ ваша подушка, — прибавляетъ она съ колкостью. — Нельзя безъ декламацій да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на ме-

ня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, каюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность какъ на романтизмъ, навѣянный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который, какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудитъ меня за мой тогдашній испугъ, за принятыя мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, видя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю и цѣню твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣрена, что ты любишь не его, этого неестественнаго мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои возвышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ, въ теперешнемъ твоемъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ слушала всю эту длинную декламацію, отлично зная, что маменька никогда не впадаетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серьезно положили выдать меня за этого князя? — вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою. — Стало быть, это уже не однѣ мечты, не проекты, а

твердое ваше намѣреніе? Стало быть, я угадала? И... и... какимъ образомъ это замужество спасетъ меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И... и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили, — со всей этой исторіей?.. Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, mon ange, какъ можно не понимать всего этого! — восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь. — Во-первыхъ, — ужъ одно то, что ты переходишь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставляешь навсегда этотъ отвратительный городишко, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ нѣтъ у тебя ни привѣта, ни друга, гдѣ оклеветали тебя, гдѣ всѣ эти сороки ненавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь даже ѣхать этой же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамбра, гдѣ Гвадалквивиръ, а не здѣшняя скверная рѣченка, съ неприличнымъ названіемъ...

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не безпокойся объ этомъ, мой ангелъ, я знаю, что я говорю. Но, — позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое,* теперь *второе:* я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала бы руку этому Мозглякову...

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою! — отвѣчала съ горячностью Зина, и глаза ея засверкали.

— И если бъ ты знала, какъ я понимаю твое отвращеніе, другъ мой! Ужасно поклясться передъ

алтаремъ Божіимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ потребуетъ твоей любви; онъ для того и женится, я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каково же притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отецъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость, и сколько разъ ты видѣла слезы мои!

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста, — отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашняя его заступница. Ахъ, Зина! У меня все сердце замирало, когда я, изъ разсчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его любить . . . любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви . . .

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ, вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать, неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого, и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года ѣли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну, что жъ? Придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будетъ!

— Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога, не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право! Позволь мнѣ посмотрѣть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два, и, по-моему, лучше ужъ быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужъ о томъ, что ты, по смерти его, — кня-

гиня, свободна, богата, независима! Другъ мой, ты, можетъ быть, съ презрѣніемъ смотришь на всѣ эти разсчеты, — разсчеты на смерть его! Но — я мать, а какая мать осудитъ меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до сихъ поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ, конечно, пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по разсчету, по необходимости. Наконецъ, онъ пойметъ . . . то есть я просто хочу сказать, что, по смерти князя, ты можешь опять выйти замужъ, за кого хочешь . . .

— Попросту выходитъ: выйти замужъ за князя, обобрать его и разсчитывать потомъ на его смерть, чтобъ выйти потомъ за любовника. Хитро вы подводите ваши итоги! Вы хотите соблазнить меня, предлагая мнѣ . . . Я понимаю васъ, маменька, вполнѣ понимаю! Вы никакъ не можете воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ видѣ. Сказали бы лучше прямо и просто: «Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласись на нее!» Это, по крайней мѣрѣ, было бы откровеннѣе.

— Но зачѣмъ же, дитя мое, смотрѣть непремѣнно съ этой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія. Ты считаешь мои разсчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святаго, гдѣ же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты,—

ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшіе годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крапива, эта гнусная женщина, которая околдовала его и съ жадностью сосетъ его соки! Неужели жъ его деньги, его княжество стоятъ дороже тебя? Гдѣ же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь, что говоришь, Зина!

— Вѣрно стоятъ, коли надо выходить за калѣку! Обманъ — всегда обманъ, маменька, какія бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! На это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрой милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что оно не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой, болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святостью, — и Богъ благословитъ тебя. Этотъ старикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонятъ; я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если ужъ все говорить! — Но согрѣй его сердце, и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣшонъ, — не смотри на это. Онъ получеловѣкъ, — пожалѣй его; ты христіанка! Принудь себя; такіе подвиги нудятся. На нашъ взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отвратительно дышать заражен-

нымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лѣкарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ, — и ты залѣчишь раны свои. Гдѣ же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты, можетъ быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долгѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять, какъ я, женщина свѣтская, суетная, могла имѣть сердце, чувства, правила? Что жъ? Не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласись, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголъ, представь, что тебѣ говоритъ какой-нибудь невидимый голосъ... Тебя, главное, смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая-нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помоги хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онъ не приметъ никакой помощи, — проговорила Зина тихо, какъ бы про себя.

— Онъ не приметъ, но мать его приметъ, — отвѣчала торжествующая Марья Александровна,— она приметъ тихонько отъ него. Ты продала свои серьги, теткинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ; я это знаю. Я знаю, что старуха стираетъ бѣлье на людей, чтобъ кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не нужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь, — подхватила Марья Александровна, и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе осѣнило ее: — знаю, про что

ты говоришь. Говорятъ, что онъ въ чахоткѣ и скоро умретъ. Но кто же это говоритъ? Я, надняхъ, нарочно спрашивала о немъ Калиста Станиславича, я интересовалась о немъ, потому что у меня есть сердце, Зина. Калистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь, конечно, опасна, но что онъ до сихъ поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чахоткѣ, а такъ только, довольно сильное грудное разстройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ бы выздоровѣть. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Испаніи,— и это я еще прежде слышала, даже читала, — что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, кажется, Малага, — однимъ словомъ, похоже на какое-то вино, — гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совсѣмъ выздоравливали отъ одного климата, и что туда нарочно ѣздятъ лѣчиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но ужъ одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти испанцы на своихъ мулахъ! — Одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на натуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ для этого путешествія? Такъ обмани его, если тебѣ жаль! Обманъ простителенъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагородному, Зина; ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его, и потому — все позволительно! Ты воскресишь его надеждою; онъ самъ

начнетъ обращать вниманіе на свое здоровье, лѣчиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣетъ, то ты, хоть и не выйдешь за него, — все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ, можно и на него взглянуть съ состраданіемъ! Можетъ быть, судьба научила и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достоинъ тебя, — пожалуй, и выйди за него, когда овдовѣешь.. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылѣчивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, если бъ вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, нищета, дранье за уши мальчишекъ, потому что это сопряжено съ его должностью, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ, воскресивъ его, ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели; простивъ ему, ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты, открывъ ему новую жизнь, простивъ ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣетъ, то умретъ счастливый, примиренный съ собою, на рукахъ твоихъ, потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты, увѣренный въ любви твоей, прощенный тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О, Зина! Все это въ твоихъ рукахъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ, — и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувства Зины; мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная, въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери, она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ она могла находиться и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотрогивалась до самыхъ больныхъ мѣстъ сердца Зины, и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойтись безъ выставки благородныхъ чувствъ, которыя, конечно, не ослѣпили Зину. «Но что за нужда, она мнѣ не вѣритъ», — думала Марья Александровна, — «только бы ее заставить задуматься! Только бы ловчѣе намекнуть, о чемъ мнѣ прямо нельзя говорить!»— Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь волновалась.

— Послушайте, маменька, — сказала она, наконецъ, рѣшительно, хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость. — Послушайте, маменька . . .

Но въ это мгновеніе внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней, и рѣзкій, крикливый голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставилъ вдругъ Зину остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ, Боже мой! — вскричала она, — чертъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ! — прибавила она, чуть не въ отчаяніи. — Но . . . но невозможно теперь не принять ее! Невозможно! Она, навѣрно,

съ вѣстями, иначе не посмѣла бы и явиться. Это важно, Зина! Мнѣ надо знать... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать! — Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! — закричала она, бросаясь навстрѣчу вошедшей гостьѣ! — Какъ это вамъ вздумалось вспомнить обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-ро-ва-тельный сюрпризъ!

Зина убѣжала изъ комнаты

Глава VI.

Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесятилѣтняя дама, съ остренькими глазками, въ веснушкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣльцѣ ея, помѣщенномъ на тоненькихъ, крѣпкихъ воробьиныхъ ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была зловѣщая и мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ отставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того выпивала по четыре рюмки водки утромъ и по стольку же вечеромъ, и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Антипову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитріевну Паскудину, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, mon ange, — защебетала она. — Я вѣдь напрасно и сѣла. Я заѣхала только разсказать, какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съ ума сошелъ отъ

этого князя! Наши пройдохи — vous comprenez! — его ловятъ, ищутъ, тащатъ его нарасхватъ, шампанскимъ поятъ, — вы не повѣрите! Не повѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете ли, что онъ теперь у Натальи Дмитріевны?

— У Натальи Дмитріевны! — вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ: — да вѣдь онъ къ губернатору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ быть, къ Аннѣ Николаевнѣ, и то ненадолго!

— Ну да, ненадолго; вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аннѣ Николаевнѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у ней, а Наташка, которая теперь отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь!

— А что жъ... Мозгляковъ? Вѣдь онъ обѣщался...

— Дался вамъ этотъ Мозгляковъ! Хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда же! Посмотрите, если его въ картишки тамъ не засадятъ, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ; облупятъ, какъ липку. А какія она вещи распускаетъ, Наташка-то! Вслухъ, кричитъ, что вы завлекаете князя, ну тамъ... для извѣстныхъ цѣлей, — vous comprenez? Сама ему толкуетъ объ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидитъ какъ мокрый котъ, да на всякое слово: «ну да! ну да!» А сама-то, сама-то! вывела свою Соньку — вообразите: пятнадцать лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водитъ! Все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить... Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ коротенькомъ платьѣ, только еще выше

колѣнъ, — я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя шапочки съ перьями, — ужъ не знаю, что это изображаетъ! — И подъ фортепіано заставили обѣихъ пиголицъ передъ княземъ плясать казачка! Ну, вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: «формы», говоритъ, «формы»! Въ лорнетку на нихъ смотритъ, а онѣ-то отличаются, двѣ сороки! Раскраснѣлись, ноги вывертываютъ, такой монплезиръ пошелъ, что люли, да и только! Тьфу! Это — танецъ! Я сама танцовала съ шалью, при выпускѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарни,—такъ я благородный эффектъ произвела! Мнѣ сенаторы аплодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда, сгорѣла, сгорѣла! Я просто не высидѣла!..

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитріевны? Вѣдь вы...

— Ну да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais ma chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ жъ бы я его увидала? Поѣхала бы я къ ней, кабы не этотъ скверный князишка! Представьте себѣ: всѣмъ шоколадъ подаютъ, а мнѣ нѣтъ, и все время со мной хоть бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая! Вотъ я жъ ей теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Мнѣ надо непремѣнно застать Акулину Панфиловну и ей разсказать... Только вы теперь такъ и проститесь съ княземъ! Онъ ужъ у васъ больше не будетъ. Знаете, памяти-то у него нѣтъ, такъ Анна Николаевна непремѣнно къ себѣ его перетащитъ! Онѣ всѣ

боятся, чтобъ вы не того . . . Понимаете? Насчетъ Зины . . .

— Quelle horreur!

— Ужъ это я вамъ говорю! Весь городъ объ этомъ кричитъ. Анна Николаевна непремѣнно хочетъ оставить его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, mon ange. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня: обѣдъ готовятъ, ножами стучатъ... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней поѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первой обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ея! Чтобъ надъ вами смѣялась эта пройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моей не стоитъ, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансіонѣ мадамъ Жарни воспитывалась . . . тьфу! Mais adieu, mon ange! У меня свои сани, а то бы я съ вами вмѣстѣ поѣхала . . .

Ходячая газета исчезла, Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совѣтъ полковницы былъ чрезвычайно ясенъ и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда. Но оставалось еще самое главное затрудненіе. Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, сложивъ накрестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы, но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремила на мать. Она поспѣшно скрыла слезы, и саркастическая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, — сказала она, предупреждая Марью Александровну: — сейчасъ вы истратили со мною много вашего краснорѣчія, слишкомъ много.

Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, не имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправдывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными цѣлями, — все это такое іезуитство, которое не могло обмануть меня. Слышите: это не могло меня обмануть, и **я хочу**, чтобъ вы это непремѣнно знали!

— Но, mon ange! . . . — вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать меня до конца. Несмотря на полное сознаніе того, что все это только одно іезуитство; несмотря на полное мое убѣжденіе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка, — я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: *вполнѣ,* и объявляю вамъ, что готова выйти за князя и даже готова помогать всѣмъ вашимъ усиліямъ, чтобъ заставить его на мнѣ жениться. Для чего я это дѣлаю?! Вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствія, чтобъ загладить передъ нимъ мою низость; я употреблю все на свѣтѣ, чтобъ онъ не раскаявался въ томъ, что женился на мнѣ! Но, взамѣнъ моего рѣшенія, я требую, чтобъ вы откровенно сказали мнѣ: какимъ образомъ вы все это устроите? Если вы начинали такъ настойчиво говорить объ этомъ, то — я васъ знаю — вы не могли начать, не имѣя въ головѣ какого-нибудь опредѣленнаго плана. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни; откровенность — непремѣнное условіе! Я не могу рѣшиться, не зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожиданнымъ заключеніемъ Зины, что нѣкоторое время стояла передъ ней, нѣмая и неподвижная отъ изумленія, и глядѣла на нее во всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ романтизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь совершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопреки своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно, дѣло принимало необыкновенную прочность, и радость засверкала въ глазахъ ея.

— Зиночка! — воскликнула она въ увлеченіи, — Зиночка! Ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ, Боже мой! Я не прошу вашихъ объятій, маменька, — вскричала Зина съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ; — мнѣ не надо вашихъ восторговъ! Я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь... Вѣдь я для твоего же счастья стараюсь...

И непритворныя слезы заблистали въ глазахъ ея. Марья Александровна, дѣйствительно, любила Зину, *по-своему*, а въ этотъ разъ отъ удачи и отъ волненія чрезвычайно расчувствовалась. Зина, несмотря на нѣкоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи, понимала, что мать ее любитъ, и — тяготилась этой любовью. Ей даже было бы легче, если бъ мать ее ненавидѣла...

— Ну, не сердитесь, маменька, я въ такомъ волненіи, — сказала она, чтобъ успокоить ее.

— Не сержусь, не сержусь, мой ангельчикъ! —

защебетала Марья Александровна, мигомъ оживляясь, — вѣдь я и сама понимаю, что ты въ волненіи. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности . . . Изволь, я буду откровенна, вполнѣ откровенна, увѣряю тебя! Только бы ты-то мнѣ повѣрила! И, во-первыхъ, скажу тебѣ, что вполнѣ опредѣленнаго плана, то есть — во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нѣтъ, Зиночка, да и не можетъ быть; ты, какъ умная головка, поймешь — почему. Я даже предвижу нѣкоторыя затрудненія . . . Вотъ и сейчасъ эта сорока натрещала мнѣ всякой всячины . . . (Ахъ, Боже мой! Спѣшить бы надо!) Видишь, я вполнѣ откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достигну цѣли! — прибавила она въ восторгѣ. — Увѣренность моя вовсе не поэзія, какъ ты давеча говорила, мой ангелъ: она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя, — а вѣдь это такая канва, по которой вышивай что угодно. Главное - чтобъ не помѣшали! Да этимъ ли дурамъ перехитрить меня, вскричала она, стукнувъ рукой по столу и сверкая глазами: — ужъ это мое дѣло! А для этого всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже, чтобъ сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только выслушайте еще одну . . . *откровенность*: знаете ли, почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и не довѣряю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость, но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ

которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непремѣнно такъ будетъ!..

— Но, Зиночка, какая же тутъ особенная подлость, mon ange, — робко возразила было Марья Александровна. — Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть, и все очень благородно покажется...

— Ахъ, маменька, ради Бога, не хитрите со мной! Вы видите, я на все, на все согласна! Ну чего жъ вамъ еще? Пожалуйста, не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ быть, это теперь — единственное мое утѣшеніе.

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть несогласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только, если ты безпокоишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ; клянусь, что на тебя не брызнетъ ни капельки грязи. Я ли захочу тебя компрометировать передъ всѣми? Положись только на меня и все превосходно, преблагородно уладится, главное — преблагородно! Скандала не будетъ никакого, а если и будетъ какой-нибудь маленькій, необходименькій скандальчикъ, — такъ... какъ-нибудь! — Такъ вѣдь мы ужъ будемъ тогда далеко! Вѣдь ужъ здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобъ о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка, но ты не сердись на меня,—какъ это ты, съ твоей гордостью, ихъ боишься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! Вы совершенно меня не понимаете! — отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну, ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-то какой-нибудь одинъ разочекъ въ жизни... да и что я, дура! Вовсе не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ, это даже преблагородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это, Зиночка. Во-первыхъ, повторяю, все оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть...

— Да полноте, маменька, съ вашими доказательствами! — съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! Я опять завралась...

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна смиренно ходила за Зиной и съ безпокойствомъ смотрѣла ей въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотритъ въ глаза своей барынѣ.

— Я даже не понимаю, какъ вы возьметесь за дѣло,—съ отвращеніемъ продолжала Зина.—Я увѣрена, что вы наткнетесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но для васъ это будетъ позоромъ.

— О, если только это тебя безпокоитъ, мой ангелъ, — пожалуйста, не безпокойся! Прошу тебя, умоляю тебя! Только бы мы согласились, а обо мнѣ не безпокойся. Охъ, если бъ ты только знала, изъ какихъ я передрягъ суха выходила? Такія ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! Ну, да позволь хоть только попробовать! Во всякомъ случаѣ, прежде всего, нужно какъ можно скорѣе быть наединѣ съ княземъ. Это самое первое! А все остальное будетъ зависѣть отъ этого! Но ужъ я предчувствую и остальное. Они всѣ возстанутъ, но... это

ничего! Я ихъ сама отдѣлаю! Пугаетъ меня еще Мозгляковъ . . .

— Мозгляковъ? — съ презрѣніемъ проговорила Зина.

— Ну да, Мозгляковъ; только ты не бойся, Зиночка! Клянусь тебѣ, я его до того доведу, что онъ же будетъ намъ помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! Ты еще не знаешь, какая я въ дѣлѣ! Ахъ, Зиночка, душенька! Давеча, какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужъ и загорѣлась мысль въ головѣ! Меня какъ будто разомъ всю освѣтило. И кто жъ, и кто жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ пріѣдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой оказіи! Зиночка! Ангельчикъ! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и калѣку, а въ томъ, если выйдешь за такого, котораго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *дѣйствительно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему жъ, дураку, будетъ выгода, — ему же, дураку, даютъ такое неоцѣненное счастье! Ахъ, какая ты сегодня красавица, Зиночка! Раскрасавица, а не красавица! Да я бы, если бъ была мужчиной, я бы тебѣ полцарства достала, если бъ ты захотѣла! Ослы они всѣ! Ну, какъ не поцѣловать эту ручку? — И Марья Александровна горячо поцѣловала руку дочери. — Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! Да хоть насильно женить его, дурака! А какъ заживемъ-то мы съ тобой, Зиночка! Вѣдь ты не разлучишься со мной, Зиночка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть и ссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки . . .

— Маменька! Если ужъ вы рѣшились, то, можетъ быть, вамъ пора . . . что-нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете! — въ нетерпѣніи сказала Зина.

— Пора, пора, Зиночка, пора! Ахъ! Я заболталась! — схватилась Марья Александровна. — Онѣ тамъ хотятъ совсѣмъ сманить князя. Сейчасъ же сажусь и ѣду! Подъѣду, вызову Мозглякова, а тамъ . . . Да я его силой увезу, если надо! Прощай, Зиночка, прощай, голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное — не грусти! Все прекрасно, преблагородно обдѣлается! Главное, съ какой точки смотрѣть . . . ну, прощай, прощай! . .

Марья Александровна перекрестила Зиночку, выскочила изъ комнаты, съ минутку повертѣлась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ въ своей каретѣ на полозьяхъ, которая ежедневно запрягалась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила en grand.

«Нѣтъ, не вамъ перехитрить меня! — думала она, сидя въ своей каретѣ. — Зина согласна, значитъ половина дѣла сдѣлана, и тутъ — оборваться! Вздоръ! Ай-да Зина! Согласилась-таки, наконецъ! Значитъ и на твою головку дѣйствуютъ иные расчетцы! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но только ужасъ, такъ она хороша сегодня! Да я бы, съ ея красотой, полъ-Европы перевернула по-своему! Ну, да подождемъ . . . Шекспиръ-то слетитъ, когда княгиней сдѣлается, да кой съ чѣмъ познакомится. Что она знаетъ? Мордасовъ да своего учителя! Гм . . . Только какая же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! Взглянетъ —

королева взглянетъ. Ну, какъ, ну какъ не понимать своей выгоды? Поняла жъ, наконецъ! Поймметъ и остальное... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится же, наконецъ, со мной во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня; меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай, городишко! Умретъ этотъ князь, умретъ этотъ мальчишка, и тогда я ее за владѣтельнаго принца выдамъ! Одного боюсь: не слишкомъ ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ ли откровенничала; не слишкомъ ли я расчувствовалась? Пугаетъ она меня, охъ, пугаетъ!»

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать: они были хлопотливы. Но вѣдь говорится же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ руки, задумавшись. О многомъ она передумала. Часто и почти безсознательно повторяла она: «пора, пора, давно пора!» Что значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блистали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ. Она не думала отирать ихъ, — останавливать. Но напрасно безпокоилась ея маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ...

«Постой же!» думала Настасья Петровна, выбираясь изъ своего чуланчика, по отъѣздѣ полковницы. — «А я было и бантикъ розовый хотѣла приколоть для этого князишки! И повѣрила же, дура, что онъ на мнѣ женится! Вотъ тебѣ и бантикъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я нищая, я взятки по двѣсти цѣлковыхъ беру. Еще бы съ тебя упустить не взять, франтиха ты этакая!

Я взяла благороднымъ образомъ; я взяла на сопряженные съ дѣломъ расходы... Можетъ, мнѣ самой пришлось бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя же работала, бѣлоручка ты этакая! Тебѣ бы только по канвѣ вышивать! Погоди жъ, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ объимъ, какова я чумичка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!

Глава VII.

Но Марью Александровну увлекалъ ея геній. Она замыслила великій и смѣлый проектъ. Выдать дочь за богача, за князя и за калѣку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользовавшись слабоуміемъ и беззащитностью своего гостя, выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали бы враги Марьи Александровны, — было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проектъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывалъ изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаивалась. «Изъ такихъ ли передрягъ я суха выходила!» говорила она Зинѣ, и говорила справедливо. Не то какая жъ бы она была героиня?

Безспорно, что все это походило нѣсколько на разбой на большой дорогѣ, но Марья Александровна и на это не слишкомъ-то обращала вниманіе. На этотъ счетъ у ней была одна удивительно вѣрная мысль: «обвѣнчаютъ, такъ ужъ не развѣнчаются», — мысль простая, но соблазнявшая воображеніе такими необыкновенными выгодами, что Марью Александровну, отъ одного уже представленія этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и кололо мурашками. Вообще, она была въ ужасномъ волненіи и сидѣла въ своей каретѣ какъ на иголкахъ. Какъ женщина вдохновенная, одаренная несомнѣннымъ

творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣствій. Но планъ этотъ былъ составленъ вчернѣ, вообще, en grand, и еще какъ-то тускло просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ случаевъ. Но Марья Александровна была увѣрена въ себѣ: она волновалась не страхомъ неудачи, — нѣтъ! Ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣніе, благородное нетерпѣніе сожигало ее при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенія нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ, мордасовцевъ, и, преимущественно, отъ благороднаго общества мордасовскихъ дамъ. Она на опытѣ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ, въ настоящую минуту, можетъ быть, уже знаютъ все изъ ея намѣреній, хотя о нихъ еще никто никому не разсказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ ея домѣ, который, случившись утромъ, не былъ бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно, Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ что случилось на самомъ дѣлѣ, и чего еще не знала она положительно. Около полудня, то есть ровно черезъ три часа по пріѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространились странные слухи. Гдѣ начались они — неизвѣстно, но разошлись они почти мгновенно. Всѣ вдругъ стали увѣрять другъ друга, что

Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданную, двадцатитрехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставкѣ, и что все это уже рѣшено и подписано. Что было причиною такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ попали въ самое сердце ея завѣтныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несообразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такія дѣла очень рѣдко могутъ обдѣлываться въ одинъ часъ, ни очевидная неосновательность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось, — не могли разувѣрить мордасовцевъ. Слухъ разростался и укоренялся съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться именно въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давешнему разговору съ Зиной объ этомъ же самомъ предметѣ. Таково-то чутье провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ бы быть психологомъ и сердцевѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердцевѣдовъ, чрезвычайно многоословъ. Но это въ сторону; это мысль лишняя.

Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блистательнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣли почти еще больше Марьи Александровны, — за что? — Неизвѣстно. Можетъ быть, красота Зины была отчасти тому причиною. Можетъ быть, и то, что Марья Александровна все-таки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля ягода*. Исчезни она изъ города, и — кто знаетъ? О ней бы, можетъ быть, пожалѣли. Она оживляла общество безпрерывными исторіями. Безъ нея было бы скучно. Напротивъ того, Зина держала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть, сама не замѣчая того, вела себя передъ ними невыносимо надменно. И вдругъ теперь эта же самая Зина, про которую даже ходили скандалезныя исторіи, эта надменная, эта гордячка Зина становится милліонеркой, княгиней, войдетъ въ знать. Года черезъ два, когда овдовѣетъ, выйдетъ за какого-нибудь герцога, можетъ быть, даже за генерала; чего добраго — пожалуй, еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ, какъ нарочно, вдовецъ и чрезвычайно нѣженъ къ женскому полу). Тогда она будетъ первая дама въ губерніи, и, разумѣется, одна эта мысль уже была невыносима, и никогда никакая вѣсть не возбудила бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростные крики со всѣхъ сторонъ. Кричали, что это грѣшно, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабо-

умѣемъ; что старика надо спасти отъ кровожадныхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и безнравственность; что, наконецъ, чѣмъ же другія хуже Зины? И другія могли бы точно такъ же выйти за князя. Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна еще только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что возможно, и что даже невозможно, чтобъ воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ же теперь конфисковать князя, такъ что приходится его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хоть и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ, кто поручится, что сегодня, что черезъ два же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подъ такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдутъ въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ, нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было еще и не начато. Вдругъ геніальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марьи Александровны. Объ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновенная, рѣшившись даже на настоящій бой, если бъ только представилась надобность, чтобъ овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣлается, и гдѣ она встрѣтитъ его, но зато она знала навѣрно, что скорѣе Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна іота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать. Если спросятъ: какимъ образомъ, несмотря на всѣ козни враговъ, ей удалось таки настоять на своемъ и оставить Анну Николаевну съ довольно большимъ носомъ? — то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марьи Александровны. Ей ли не одержать побѣду надъ какой-нибудь Анной Николаевной Антиповой? Она просто арестовала князя, уже подъѣзжавшаго къ дому ея соперницы, и, несмотря ни на что, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандала, пересадила старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что, въ рѣшительныхъ случаяхъ, не задумывалась даже передъ скандаломъ, принимая за аксіому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновенію, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно веселъ, острилъ, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитріевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Изверг Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и мало ѣлъ. Онъ о

чемъ-то думалъ и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна была въ большомъ безпокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, украдкой, дѣлала Мозглякову какіе-то странные знаки, которыхъ тотъ совершенно не примѣчалъ. Не будь очаровательно любезной хозяйки, обѣдъ походилъ бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо спѣшить, торопиться, а этотъ «проклятый Мозгляковъ» сидитъ себѣ, какъ болванъ, которому мало заботы, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ-за стола въ страшномъ безпокойствѣ. Каково же было ея изумленіе, радостный испугъ, если можно такъ выразиться, когда Мозгляковъ, только что встали изъ-за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, объявилъ, что ему, — разумѣется, къ его величайшему сожалѣнію, — необходимо сейчасъ же отправиться.

— Куда это? — спросила съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна, — началъ Мозгляковъ съ безпокойствомъ и даже нѣсколько путаясь, — со мной случилась престранная исторія. Я ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать... дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ, вы знаете, — тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердится, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ

Мордасовѣ, а къ нему и носу не показалъ. — «Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай». — Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по-старинному, какъ проснется, въ пятомъ часу. Что мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно, — но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ петли избавилъ, когда тотъ казенныя деньги проигралъ. Онъ и крестилъ-то меня по этому случаю. Если состоится мой бракъ съ Зинаидой Аѳанасьевной, у меня все-таки только полтораста душъ. А вѣдь у него милліонъ, люди говорятъ, даже больше. Бездѣтенъ. Угодишь ему — сто тысячъ по духовной оставитъ. Семьдесятъ лѣтъ, — подумайте!

— Ахъ, Боже мой! Такъ что жъ это вы! Что же вы медлите? — вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость. — Поѣзжайте, поѣзжайте! Этимъ нельзя шутить. То-то я смотрю за обѣдомъ — вы такой скучный! Поѣзжайте, mon ami, поѣзжайте! Да вамъ бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы же сами, Марья Александровна, — въ изумленіи вскричалъ Мозгляковъ, — вы же сами нападали на меня за это знакомство! Вѣдь вы же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ роднѣ съ кабаками, съ подвальными да повѣренными?

— Ахъ, mon ami! Мало ли мы что говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я — не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположеніи духа... Наконецъ, вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я поневолѣ должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія, и — ка-

кая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Поѣзжайте, ни минуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите... да послушайте! Заговорите какъ-нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю, почитаю, да этакъ половчѣе, получше! Ахъ, Боже мой! И у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ бы надо самой догадаться васъ надоумить!

— Воскресили вы меня, Марья Александровна! — вскричалъ восхищенный Мозгляковъ. — Теперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то вѣдь я вамъ просто боялся сказать!.. Ну, прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Аѳанасьевной. Впрочемъ, непремѣнно сюда...

— Благословляю васъ, mon ami! Смотрите же, обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичекъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, неподдѣльное... Au revoir, mon ami, au revoir!

«Да, какъ это хорошо, что его чортъ несетъ! Нѣтъ, это самъ Богъ помогаетъ!» подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павелъ Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже шубу, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы? — сказала она, удерживая его за руку.

— Къ Бородуеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить... Богатый старикъ, оставитъ что-нибудь, надо польстить!..

Павелъ Александровичъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Къ Бородуеву! Ну такъ и проститесь съ невѣстою, — рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ такъ «проститесь»?

— Да такъ! Вы думали она ужъ и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотятъ. Сама слышала!

— За князя? Помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего, помилосердуйте! Вотъ, не угодно ли самимъ посмотрѣть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Ошеломленный Павелъ Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!..

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрно сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Тс! Не говорите громко! Комедія въ томъ, что васъ просто надуваютъ. Давеча, какъ вы отправились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину выйти замужъ за этого князя, говорила, что нѣтъ ничего легче его облапошить и заставить жениться, и такіе крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ онѣ васъ-то обѣ честили! Просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколоть хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожнѣйшее коварство, если такъ! — прошепталъ Павелъ Александровичъ, глу-

пѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку...

— Но, Настасья Петровна, я... я неспособенъ подслушивать.

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ; пришли, такъ ужъ слушайте!

— Но, однакоже...

— А неспособны, такъ и оставайтесь съ носомъ! Васъ же жалѣютъ, а онъ куражится! Мнѣ что! Вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣпя сердце, нагнулся къ щелочкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что съ нимъ происходитъ.

Глава VIII.

— Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитріевны? — спросила Марья Александровна, плотояднымъ взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда, князя тотчасъ же перевели въ «салонъ», въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и пріемы происходили у Марьи Александровны въ этомъ самомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатой. Старичекъ, съ шести бокаловъ, какъ-то весь раскисъ и не крѣпко держался на ногахъ. Зато болталъ безъ умолку. Болтовня въ немъ даже усилилась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная, и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется спать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичекъ какъ-то особенно лакомо поглядывалъ на Зину, и родительское сердце ея затрепетало отъ радости.

— Чрез-вы-чайно весело, — отвѣчалъ князь; — и, знаете, без-по-добнѣй-шая женщина Наталья Дмитріевна, без-по-до-бнѣй-шая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна своими великими планами, но такая звонкая похвала соперницѣ уколола ее въ самое сердце.

— Помилуйте, князь! — вскричала она, сверкая глазами, — если ужъ ваша Наталья Дмитріевна безподобная женщина, такъ ужъ я и не знаю что послѣ этого! Но послѣ этого вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору, и вы увидите цѣлый адъ подъ цвѣтами, цѣлое осиное гнѣздо, гдѣ васъ съѣдятъ и косточекъ не оставятъ!

— Неужели? — воскликнулъ князь, — удивляюсь!

— Но клянусь вамъ въ этомъ! Ah, mon prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана разсказать князю это смѣшное и низкое происшествіе съ этой Натальей на прошлой недѣлѣ, — помнишь? Да, князь, — это про ту самую вашу хваленую Наталью Дмитріевну, которою вы такъ восхищаетесь. О, милѣйшій мой князь! Клянусь, я не сплетница! Но я непремѣнно разскажу это, единственно для того, чтобъ разсмѣшить, чтобъ показать вамъ въ живомъ образчикѣ, такъ сказать, въ оптическое стекло, что здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитріевна. Подали кофе, а я зачѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню, сколько у меня осталось сахару съ серебряной сахарницѣ: она была совершенно полна. Возвращаюсь, смотрю: лежатъ на донышкѣ только три кусочка. Кромѣ Натальи Дмитріевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой камен-

ный домъ и денегъ безсчетно! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества!

— Не-у-же-ли! — воскликнулъ князь, искренно удивляясь. — Какая, однакоже, неестественная жадность! Неужели жъ она все одна съѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобнѣйшая* женщина, князь! Какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да я бы, кажется, умерла въ ту же минуту, въ которую бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну да, да... Только, знаете, она все-таки такая belle femme...

— Наталья-то Дмитріевна! Помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! Что это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо болѣе вкуса...

— Ну да, кадушка... только, знаете, она такъ сложена... Ну, а эта дѣвочка, которая тан-цо-вала, она тоже... сложена...

— Соничка-то? Да вѣдь она еще ребенокъ, князь! Ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну да... только, знаете, такая ловкая, и у ней тоже... такія формы... формируются. Милень-кая такая! И другая, что съ ней тан-цо-ва-ла, тоже... формируется...

— Ахъ, это — несчастная сирота, князь! Они ее часто берутъ.

— Си-ро-та! Грязная, впрочемъ, такая, хоть бы руки вымыла... А, впрочемъ, тоже за-ман-чи-вая...

Говоря это, князь съ какою-то возрастающею жадностью разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— Mais quelle charmante personne! — бормоталъ онъ вполголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина, сыграй намъ что-нибудь, или нѣтъ, лучше спой! Какъ она поетъ, князь! Она, можно сказать, виртуозка, настоящая виртуозка! И если бъ вы знали, князь, — продолжала Марья Александровна вполголоса, когда Зина отошла къ роялю, ступая своей тихою, плавною поступью, отъ которой чуть не покоробило бѣднаго старичка, — если бъ вы знали, какая она дочь! Какъ она умѣетъ любить, какъ нѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну да... чувства... и, знаете ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла бы сравниться по кра-со-тѣ, — перебилъ князь, глотая слюнки. — Это покойная графиня Наинская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неописанной красоты, потомъ еще за своего повара вышла...

— За своего повара, князь!

— Ну да, за своего повара... за француза, за границей. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Видный былъ собой человѣкъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-сика-ми.

— И... и... какъ же они жили, князь?

— Ну да, они хорошо жили. Впрочемъ, они скоро потомъ разошлись. Онъ ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то соусъ поссорились.

— Маменька, что мнѣ играть? — спросила Зина.

— Да ты бы лучше спѣла намъ, Зина. Какъ она поетъ, князь! Вы любите музыку ?

— О, да! Charmant, charmant! Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей съ Бетховеномъ былъ знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь былъ знакомъ съ Бетховеномъ! — кричитъ въ восторгѣ Марья Александровна. — Ахъ, князь! Неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да... мы были съ нимъ на дру-жес-кой но-гѣ. И вѣчно у него носъ въ табакѣ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой-нибудь другой нѣмецъ. Тамъ очень много нѣмцевъ... Впрочемъ, я, кажется, сби-ва-юсь.

— Что же мнѣ пѣть, маменька? — спросила Зина.

— Ахъ, Зина! Спой тотъ романсъ, въ которомъ, помнишь, много рыцарскаго, гдѣ еще эта владѣтельница замка и ея трубадуръ... Ахъ, князь! Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры... Я буду аккомпанировать тебѣ, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ахъ эти замки-замки!

— Ну да... замки. Я тоже люблю замки, — бормочетъ князь въ восторгѣ, впиваясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ. — Но... Боже мой! — восклицаетъ онъ, — это романсъ!.. Но... я знаю этотъ ро-мансъ! Я давно уже слышалъ этотъ романсъ... Это такъ мнѣ на-по-минаетъ... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда запѣла Зина. Пѣла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина пѣла его прекрасно. Ея чистый, звучный контральто проникалъ до сердца. Ея прекрас-

ное лицо, чудные глаза, ея точеные дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, ея волосы, густые, черные, блестящіе, волнующаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная, — все это околдовало бѣднаго старичка окончательно. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, когда она пѣла, онъ захлебывался отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскреснувшими воспоминаніями (а у кого нѣтъ любимыхъ воспоминаній?) — стучало чаще и чаще, какъ уже давно не билось оно . . . Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— O, ma charmante enfant!—вскричалъ онъ, цѣлуя ея пальчики, — vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ . . . Но . . . но . . . o, ma charmante enfant . . .

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея минута.

— Зачѣмъ же вы губите себя, князь? — воскликнула она торжественно. — Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ, и зарыться на всю жизнь въ уединеніе! Убѣжать отъ людей, отъ друзей! Но это непростительно! Одумайтесь, князь! Взгляните на жизнь, такъ сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго, — воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней; — воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ обществѣ межъ людей! Поѣзжайте за границу, въ Италію, въ Испанію — въ Испанію, князь! . . Вамъ нужно руководителя, сердце, которое бы любило, уважало васъ, вамъ со-

чувствовало? Но у васъ есть друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ, и они прибѣгутъ толпами! Я первая брошу все и прибѣгу на вашъ вызовъ. Я помню нашу дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами... и даже, если бъ я была еще моложе, если бъ я была такъ же хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, если бъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne въ свое вре-мя, — проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь, — съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александровна. — У меня тоже есть свой ангелъ-хранитель! И это — она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложеній, не желая разставаться со мною.

— Стало быть, она съ вами поѣдетъ, когда вы бу-дете со-про-вож-дать меня за границу? Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно поѣду за границу, — вскричалъ князь, одушевляясь. — Неп-ре-мѣнно поѣду! И если бъ я могъ льстить себя на-деж-дою... Но она очаровательное, очаро-ва-тельное дитя! О, ma charmante enfant!.. — И князь снова началъ цѣловать ея руки. Бѣдняжка, ему хотѣлось стать передъ ней на колѣни.

— Но... но, князь, вы говорите: можете ли вы льстить себя надеждою? — подхватила Марья Александровна, почувствовавъ новый приливъ краснорѣчія. — Но вы странны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщинъ? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, такъ сказать, обломокъ аристократіи!

Вы — представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и... манеръ! Развѣ Марія не полюбила старика Мазепу? Я помню, я читала, что Лозенъ, этотъ очаровательный маркизъ двора Людовика... я забыла котораго, — уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, побѣдилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!.. И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди какъ вы старѣются? Вы съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизненной силы, блестящихъ манеръ! Но появитесь гдѣ-нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодою женой, съ такой же красавицей, какъ, напримѣръ, моя Зина, — я не о ней говорю, я говорю только такъ, для сравненія, — и вы увидите, какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы — обломокъ аристократіи, она — красавица изъ красавицъ! Вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящемъ обществѣ, вы, съ своей стороны, сыплете остроуміемъ, — да всѣ воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому что всѣ газеты, всѣ фельетоны на водахъ заговорятъ въ одинъ голосъ... Князь, князь! И вы говорите: можете ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны... ну да, ну да!.. Это въ газетахъ...— бормочетъ князь, вполовину не понимая болтовню Марьи Александровны и раскисая все болѣе и болѣе. — Но... ди-тя мое, если вы не устали, — повторите еще разъ тотъ романсъ, который вы сейчасъ пѣли.

— Ахъ, князь! Но у ней есть и другіе романсы еще лучше... Помните, князь, L'hirondelle? Вы вѣроятно слышали?

— Да, помню... или, лучше сказать, я за-

былъ. — Нѣтъ, нѣтъ, прежній ро-мансъ, тотъ самый, который она сейчасъ пѣ-ла! Я не хочу L'hirondelle! Я хочу тотъ романсъ . . . — говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина пропѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ ней на колѣни. Онъ плакалъ.

— O, ma belle châtelaine! — восклицалъ онъ своимъ дребезжащимъ отъ старости и волненія голосомъ. — O, ma charmante châtelaine! O, милое дитя мое! Вы мнѣ такъ много на-пом-нили . . . изъ того, что давно прошло . . . Я тогда думалъ, что все будетъ лучше, чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты . . . съ виконтессой . . . этотъ самый романсъ... а теперь... Я не знаю, что уже теперь...

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его примѣтно одеревенѣлъ. Нѣкоторыхъ словъ почти совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ сильнѣйшей степени расчувствовался. Марья Александровна немедленно подлила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину! — вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ея лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! — вскричалъ старичекъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣняхъ и весь дрожа отъ волненія. — Я ей жизнь готовъ отдать! И если бъ я только могъ надѣ-яться . . . Но подымите меня, я не-мно-го о-слабъ . . . Я . . . если бъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то . . . я . . . она бы мнѣ каждый день пѣла ро-ман-сы, а я бы все смотрѣлъ на нее . . . все смотрѣлъ . . . Ахъ, Боже мой!

— Князь, князь! Вы предлагаете ей свою руку! Вы хотите ее взять у меня, мою Зину, мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери! — Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали... Маменька немного пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однакожъ она молчала, а это — все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться съ своею матерью! — кричала она. — Но теперь — мое сердце предчувствуетъ разлуку. Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на васъ... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!.. О! вы разлучите насъ: я это предчувствую!..

— Я о-бо-жаю ее! — пробормоталъ князь, все еще дрожа, какъ осиновый листикъ.

— Итакъ, ты оставляешь мать свою! — воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча протянула князю свою прекрасную руку и даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Я только теперь на-чи-наю жить, — бормоталъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Зина! — торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйшій, самый благороднѣйшій человѣкъ

изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь; она знаетъ, на горе моему сердцу . . . О! зачѣмъ вы пріѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать, и какая мать осудитъ меня за мою гореcть!

— Маменька, довольно! — прошептала Зина.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я . . .

— Ну да, блеснетъ . . . — бормоталъ князь. — Я только теперь начинаю жить . . . Я хочу, чтобъ сейчасъ же, сію ми-нуту была свадьба . . . я . . . Я хочу послать сейчасъ же въ Ду-ха-но-во. Тамъ у меня бриллі-анты. Я хочу положить ихъ къ ея ногамъ . . .

— Какой пылъ! Какой восторгъ! Какое благородство чувствъ! — воскликнула Марья Александровна. — И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я тысячу разъ буду это говорить! Я внѣ себя, когда вспомню объ этой адской...

— Что жъ мнѣ дѣ-лать, я такъ бо-ялся? — бормоталъ князь, хныча и расчувствовавшись. — Они меня въ су-мас-шед-шій домъ посадить хо-тѣ-ли . . . Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О, изверги! О, безчеловѣчные люди! О, низкое коварство! Князь, — я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но за что же, за что?!

— А я и самъ не знаю за что! — отвѣчалъ старичекъ, отъ слабости садясь на кресло. — Ѝ, знаете, на ба-лѣ былъ и какой-то анекдотъ раз-сказалъ, а имъ не понра-ви-лось. Ну и вышла исторія!

— Неужели только за это, князь?

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты игралъ, съ княземъ Петромъ Демен-тьи-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два ко-ро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-роль! А потомъ ужъ были и да-мы...

— И за это? За это! О, адское безчеловѣчіе! Вы плачете, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подлѣ васъ, мой князь; я не разстанусь съ Зиной, и посмотримъ, какъ они осмѣлятся сказать слово... И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразитъ ихъ. Онъ пристыдитъ ихъ! Они увидятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла бы за сумасшедшаго такая красавица! Теперь вы гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну да, я буду смотрѣть имъ пря-мо въ лицо, — пробормоталъ князь, закрывая глаза.

«Однако, онъ совсѣмъ раскисъ», подумала Марья Александровна. — «Только слова терять!»

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непремѣнно надо успокоиться, отдохнуть отъ этого волненія, — сказала она, матерински нагибаясь къ нему.

— Ну да, я бы хотѣлъ немно-го по-лежать, — сказалъ онъ.

— Да, да! Успокойтесь, князь! Эти волненія... Постойте я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама, если надо. — Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери, — этого ангела, а не женщины! О, зачѣмъ ея нѣтъ теперь между нами! Это была праведница! князь, праведница! — Иначе я не называю ее!

— Пра-вед-ни-ца? C'est joli... У меня тоже была мать... princesse... и — вообразите — необык-новен-но полная была жен-щина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ ска-зать... Я немно-го ослабъ. Adieu, ma charmante enfant!.. Я съ наслажде-ніемъ... я сегодня... завтра... Ну, да все рав-но! au revoir, au revoir! — тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогѣ.

— Осторожнѣе, князь! Обопритесь на мою руку, — кричала Марья Александровна.

— Charmant, charmant! — бормоталъ онъ уходя. — Я теперь только на-чи-наю жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тягость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до тошноты. Она готова была презирать себя. Щеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опустивъ голову, стояла она, не двигаясь съ мѣста. Слезы стыда покатились изъ глазъ ея... Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

Глава IX.

Онъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Такъ-то вы! — вскричалъ онъ, задыхаясь.— Наконецъ-то я узналъ, кто вы такая!

— Кто я такая! — повторила Зина, смотря на него, какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблистали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! — вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все! — повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? Вы подслушивали? — сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Да! Я подслушивалъ! Да, я рѣшился на подлость, но зато я узналъ, что вы самая... Я даже не знаю, какъ и выразиться, чтобъ сказать вамъ... какая вы теперь выходите! — отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хоть бы и слышали, въ чемъ же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять

меня? Какое право имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права!.. Да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы приставали ко мнѣ, я рѣшительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Однакоже, вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ; значитъ, вы удерживали меня про запасъ! Значитъ, вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣзненное ощущеніе, какъ будто отъ острой, пронзительной внутренней боли, но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогоняла, — отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе, — то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ — «нѣтъ», но разглядѣть васъ поближе и «тогда», сказали вы, «тогда, когда вы увѣритесь, что я человѣкъ благородный, можетъ быть, вы мнѣ не откажете». Это были ваши собственныя слова въ самомъ началѣ вашихъ исканій. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣлились сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы обѣщали, и это отвращеніе я не скрыла передъ вами, напротивъ, я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому что сами спрашивали меня: не сер-

жусь ли я за то, что вы раньше пріѣхали? Знайте, что того не завлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и *не хотятъ* скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣлились выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я разсуждала про васъ такъ: «если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ быть человѣкомъ добрымъ, и потому можно выйти за него». Но теперь, убѣдясь, къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще вдобавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ полнаго счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это, Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А, такъ я дуракъ, — кричалъ онъ, — такъ я теперь ужъ дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уѣду, всему городу разскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его допьяна! Всѣмъ разскажу! Узнаете Мозглякова!

Зина вздрогнула и остановилась было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозглякова, въ одну минуту догадалась въ чемъ дѣло и вздрогнула отъ испуга. Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ раззвонитъ по городу, а тайна, хотя бы самое малое время, была необходима! У Марьи Александровны были свои разсчеты. Она мигомъ сообразила всѣ обстоятельства, и планъ усмиренія Мозглякова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, mon ami? — сказала она, подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *mon ami!* — вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, — послѣ того, что вы натворили, да еще: *mon ami!* Моргенъ-фри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ *странномъ* состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! Вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все, что хотите, а не дама! — вскричалъ Мозгляковъ. — Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что-нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! — грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому, покоился князь.

— Но, послушайте, наконецъ, Марья Александровна! — вскричалъ озадаченный Мозгляковъ. — Вы смотрите на меня такъ, какъ будто вы вовсе не виноваты, а какъ будто я же виноватъ передъ вами. Вѣдь это нельзя же-съ!.. Такой тонъ!.. Вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... знаете ли вы это?

— Другъ мой! — отвѣчала Марья Александровна, — вы позволите мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому что у васъ нѣтъ лучшаго друга, какъ я; другъ мой! Вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце, — и потому не удивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣ-

сколько виноватой передъ вами. Садитесь же, поговоримъ.

Голосъ Марьи Александровны былъ болѣзненно мягкій.

Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? — продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

— Да, я подслушивалъ! Еще бы не подслушивать; вотъ бы олухъ-то былъ! По крайней мѣрѣ, узналъ все, что вы противъ меня затѣваете, — грубо отвѣчалъ Мозгляковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гнѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ? — О, Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

— Но, Марья Александровна! — вскричалъ онъ, — это, наконецъ, невыносимо слушать! Вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, — сказала она, не отвѣчая на его вопросы, — кто васъ надоумилъ подслушивать, кто разсказалъ, кто тутъ шпіонилъ? — вотъ что я хочу знать.

— Ну, ужъ извините, — этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? Добра? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Увѣряю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ такъ, что они затрещали.

— Пожалуйста, мой другъ, будьте хладнокровнѣе, если можете. Выслушайте меня внимательно, и вы сами во всемъ согласитесь. Во-первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали бы отъ меня все дѣло до малѣйшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единственно потому, что все дѣло еще было въ проектѣ. Оно могло и не состояться. Видите: я съ вами вполнѣ откровенна. Во-вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія любитъ, и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій отвлечь ее отъ васъ и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія,* — иронически проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ ли долженъ говорить влюбленный? Такъ ли говоритъ, наконецъ, человѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы обѣ дѣлали мнѣ такія сладкія мины, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня ну честить! Вы чернили меня, — вотъ что я вамъ говорю-съ! Я это все знаю, все!

— И, вѣрно, изъ того же грязнаго источника? — замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь. — Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужъ одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ нею, можетъ быть, даже клеветать на васъ, — ужъ одно это доказываетъ,

какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ нея согласіе васъ оставить! Недальновидный человѣкъ! Если бъ она не любила васъ, нужно ли бъ было мнѣ васъ чернить, представлять васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна была употребить власть матери, чтобъ исторгнуть васъ изъ ея сердца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь насъ подслушивали, то должны же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова; пѣла какъ автоматъ. Вся ея душа ныла въ тоскѣ, и я, изъ жалости къ ней, увела, наконецъ, отсюда князя. Я увѣрена, что она плакала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы...

Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вбѣжавъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна? — вскричалъ онъ. — За что вы чернили меня, клеветали на меня, — въ чемъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ если бъ вы сначала благоразумно спрашивали, то давно бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я, и я одна. Зину не мѣшайте сюда. Для чего я сдѣлала? Отвѣчаю: во-первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣетъ связи, и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ,— можетъ быть, даже скоро, потому что мы всѣ болѣе или менѣе смертны, тогда Зина — молодая вдова, княгиня, въ высшемъ обществѣ, и, можетъ быть, очень богата. Тогда она можетъ выйти замужъ за

кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумѣется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило бы ее загладить свой поступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! — промычалъ Мозгляковъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во-вторыхъ, — и объ этомъ я упомяну только вкратцѣ, — продолжала Марья Александровна,— потому что вы этого, можетъ быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него всѣ свои высокія чувства, а на дѣлѣ вы хоть и *очень добры,* но еще слишкомъ молоды, — а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте же: я выдаю Зину за князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрѣйшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ когтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видитъ, что я согласила Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія! Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обаяніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское. Я представила ей, какъ дѣло высокохристіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ быть, остается жить всего одинъ годъ. Не гадкая женщина, не страхъ, не уныніе окружали бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Раемъ показались бы ему эти послѣдніе закатные дни! Гдѣ же тутъ эгоизмъ, — скажите, пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а не эгоизмъ?

— Такъ вы . . . такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія? — промычалъ Мозгляковъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ; онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ быть, думаете, что тутъ іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что жъ? Можетъ быть, въ головѣ моей и были эти разсчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но объ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста, какъ голубь: она не разсчитываетъ; она только умѣетъ любить, — милое дитя мое! Если кто и разсчитывалъ, то это я, и я одна! Но, во-первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не разсчитывалъ бы на моемъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ? Мы разсчитываемъ наши выгоды даже въ великодушнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, разсчитываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя же обманываютъ, увѣряя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ цѣлей, — я разсчитывала. Но спросите, для себя ли я разсчитываю? Мнѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! Я отжила свой вѣкъ. Я разсчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитяти, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблистали въ глазахъ Марьи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну, да, какая мать . . . — проговорилъ онъ,

наконецъ.—Вы хорошо поете, Марья Александровна, — но . . . но вѣдь вы мнѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня . . . Мнѣ-то каково? Подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я о васъ не подумала, mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ разсчетахъ была для васъ такая огромная выгода, что она-то и понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предпріятіе.

— Моя выгода! — вскричалъ Мозгляковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный. — Это какъ?

— Боже мой! — Неужели же можно быть до такой степени простымъ и недальновиднымъ! — вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу. — О, молодость! Молодость! Вотъ что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ, — живя чужимъ умомъ и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать одно отступленіе: Зина васъ любитъ, — это несомнѣнно! Но я замѣтила, что, несмотря на ея очевидную любовь, въ ней таится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что иногда она, какъ бы нарочно удерживаетъ себя и холодна съ вами — плодъ раздумья и недовѣрчивости. Не замѣтили ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня . . . Однако, что же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная недовѣрчивость къ постоянству вашихъ

добрыхъ наклонностей. Я мать — и мнѣ ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите же теперь, что вмѣсто того, чтобъ вбѣжать въ комнату съ упрёками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, гордую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ насчетъ вашихъ дурныхъ наклонностей, — вообразите, что вы бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души . . .

— Гм! . .

— Нѣтъ, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: «Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но формальныя причины разлучаютъ насъ. Я понимаю эти причины. Онѣ для твоего же счастья, и я уже не смѣю возставать противъ нихъ, Зинаида! Я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь!» и тутъ бы вы устремили на нее взоръ, — взоръ заклаемаго агнца, если можно такъ выразиться, — вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели бы эти слова на ея сердце!

— Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ; я это все понимаю . . . но что жъ, — я-то бы сказалъ, а все-таки ушелъ бы безъ ничего!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобы благородно поразить васъ. Вообразите же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ-нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоитель-

ной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ, и среди всего этого праздника, вы одни, грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ-нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ льются упоительные звуки Штрауса, сыплется остроуміе высшаго общества, — а вы одинъ, блѣдный и убитый вашею страстью! Что тогда будетъ съ Зинаидой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? «И я, — подумаетъ она, — я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ, всѣмъ и растерзалъ для меня свое сердце!» Разумѣется, прежняя любовь воскресла бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозгляковъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала.

— Для здоровья князя, Зина ѣдетъ за границу, въ Италію, въ Испанію, — въ Испанію, гдѣ мирты, лимоны, гдѣ голубое небо, гдѣ Гвадалквивиръ, — гдѣ страна любви, гдѣ нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцѣлуи, такъ сказать, носятся въ воздухѣ! Вы ѣдете туда же, за ней; вы жертвуете службой, связями, всѣмъ! Тамъ начинается ваша любовь съ неудержимою силой; любовь, молодость. Испанія,— Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая; но вы, наконецъ, *томитесь,* смотря другъ на друга. Вы меня понимаете, mon ami! Конечно, найдутся низкіе, коварные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что вовсе не родственное чувство къ страждущему старику повлекло васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, придадутъ ей совсѣмъ

другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я ли научу васъ дурному!.. Конечно, князь не въ состояніи будетъ смотрѣть за вами обоими, но, — что до этого! Можно ли на этомъ основывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого жъ выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальній родственникъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть никакихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную, — и въ какое же время? — Когда бракомъ съ ней могли бы гордиться знатнѣйшіе изъ вельможъ! Черезъ нее вы становитесь свой въ самомъ высшемъ кругу общества; черезъ нее вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины. Теперь у васъ полтораста душъ, а тогда вы богаты; князь устроитъ все въ своемъ завѣщаніи; я берусь за это. И, наконецъ, главное, она уже вполнѣ увѣрена въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ чувствахъ, и вы, вдругъ, становитесь для нея героемъ добродѣтели и самоотверженія!.. И вы, и вы спрашиваете послѣ этого, въ чемъ ваша выгода? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобъ не замѣчать, чтобъ не сообразить, чтобъ не разсчитать эту выгоду, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смотритъ на васъ, улыбается вамъ, а сама говоритъ: «это я, твоя выгода!» Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна! — вскричалъ Мозгляковъ въ необыкновенномъ волненіи, — теперь я все понялъ! Я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не разсчетливо, — прибавила Марья Александровна, — главное: не разсчетливо!

— Я оселъ, Марья Александровна, — вскричалъ онъ почти въ отчаяніи. — Теперь все погибло, потому что я до безумія любилъ ее!

— Можетъ быть, и не все погибло, — проговорила госпожа Москалева тихо, какъ будто что-то обдумывая.

— О, если бъ это было возможно! Помогите! Научите! Спасите!

И Мозгляковъ заплакалъ.

— Другъ мой! — съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку: — вы это сдѣлали изъ излишней горячности, отъ кипѣнія страсти, стало быть, отъ любви же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! Вѣдь должна же она понять все это...

— Я до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать! — кричалъ Мозгляковъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею...

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы скажете ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила.

— О, Боже! Какъ вы добры, Марья Александровна!.. Но... нельзя ли это сдѣлать сейчасъ!

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она, такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра же я устрою все, а теперь — уйдите куда-нибудь, хоть къ этому купцу... пожалуй, приходите вечеромъ; но я бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! Вы меня воскрешаете! Но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul. Напротивъ, намъ надобно молить Бога о его

здравіи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! Кажется, здоровье князя ненадежно! Къ тому же придется теперь посѣтить столицу, вывозить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ боюсь, чтобъ это окончательно не довершило его. Но — будемъ молиться, cher Paul, а остальное — въ руцѣ Божіей!.. Вы уже идете! Благословляю васъ, mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное — мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ...

Она крѣпко пожала ему руку, и Мозгляковъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила одного дурака! — сказала она съ торжествомъ. — Остались другіе...

Дверь отворилась, и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька! — сказала она, — кончайте скорѣе, или я не вынесу! Все это до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дому. Не томите же меня, не раздражайте меня! Меня тошнитъ, слышите ли: меня тошнитъ отъ всей этой грязи!

— Зина! Что съ тобою, мой ангелъ? Ты... ты подслушивала! — вскричала Марья Александровна, пристально и съ безпокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Да, подслушивала. Не хотите ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкія роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на главную ни-

зость! Но... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!.. — И она вышла, хлопнувъ дверьми.

Марья Александровна пристально посмотрѣла ей вслѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить! — вскричала она встрепенувшись. — Въ ней главная бѣда, главная опасность, и если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, раззвонятъ по городу, — что ужъ вѣрно и сдѣлано, — то все пропало! Она не выдержитъ этой всей кутерьмы и откажется. Во что бы то ни стало, и немедленно надо увезти князя въ деревню! Слетаю сама сперва, вытащу моего болвана и привезу сюда. Долженъ же онъ хоть на что-нибудь, наконецъ, пригодиться! А тамъ тотъ выспится — и отправимся! — Она позвонила.

— Что жъ лошади? — спросила она вошедшаго человѣка.

— Давно готовы-съ, — отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила наверхъ князя.

Она одѣлась, но прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобъ сообщить ей, въ главныхъ чертахъ, свое рѣшеніе и нѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ; она обливалась слезами и рвала свои длинные, чудные волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней нѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобъ вознаградить себя съ другой стороны, сѣла въ карету и велѣла гнать, что есть мочи.

— Скверно то, что Зина подслушивала! — думала она, сидя въ каретѣ. — Я уговорила Мозглякова почти тѣми же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ быть, оскорбилась... Гм! Но главное, главное успѣть все обдѣлать, покамѣстъ не пронюхали! Бѣда! Ну, если на грѣхъ моего дурака нѣту дома!..

И при одной этой мысли ею овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Аѳанасію Матвѣичу; она ворочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади мчали ее во всю прыть.

Глава X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марьи Александровны, еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула геніальная мысль. Объ этой мысли мы обѣщали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и какъ можно скорѣе увезти его въ подгородную деревню, гдѣ безмятежно процвѣталъ блаженный Аѳанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необъяснимое безпокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли. Какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. «А ужъ разъ въ деревнѣ, — разсуждала она, — такъ тутъ хоть весь городъ вверхъ ногами!» Конечно, и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все, хотя мы, конечно, не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ впослѣдствіи про мою героиню ея злоумышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи. Однимъ словомъ, она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвѣнчать Зину съ княземъ. Средства же были подъ руками. Обвѣнчать

могъ на дому и деревенскій священникъ. Можно было обвѣнчать даже послѣзавтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали же свадьбы, которыя въ два часа обдѣлывались! Князю — представить эту поспѣшность, это отсутствіе всякихъ праздниковъ, сговоровъ, дѣвишниковъ, за необходимое comme il faut; внушить ему, что это будетъ приличнѣе, грандіознѣе. Наконецъ, можно было все выставить какъ романическое приключеніе и затронуть такимъ образомъ самую чувствительную струну въ сердцѣ князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, что бы ни случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Если же не обойдется потомъ безъ скандала, напримѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во-первыхъ, все это еще впереди; а во-вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандала, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшаго общества, по ея понятіямъ, должны быть всегда какіе-нибудь особенные, грандіозные, что-нибудь въ родѣ Монте-Кристо или Mémoires du Diable. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ подержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ, будутъ въ ту же минуту побѣждены, и что никто изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головомойки, которую способна задать имъ одна Марья Александровна, всѣмъ вмѣстѣ или поодиночкѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Марья Александровна и летѣла теперь въ свое помѣстье за Аѳанасіемъ

Матвѣичемъ, въ которомъ, по ея разсчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Аѳанасію Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ быть, и не захотѣлъ бы знакомиться. Если же Аѳанасій Матвѣичъ произнесетъ приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой видъ. Къ тому же, появленіе пожилого и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, пріѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и параднаго приглашенія трудно и отказаться, — думала Марья Александровна. Наконецъ, карета пролетѣла три версты, и кучеръ Софронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго, деревяннаго строенія, довольно ветхаго и почернѣвшаго отъ времени, съ длиннымъ рядомъ оконъ и обставленнаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марьи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни.

— Гдѣ болванъ? — закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты. — Зачѣмъ тутъ это полотенце? А! онъ утирался! Опять былъ въ банѣ? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ? Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не обстригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнату, собиралась поздороваться съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче, но, увидѣвъ,что онъ изъ бани и съ на-

слажденіемъ попиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самаго горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны и столько самаго блаженнаго квіетизма со стороны ни къ чему ненужнаго и неспособнаго къ дѣлу Аѳанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безсмысленномъ испугѣ, раскрывъ и выпуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменившую его своимъ появленіемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлопавшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, оттого и не стригъ, — проговорилъ онъ ворчливымъ и осиплымъ голосомъ. — Десять разъ съ ножницами подходилъ, — вотъ, говорю, барыня ужотка пріѣдетъ, — намъ обоимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо, чтобъ волосы длинные были.

— Какъ? Такъ онъ завивается! Такъ ты еще выдумалъ безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да идетъ ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь безпорядокъ! Чѣмъ это пахнетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ? — кричала супруга, накидываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже ошалѣвшаго Аѳанасія Матвѣича.

— Ма... матушка! — пробормоталъ запуганный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу, — ма... матушка!..

— Сколько разъ я вбивала въ твою ослиную

голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты этакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подлѣ такого осла, какъ ты!

— Да... да вѣдь ты, Марья Александровна, все же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю... по-супружески... — возразилъ было Аѳанасій Матвѣичъ и, въ ту же минуту, поднесъ обѣ руки свои къ головѣ, чтобъ защитить свои волосы.

— Ахъ ты, харя! Ахъ ты, осиновый колъ! Ну, слыхано ли что-нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребитъ ли теперь хоть кто-нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: «*законная*»? и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть объ этомъ всѣми силами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотрите, какіе у него волосы? Совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три часа не обсохнутъ! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно, была небольшая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать со всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ безпрерывномъ изліяніи своего гнѣва на Аѳанасія Матвѣича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Да и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, къ какому контрасту способны нѣкоторыя утонченныя дамы извѣстнаго общества, у себя за

кулисами, и мнѣ именно хотѣлось изобразить этотъ контрастъ. Аѳанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдилъ за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка! — вскричала, наконецъ, она, — тотчасъ же барину одѣваться! Фракъ, брюки, бѣлый галстукъ, жилетъ, — живѣе! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! Да вѣдь я изъ бани: простудиться могу, если въ городъ ѣхать...

— Не простудишься!

— Да вотъ и волосы мокрые...

— А вотъ мы ихъ сейчасъ высушимъ! Гришка, бери головную щетку, три его до суха; крѣпче! Крѣпче! Крѣпче! Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка, что есть силы, началъ оттирать волосы своего барина, для большаго удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько принагнувъ къ дивану. Аѳанасій Матвѣевичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пошелъ сюда! Подыми его, Гришка! Гдѣ помада? Нагнись, нагнись, негодяй, нагнись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно принялась помадить своего супруга, безжалостно теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Аѳанасій Матвѣичъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, но не вскрикнулъ и съ покорностью выдержалъ всю операцію.

— Соки ты мои высосалъ, пачкунъ ты такой!— проговорила Марья Александровна. — Да нагнись еще больше, нагнись!

— Чѣмъ же я, матушка, высосалъ твои соки?—

промямлилъ супругъ, нагибая, какъ только могъ болѣе, голову.

— Болванъ! Аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешись; а ты одѣвай его, да живѣе!

Героиня наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніалъ облаченія Аѳанасія Матвѣича. Между тѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ, и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстука, то даже осмѣлился изъявить какое-то собственное мнѣніе насчетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершенно ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда жъ это ты везешь меня, Марья Александровна? — проговорилъ онъ, охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила было ушамъ своимъ.

— Слышите! Ахъ ты, чучело! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо же знать...

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ѣдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просидишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ишь! Ни одного креста вѣдь не выслужилъ, чумичка ты этакая, — продолжала она, съ презрѣніемъ смотря на черный фракъ Аѳанасія Матвѣича.

Аѳанасій Матвѣичъ, наконецъ, обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство даетъ, а я совѣтникъ, а не чумичка, — проговорилъ онъ въ благородномъ негодованіи.

— Что, что, что? Да ты здѣсь разсуждать научился! Ахъ ты, мужикъ ты этакой! Ахъ ты, со-

плякъ! Ну, жаль, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то бы я... Ну, да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь, безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать: да зеленую, угловую комнату тоже прибрать. Мигомъ щетки въ руки! Съ зеркалъ снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобъ черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь?

Сѣли въ карету. Аѳанасій Матвѣичъ недоумѣвалъ и удивлялся. Между тѣмъ Марья Александровна думала про себя, какъ бы понятнѣе вбить въ голову своего супруга нѣкоторыя наставленія, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи. Но супругъ предупредилъ ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ, — возвѣстилъ онъ совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тьфу ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что̀! Какой-то сонъ! Да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ съ своими мужицкими снами! Оригинальный! Понимаешь ли еще, что такое оригинальный? Слушай, говорю въ послѣдній разъ, если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ, или про что-нибудь другое, то я, — ужъ и не знаю, что съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенько, ко мнѣ пріѣхалъ князь К. Помнишь князя К.?

— Помню, матушка, помню. Зачѣмъ же это онъ пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты долженъ съ особенною любезностью, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ же къ намъ въ деревню. За тѣмъ я и везу тебя. Сегодня же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты

только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра, или послѣзавтра, или когда-нибудь, то я тебя цѣлый годъ заставлю гусей пасти! Ничего не говори, ни единаго слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что-нибудь спросятъ?

— Все равно молчи.

— Но вѣдь нельзя же все молчать, Марья Александровна.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчай односложно, что-нибудь этакое, напримѣръ: *Гм!* или что-нибудь такое же, чтобъ показать, что ты умный человѣкъ и обсуживаешь прежде, чѣмъ отвѣчаешь.

— Гм!

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышалъ о князѣ и тотчасъ же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм!

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! Ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по-твоему; только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? Опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло: зачѣмъ? Да какъ ты смѣешь объ этомъ спрашивать?

— Да я все къ тому, Марья Александровна: какъ же приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат . . . Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроуменъ. Если что-нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм!

— Опять загумкалъ! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвѣчай: слышишь иль нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумкаю для того, что пріучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про то же, матушка; какъ же это: если князь что скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну, а все-таки, если что меня спроситъ?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри да улыбайся.

— Да вѣдь онъ подумаетъ, что я нѣмой, — проворчалъ Аѳанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! Пусть думаетъ; зато скроешь, что ты дуракъ.

— Гм . . . Ну, а если другіе о чемъ-нибудь спрашивать будутъ?

— Никто не спроситъ, никого не будетъ. А если, на случай — чего Боже сохрани! — кто и пріѣдетъ, да если что тебя спроситъ, или что-нибудь скажетъ, то немедленно отвѣчай саркастической улыбкой. Знаешь что такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что ли, матушка?

— Я тебѣ дамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будетъ спрашивать остроумія? Насмѣшливая улыбка, понимаешь, — насмѣшливая и презрительная.

— Гм!

«Охъ, боюсь я за этого болвана! — шептала

про себя Марья Александровна. — Рѣшительно онъ поклялся высосать всѣ мои соки! Право бы лучше его совсѣмъ не брать.» Разсуждая такимъ образомъ, безпокоясь и сѣтуя, Марья Александровна безпрерывно выглядывала изъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Аѳанасій Матвѣичъ, молча сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ, карета въѣхала въ городъ и остановилась у дома Марьи Александровны. Но только что успѣла наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, какъ увидѣла подъѣзжавшія къ дому, парныя двумѣстныя сани съ верхомъ, тѣ самыя сани, въ которыхъ обыкновенно разъѣзжала Анна Николаевна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николаевна, а другая — Наталья Дмитріевна, съ недавняго времени ея искренній другъ и послѣдователь. У Марьи Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подъѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостья. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! И вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ! Пріѣхали! Откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на вечеръ! Какой сюрпризъ!

Гостьи выпрыгнули на крыльцо и защебетали какъ ласточки. Марья Александровна не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ.

«Провалились бы вы, — подумала она про себя. — Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня!... Подождите!..»

Глава XI.

Мозгляковъ вышелъ отъ Марьи Александровны, повидимому, вполнѣ утѣшенный. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не пошелъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный наплывъ героическихъ и романическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, блѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блистательномъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающій князь, соединяющій ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ; мимоходомъ, подъ шумокъ, — вниманіе какой-нибудь графини изъ «высшаго общества», въ которое онъ непремѣнно попадетъ черезъ бракъ съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, — денежки, — однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ перешло черезъ его вседовольную душу, лаская, привлекая ее и, главное, льстя его самолюбію. Но вотъ — и не знаю, право, какъ это объяснить, — когда уже онъ началъ уставать отъ всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла пре-

досадная мысль: что вѣдь, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ все-таки съ предлиннѣйшимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый ему форштадтъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, обставленнымъ маленькими, вросшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которыя въ провинціальныхъ городахъ разводятся въ ужасающемъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой-нибудь запоздавшій мѣщанинъ, или баба въ тулупѣ и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича, — признакъ очень дурной, потому что при хорошемъ оборотѣ дѣлъ все, напротивъ, кажется намъ въ миломъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припоминалъ, что онъ до сихъ поръ постоянно задавалъ тону въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что онъ женихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми — въ отставкѣ! Подымется смѣхъ. Вѣдь не разувѣрять же ихъ всѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, не разсказывать же о петербургскихъ балахъ съ колоннами и о Гвадалквивирѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно непримѣтно скребла ему сердце: «Да правда ли это все? Да сбудется ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?» Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, — какъ ни до-

стойна всеобщаго уваженія, — но все-таки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, имѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать — всякій мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ; припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выражавшій затаенной страстной любви; да ужъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати, припомнилъ, что онъ все-таки, часъ тому, съѣлъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павелъ Александровичъ вдругъ остановился какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую минуту съ нимъ случилось непріятное происшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣга. Покамѣстъ онъ барахтался въ снѣгу, стая собакъ, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла на него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь вслухъ и даже проклиная судьбу свою, Павелъ Александровичъ, съ разорванной полой и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ только замѣтилъ, что заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ: его поминутно подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непремѣнно сворачивать во всѣ встрѣчающіеся на пути улицы и переулки. Слѣдуя этой системѣ, Павелъ Александровичъ заблудился окончательно. «А чтобы чертъ побралъ всѣ эти высокія идеи!» — говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости. — «А чтобы самъ дьяволъ васъ всѣхъ побралъ, съ вашими высокими чувствами да съ Гвадалквивирами!»

Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Марьи Александровны. Увидѣвъ много экипажей, онъ удивился. «Неужели же гости, неужели званый вечеръ?» — подумалъ онъ. — «Съ какою же цѣлью?» Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Аѳанасія Матвѣевича, въ бѣломъ галстукѣ, и что князь уже проснулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павелъ Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся наверхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа, когда человѣкъ слабаго характера въ состояніи рѣшиться на какую-нибудь ужасную, злѣйшую пакость, изъ мщенія, не думая о томъ, что, можетъ быть, придется всю жизнь въ томъ раскаиваться.

Войдя наверхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ и съ совершенно голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдого, стариннаго камердинера и любимца его, Ивана Пахомыча. Пахомычъ глубокомысленно и почтительно его расчесывалъ. Что же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣлище, не очнувшись послѣ давешней попойки. Онъ сидѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій и глядѣлъ на Мозглякова, какъ будто не узнавая его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка ?— спросилъ Мозгляковъ.

— Какъ . . . Это ты? — проговорилъ, наконецъ, дядюшка. — А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ,

Боже мой! — вскрикнулъ онъ, весь оживившись:— вѣдь я . . . безъ па-рика!

— Не безпокойтесь, дядюшка! я . . . я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ теперь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-пи-рать. Ну, мой другъ, ты долженъ, не-медленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ и никому не скажешь, что у меня волосы нак-лад-ные.

— О, помилуйте, дядюшка! Неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! — вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для... дальнѣйшихъ цѣлей.

— Ну да, ну да! И, такъ какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужъ такъ и быть, я тебя у-ди-влю . . . и открою тебѣ всѣ мои тайны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! Удивительные! Какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разувѣрься, мой другъ, они нак-лад-ные! — проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? Повѣрить трудно. Ну, а бакенбарды? Признавайтесь, дядюшка, вы вѣрно черните ихъ?

— Черню? Не только не черню, но и они совершенно искусственные!

— Искусственные? Нѣтъ, дядюшка, воля ваша, не вѣрю. Вы надо мною смѣетесь!

— Parole d'honneur, mon ami! — вскричалъ торжествующій князь: — и предс-тавь себѣ, всѣ, рѣши-тельно всѣ, такъ же, какъ и ты, обма-ны-ваются. Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя

сама иногда ихъ нак-ла-ды-ваетъ. Но я увѣренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово . . .

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я упалъ безъ тебя сегодня! Ѳеофилъ меня опять изъ кареты вы-валилъ.

— Вывалилъ опять! Когда же?

— А вотъ мы уже къ мо-нас-тырю подъѣзжали . . .

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣтъ, нѣтъ, два часа тому назадъ, не болѣе. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ; такъ на-пу-галъ, — даже теперь сердце не на мѣстѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали! — съ изумленемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну да, почивалъ . . . а потомъ и по-ѣ-халъ, впрочемъ, я . . . впрочемъ, я это, можетъ быть . . . ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю васъ, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали, съ самаго послѣ-обѣда.

— Неужели? — и князь задумался.

— Ну да, я и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это видѣлъ во снѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во снѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то престрашный быкъ съ рогами, а потомъ приснился какой-то про-ку-ророръ, тоже, какъ будто, съ рогами . . .

— Это, вѣрно, Николай Васильевичъ Антиповъ, дядюшка.

— Ну да, можетъ быть и онъ. А потомъ На-

полеона Бона-парте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона Бонапарте похожъ... а въ профиль будто я разительно похожъ на одного стариннаго папу? Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ то же думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сидѣлъ, и, знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сельчакъ такой, такъ что онъ чрезвы-чайно меня позабавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка? — проговорилъ Павелъ Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то странная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ **не** могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философію разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпи, онъ бы опять на людей сталъ бросаться. Бѣшеный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я бы не такъ поступилъ. Я бы его посадилъ на не-о-битаемый островъ...

— Почему же на необитаемый? — спросилъ Мозгляковъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе какъ благоразумными жителями. Ну и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ и все на казенный счетъ. Гулять бы его выпускалъ, разумѣется, подъ присмотромъ, а то бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки какіе-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день

стряпать. Я бы его, такъ сказать, о-те-чески содержалъ. Онъ бы у меня и рас-ка-ялся . . .

Мозгляковъ разсѣянно слушалъ болтовню полупроснувшагося старика и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось навести разговоръ на женитьбу, — онъ еще самъ не зналъ зачѣмъ; но безграничная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичекъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, mon ami! Я вѣдь тебѣ и забылъ сказать. Представь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка? — вскричалъ Мозгляковъ, оживляясь.

— Ну да, пред-ло-женіе. Пахомычъ, ты ужъ идешь? Ну, хорошо. C'est une charmante personne... Но... признаюсь тебѣ, милый мой, я поступилъ не-обду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда же вы сдѣлали предложеніе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю навѣрно когда. Не во снѣ ли я видѣлъ и это? Ахъ, какъ это, од-на-коже, стран-но!

Мозгляковъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блеснула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дядюшка? — повторилъ онъ въ нетерпѣніи.

— Хозяйской дочери, mon ami . . . cette belle personne . . . впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вутъ. Только, видишь ли, mon ami, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что же теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если женитесь. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка. Точно ли вы увѣрены, что дѣйствительно сдѣлали предложеніе?

— Ну да . . . я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во снѣ, такъ же, какъ и то, что вы другой разъ вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я и это тоже видѣлъ во снѣ! Такъ что я теперь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ бы это, другъ мой, узнать на-вѣр-но, какимъ-нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ: дѣлалъ я предложеніе, иль нѣтъ? А то представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете что, дядюшка? Я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я наѣрно думаю, что вы видѣли это во снѣ.

— Я самъ тоже думаю, мой ми-лый, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто снятся по-добные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте же себѣ, что вы немного выпили за завтракомъ, потомъ за обѣдомъ и наконецъ . . .

— Ну да, мой другъ; именно, можетъ быть, отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ бы вы ни были разгорячены, вы все-таки никакимъ образомъ не могли сдѣлать такого безразсуднаго предложенія наяву. Сколько я васъ знаю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени разсудительный и . . .

— Ну да, ну да.

— Представьте только одно: если бъ узнали это ваши родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ, — что бы тогда было?

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ испуганный князь, — а что бы тогда было?

— Помилуйте! Да они закричали бы всѣ въ

одинъ голосъ, что вы сдѣлали это не въ своемъ умѣ, что вы сумасшедшій, что васъ надо подъ опеку, что васъ обманули, и, пожалуй, посадили бы васъ куда-нибудь подъ надзоръ.

Мозгляковъ зналъ, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ князь, дрожа какъ листъ. — Неужели бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: мог-ли ли бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе наяву? Вы сами понимаете свои выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, неп-ре-мѣнно во снѣ! — повторялъ напуганный князь. — Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это, мой милый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня вра-зу-милъ.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами сегодня встрѣтился. Представьте себѣ; безъ меня вы бы дѣйствительно могли сбиться, подумать, что вы женихъ, и сойти туда женихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну да... да, опасно!

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ двадцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женихомъ! Да они тотчасъ ухватятся за эту идею, увѣрятъ васъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ женихъ, и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ расчитывать, что, можетъ быть, вы скоро умрете.

— Неужели?

— И, наконецъ, вспомните, дядюшка: человѣкъ съ вашими достоинствами...

— Ну да, съ моими достоинствами...

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностью . . .

— Ну да, съ моимъ умомъ, да! . .

— И, наконецъ, вы — князь. Такую ли партію вы бы могли себѣ сдѣлать, если бъ, дѣйствительно, почему-нибудь нужно было жениться? Подумайте только, что скажутъ ваши родственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдятъ! Я ужъ испыталъ отъ нихъ столько коварства и злобы . . . Представь себѣ, я подозрѣваю, что они хотѣли посадить меня въ су-мас-шедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообразно ли это? Ну, что бъ я тамъ сталъ дѣлать . . . въ сумас-шедшемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь не отойду отъ васъ, когда вы сойдете внизъ. Тамъ теперь гости.

— Гости? Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.

— Но какъ я тебѣ благо-да-ренъ, мой милый, ты просто спаситель мой! Но знаешь ли что? Я лучше уѣду.

— Завтра, дядюшка, завтра, утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы при всѣхъ откланяйтесь и скажите, что уѣзжаете.

— Непремѣнно уѣду . . . къ отцу Мисаилу . . . Но, мой другъ, — ну какъ они меня тамъ сос-ватаютъ?

— Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что бы вамъ ни говорили, на что бы вамъ ни намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ . . . такъ какъ оно и дѣйствительно было.

— Ну да, неп-ре-мѣнно во снѣ! Только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-

ва-тель-ный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы . . .

— Ну прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы . . .

— Какъ! Такъ ты меня одного оставляешь! — вскричалъ князь въ испугѣ.

— Нѣтъ, дядюшка, мы сойдемъ, только по-розно; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.

— Ну, хо-ро-шо. Мнѣ же, кстати, надобно записать одну мысль.

— Именно, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкайте. Завтра же утромъ . . .

— А завтра утромъ къ іеромонаху, не-премѣнно къ іе-ро-мо-наху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она у-ди-ви-тельно хороша собой . . . такія формы . . . и если бъ ужъ такъ мнѣ надо было непремѣнно жениться, то я . . .

— Боже васъ сохрани, дядюшка!

— Ну да, Боже сохрани! . . Ну, прощай, мой милый, я сейчасъ . . . только вотъ за-пи-шу. A propos, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?

— Читалъ, дядюшка, а что?

— Ну да . . . Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать . . .

— Послѣ вспомните, дядюшка, — до свиданія!

— До свиданія, мой другъ, до свиданія! Только все-таки это былъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-ва-тельный сонъ! . .

Глава XII.

— А мы къ вамъ всѣ, всѣ! И Прасковья Ильинишна тоже пріѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть, — щебетала Анна Николаевна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь. Это была довольно хорошенькая, маленькая дамочка, пестро, но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенькая. Ей такъ и казалось, что гдѣ-нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна пріѣдутъ-съ, и Фелисата Михайловна тоже хотѣли быть-съ, — прибавила Наталья Дмитріевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ нравились князю, и которая чрезвычайно походила на гренадера. Она была въ необыкновенно маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николаевны, за которою давно уже увивалась и ухаживала, и которую, судя по виду, могла проглотить однимъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я уже не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вечеромъ, — запѣла Марья Александровна, оправившись отъ перваго изумленія, — но скажите, пожалуйста, какое же чудо зазвало васъ

сегодня ко мнѣ, когда я уже совсѣмъ отчаялась имѣть эту честь?

— О, Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ! — сладко проговорила Наталья Дмитріевна, жеманясь, стыдливо и пискливо, что составляло прелюбопытный контрастъ съ ея наружностью.

— Mais ma charmante, — защебетала Анна Николаевна, — вѣдь надобно же, непремѣнно надобно, когда-нибудь кончить всѣ наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайловичъ сказалъ Калисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это не идетъ на ладъ, и что мы только ссоримся! Вотъ мы и собрались сегодня вчетверомъ, да и думаемъ: поѣдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитріевна и другимъ дала знать. Всѣ пріѣдутъ. Вотъ мы и сговоримся, и хорошо будетъ. Пускай же не говорятъ, что мы только ссоримся, такъ ли, mon ange? — прибавила она игриво, цѣлуя Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинаида Аѳанасьевна! Но вы каждый день все болѣе хорошѣете! — Анна Николаевна бросилась съ поцѣлуями къ Зинѣ.

— Да имъ и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошѣть-съ, — сладко прибавила Наталья Дмитріевна, потирая свои ручищи.

«Ахъ, чертъ бы ихъ взялъ! Я и не думала объ этомъ театрѣ! Изловчились, сороки!» — прошептала Марья Александровна внѣ себя отъ бѣшенства.

— Тѣмъ болѣе, мой ангелъ, — прибавила Анна Николаевна, — что у васъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы ужъ справлялись и знаемъ, что тамъ гдѣ-то складены всѣ эти старин-

ныя декораціи, занавѣсъ и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня, и я такъ была удивлена его пріѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать. Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ поможете, и князь велитъ отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то — кому здѣсь прикажете сдѣлать что-нибудь похожее на декорацію? А главное, мы и князя-то хотимъ завлечь въ нашъ театръ. Онъ непремѣнно долженъ подписаться; вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ быть, даже и роль возьметъ, — онъ же такой милый, согласный. Тогда пойдетъ чудо какъ хорошо.

— Конечно, возьмутъ ролю-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую ролю разыгрывать-съ, — многозначительно прибавила Наталья Дмитріевна.

Анна Николаевна не обманула Марью Александровну: дамы поминутно съѣзжались. Марья Александровна едва успѣвала встрѣчать ихъ и издавать восклицанія, требуемыя въ такихъ случаяхъ приличіемъ и комильфотностью.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкновеннымъ коварствомъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то дикое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого-нибудь необыкновеннаго скандала и очень бы разсердились, если бъ пришлось разъѣхаться, не видавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ твердостью приготовилась къ нападенію. Посыпались вопросы о князѣ, казалось, самые естественные; но въ каждомъ заключался какой-нибудь намекъ, обинякъ. Появился чай; всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла ро-

ялемъ. Зина, на приглашеніе сыграть и спѣть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Блѣдность лица ея это доказывала. Тотчасъ же посыпались вопросы участія, и даже тутъ нашли случай кой о чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ, и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удесятерилась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каждомъ углу комнаты, слышала, что говорилось каждою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до десяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, разумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до сихъ поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Аѳанасія Матвѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ кольнуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь же, отъ недалекаго и откровеннаго Аѳанасія Матвѣича, можно было кой-что и вывѣдать. Марья Александровна съ безпокойствомъ приглядывалась къ осадному положенію, въ которомъ видѣла своего супруга. Къ тому же онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: *гм.*, съ такимъ несчастнымъ и неестественнымъ видомъ, что было отчего ей придти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Аѳанасій Матвѣичъ съ нами совсѣмъ говорить не хочетъ, — вскричала одна смѣлая, востроглазая дамочка, которая рѣшительно никого не боялась и никогда не конфузилась. — Прикажите ему быть поучтивѣе съ дамами.

— Я, право, сама не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлалось, — отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николаевной и съ Натальей Дмитріевной и весело улыбаясь: — такой, право, неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни

слова не говорилъ. Почему жъ ты не отвѣчаешь Фелисатѣ Михайловнѣ, Athanase? Что вы его спрашивали?

— Но . . . но . . . матушка, вѣдь ты же сама. . .— пробормоталъ было удивленный и потерянный Аѳанасій Матвѣичъ. Въ это время онъ стоялъ у затопленнаго камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ себѣ выбралъ, и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвченка. Когда же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣтилъ такой ужасный взглядъ своей взбѣшенной супруги, что чуть не обезпамятѣлъ отъ испуга. Не зная, что дѣлать, желая какъ-нибудь понравиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ было чаю, но чай былъ слишкомъ горячій. Не соразмѣривъ глотка, онъ ужасно обжегся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ закашлялся, что на время принужденъ былъ выйти изъ комнаты, возбудивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Александровна поняла, что ея гости знали ужъ все и собрались съ самыми дурными намѣреніями. Положеніе было опасное. Могутъ разговорить, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ея же присутствіи. Могли даже увезти отъ нея князя, поссоривъ его съ нею въ этотъ же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отворилась, и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ, въ этотъ вечеръ. Она вздрогнула, какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и оглядывалъ всѣхъ, немного потерявшись. Онъ не въ си-

лахъ былъ сладить съ своимъ волненіемъ, которое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! Павелъ Александровичъ! — вскрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это Павелъ Александровичъ! Какъ же вы сказали, Марья Александровна, что они пошли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-съ, Павелъ Александровичъ, — пропищала Наталья Дмитріевна.

— Скрылся? — повторилъ Мозгляковъ, съ какой-то искривившейся улыбкой. — Странное выраженіе! Извините, Наталья Дмитріевна! Я ни отъ кого не прячусь и никого не желаю прятать, — прибавилъ онъ, многознаменательно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

— Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется! — подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозглякова. — Нѣтъ, это ужъ будетъ хуже всего . . .

— Правда ли, Павелъ Александровичъ, что вамъ вышла отставка . . . по службѣ, разумѣется? — выскочила дерзкая Фелисата Михайловна, насмѣшливо смотря ему прямо въ глаза.

— Отставка? Какая отставка? Я просто перемѣняю службу. Мнѣ выходитъ мѣсто въ Петербургѣ, — сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ, — продолжала Фелисата Михайловна; — а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насъ въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста ненадежныя, Павелъ Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ одни учительскія, въ уѣздномъ училищѣ: тутъ еще можно найти вакансію, — замѣтила

Наталья Дмитріевна. Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитаго друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павелъ Александровичъ согласится занять мѣсто какого-нибудь учителишки? — включила Фелисата Михайловна.

Но Павелъ Александровичъ не нашелъ, что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглупо не принялъ его руки и насмѣшливо поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ къ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ — дуракъ я, иль нѣтъ?

— Зачѣмъ откладывать? Это и теперь видно, — громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшаго жениха.

Мозгляковъ поспѣшно отворотился, испугавшись ея громкаго голоса.

— Вы отъ Бородуева? — рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ, я отъ дядюшки.

— Отъ дядюшки? Такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! Такъ — значитъ — князь ужъ проснулись, а намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ, — прибавила Наталья Дмитріевна, ядовито посматривая на Марью Александровну.

— Не безпокойтесь о князѣ, Наталья Дмитріевна, — отвѣчалъ Мозгляковъ, — онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давеча его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, оконча-

тельно, здѣсь, такъ что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того не крѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили, и онъ началъ разсуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобъ откланяться вамъ, Марья Александровна, и поблагодарить за все ваше гостепріимство. Завтра же, чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправимся въ пустынь, а потомъ я его непремѣнно самъ провожу до Духанова, во избѣжаніе вторичныхъ паденій, какъ, напримѣръ, сегодня; а тамъ ужъ его приметъ, съ рукъ на руки, Степанида Матвѣевна, которая къ тому времени непремѣнно воротится изъ Москвы и ужъ ни за что не выпуститъ его въ другой разъ путешествовать, — за это я отвѣчаю.

Говоря это, Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестью признаюсь, что моя героиня, можетъ быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ завтра, чѣмъ свѣтъ, уѣзжаютъ? Какъ же это-съ? — проговорила Наталья Дмитріевна, обращаясь къ Марьѣ Александровнѣ.

— Какъ же это такъ? — наивно раздалось между гостями, — а мы слышали, что . . . вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, что отвѣчать. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались какой-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія восклицанія, и вдругъ, нежданно-негаданно, въ салонъ Марьи Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что

даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась, — и послѣ закуски обыкновенно была въ самомъ эмансипированномъ состояніи духа, чтобъ не сказать чего-нибудь болѣе. Она именно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Марьѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, — закричала она на всю комнату, — вотъ вы какъ со мной поступаете! Не безпокойтесь, я на минутку; я у васъ и не сяду. Я нарочно заѣхала узнать: вѣрно ли то, что мнѣ говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, сговоры, а Софья Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ назвали, а меня нѣтъ! А давеча я вамъ и другъ, и mon ange, когда пріѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Натальи Дмитріевны. А теперь вотъ и Наталья Дмитріевна, которую вы давеча на чемъ свѣтъ ругали, и которая васъ же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не безпокойтесь, Наталья Дмитріевна! Не надо мнѣ вашего шоколаду a la santé, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома! Тьфу!

— Это видно-съ, — замѣтила Наталья Дмитріевна.

— Но помилуйте, Софья Петровна, — вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады, — что съ вами? Образумьтесь, по крайней мѣрѣ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала! — кричала Софья Петровна своимъ рѣзкимъ, визгливымъ го-

лосомъ, окруженная всѣми гостями, которые, казалось, наслаждались этой неожиданной сценой. — Все узнала! Ваша же Настасья прибѣжала ко мнѣ и все разсказала. Вы подцѣпили этого князишку, напоили его допьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужъ никто не хочетъ больше брать замужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей, — герцогиня въ кружевахъ, — тьфу! Не безпокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я и почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала; за меня оберъ-комиссаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите ли, Софья Петровна, — отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя: — увѣряю васъ, что такъ не врываются въ благородный домъ и, при томъ, въ *такомъ видѣ,* и если вы, сейчасъ же, не освободите меня отъ вашего присутствія и красноречія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людишкамъ! Не безпокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте, выдавайте замужъ кого хотите, а вы, Наталья Дмитріевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ наплевать на вашъ шоколадъ! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ князьями казачка не выплясывала. А вы что смѣетесь, Анна Николаевна? Сушиловъ-то ногу сломалъ; сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босоногой Матрешкѣ во-время вашу корову загонять, чтобъ она не мычала у меня каждый день подъ окошками, такъ я вашей Матрешкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу!

Софья Петровна исчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю, онѣ выпили-съ, — сладко произнесла Наталья Дмитріевна.

— Но только какая дерзость!

— Quelle abominable femme!

— Вотъ такъ ужъ насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-съ!

— Только, что жъ это она про сговоръ говорила? Какой же сговоръ? — насмѣшливо спрашивала Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! — разразилась, наконецъ, Марья Александровна. — Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятся такія дамы среди нашего общества, — нѣтъ, удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ . . .

— Князь! Князь! — закричали вдругъ всѣ гости.

— Ахъ, Боже мой! Ce cher prince!

— Ну, слава Богу! Мы теперь узнаемъ всю подноготную, — прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

Глава XIII.

Князь вошелъ и сладостно улыбнулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ заронилъ въ его куриное сердце, исчезла при видѣ дамъ. Онъ тотчасъ же растаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгливымъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фамильярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности. Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ — (конечно, не серьезно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно, — «потому что онъ милый-милый старичекъ, милый до безконечности!» Марья Александровна впилась въ него своими глазами, желая хоть что-нибудь прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ изъ своего критическаго положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно, и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзя было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой же, какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ и князь! А мы васъ ждали-ждали, — закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ нетерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! — пропищали другія.

— Мнѣ это чрезвычайно лест-но, — шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ же окружили его. Возлѣ Марьи Александровны остались только Анна Николаевна да Наталья Дмитріевна. Аѳанасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ тоже улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину, которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресла, близъ камина.

— Ахъ, князь, правду ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? — пропищала Фелисата Михайловна.

— Ну да, mesdames, уѣзжаю. Я не-медленно хочу ѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! — вскричали всѣ хоромъ; — да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, — подтвердилъ князь, охорашиваясь, — и, знаете, я особенно хочу туда ѣхать для но-выхъ идей.

— Какъ это для новыхъ идей? Это о чемъ же? — говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну да, для новыхъ идей? — повторилъ князь съ видомъ глубочайшаго убѣжденія. — Всѣ теперь ѣдутъ для новыхъ и-дей. Вотъ и я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужъ не въ масонскую ли ложу вы хотите поступить, любезнѣйшій дядюшка? — вскричалъ Мозгляковъ, очевидно, желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну да, мой другъ, ты не ошибся, — неожиданно отвѣчалъ дядюшка. — Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей,

при-над-лежалъ, и даже имѣлъ, въ свою очередь, очень много великодушныхъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго просвѣщенія, и ужъ совсѣмъ было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезъ, на волю от-пус-тить. Но онъ, къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенахъ, идетъ по буль-ва-ру съ мамзелью. Поглядѣлъ на меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая...

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу поѣдете, — вскричалъ Мозгляковъ, хохоча во все горло.

— Ты совершенно уга-далъ мои желанія, мой милый, — отвѣчалъ князь безъ запинки. — Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? — вскричала Фелисата Михайловна.

— Конечно, всѣ разбѣгутся, — тревожно отозвалась Анна Николаевна.

— Ахъ, Боже мой! Не-уже-ли они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ? — вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ, тотчасъ же всѣ убѣгутъ-съ, и васъ одного и оставятъ-съ, — подтвердила Наталья Дмитріевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну, такъ я ихъ не от-пущу на волю. Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Этакъ-то лучше, дядюшка, — скрѣгталъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала

молча и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ, и что это вовсе не натурально.

— Позвольте, князь, — начала она громко и съ достоинствомъ, — вамъ отрекомендовать моего мужа, Аѳанасія Матвѣича. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Аѳанасій Матвѣичъ улыбнулся и пріосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, я очень радъ, — сказалъ князь. — А-ѳа-насій Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-ѳа-насій Мат-вѣ-ичъ. Ну да, это такъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! — вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову, — да вѣдь это тотъ самый, помнишь, давеча, еще въ риѳму выхо-дило. Какъ бишь это? Мужъ въ дверь, а жена... ну да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала...

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, тотъ самый водевиль, который у насъ прошлаго года актеры играли, — подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну да, именно въ Тверь; я все за-бы-ваю. Carmant, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-мить-ся, — говорилъ князь, не вставая съ креселъ и протягивая руку улыбающемуся Аѳанасію Матвѣичу. — Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм!

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, — торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну-да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ деревнѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется...

Аѳанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже расшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая, въ свою очередь, разрывалась отъ злости. Пора было перемѣнить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? — спросила она медоточивымъ голосомъ, въ то же время, грознымъ взглядомъ, давая знать Аѳанасію Матвѣичу, чтобъ онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, — отозвался князь, — и, знаете, видѣлъ одинъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-вательный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда разсказываютъ про сны, — вскричала Фелисата Михайловна.

— И я тоже-съ, люблю-съ очень-съ! — прибавила Наталья Дмитріевна.

— О-ча-ро-вательный сонъ, — повторялъ князь съ сладкой улыбкой, — но зато этотъ сонъ величайшій секретъ!

— Какъ, князь, неужели и разсказывать нельзя? Да это, должно быть, удивительный какой-нибудь сонъ? — замѣтила Анна Николаевна.

— Ве-ли-чайшій секретъ, — повторялъ князь, съ наслажденіемъ подзадаривая любопытство дамъ.

— Такъ это, должно быть, ужасно интересно! — кричали дамы.

— Бьюсь объ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какой-нибудь красавицей на колѣняхъ и объяснялся въ любви! — вскричала Фелисата Ми-

хайловна. — Ну, признайтесь, князь, что это правда! Миленькій князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоеніемъ внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предложенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ что онъ чуть-чуть не облизывался.

— Хоть я и сказалъ, что мой сонъ — величайшій секретъ, — отвѣчалъ онъ, наконецъ, — но я принужденъ сознаться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти совер-шенно его от-га-дали.

— Отгадала! — съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна. — Ну, князь! Теперь какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя, иль нѣтъ?

— Миленькій князь, откройте!

— Душенька, князь, откройте! Хоть умрите, да откройте! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!.. Если вы ужъ хотите такъ на-сто-я-тельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это — самая о-ча-ро-вательная и, можно сказать, самая не-по-рочная дѣвица изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, — промямлилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! И... здѣшняя! Кто жъ бы это? — спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемигиваясь одна съ другой.

— Разумѣется, тѣ-съ, — которыя здѣсь первыя красавицы считаются-съ, — проговорила Наталья Дмитріевна, потирая свои красныя ручищи и

посматривая своими кошачьими глазами на Зину. Вмѣстѣ съ нею и всѣ посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ же, князь, если вы видите такіе сны, такъ почему жъ бы вамъ наяву не жениться? — спросила Фелисата Михайловна, оглядывая всѣхъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ бы мы славно женили васъ! — подхватила другая дама.

— Миленькій князь, женитесь! — пропищала третья.

— Женитесь, женитесь! — закричали со всѣхъ сторонъ. — Почему жъ не жениться?

— Ну да... почему жъ не жениться? — поддакивалъ князь, сбитый съ толку всѣми этими криками.

— Дядюшка! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну да, мой другъ, я тебя по-ни-маю! Я именно хотѣлъ сказать, mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться и, проведя очаровательный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра же отправляюсь къ іеромонаху Мисаилу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ про-свѣ-щеніемъ.

Зина поблѣднѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣла на мать свою. Марья Александровна уже рѣшилась. До сихъ поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло слишкомъ испорчено, и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ, она поняла все, и однимъ разомъ, однимъ ударомъ, рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ креселъ и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя пигмеевъ-враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блисталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣ-

шилась поразить, сбить съ толку всѣхъ этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодяя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ ударомъ, завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идіотомъ-княземъ. Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная, но за дерзостью не въ карманъ было ходить Марьѣ Александровнѣ!

— Mesdames, — начала она торжественно и съ достоинствомъ (Марья Александровна вообще чрезвычайно любила торжественность), — mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашимъ веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ — совершенно случайно (и я такъ рада, такъ этому рада) . . . Никогда бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности прошу извиненія у моего милаго гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на то же самое обстоятельство, подаетъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявленіе нашей семейной тайны, но что даже онъ желаетъ этого разглашенія . . . Не правда ли, князь, я не ошиблась?

— Ну да, вы не ошиблись . . . и я очень, очень радъ . . . — проговорилъ князь, совершенно не понимая, о чемъ идетъ дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гостьи, съ алчнымъ и безпокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгляковъ вздрогнулъ; Зина покраснѣла и привстала съ

креселъ; Аѳанасій Матвѣичъ, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, на всякій случай, высморкался.

— Да, mesdames, я съ радостью готова повѣрить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увлеченный красотою и... достоинствами моей дочери, сдѣлалъ ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! — заключила она, дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ, — милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну, и... какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобы изобразить эффектъ, произведенный неожиданною выходкой Марьи Александровны. Всѣ какъ будто оцѣпенѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гостьи, думавшія напугать Марью Александровну тѣмъ, что онѣ ужъ знаютъ ея тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаруженіемъ этой тайны, думавшія растерзать ее, покамѣстъ, только одними намеками, были ошеломлены такою смѣлою откровенностью. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. «Стало быть, князь дѣйствительно, своею собственною волею, женится на Зинѣ? Стало быть, не завлекали его, не опаивали, не обманывали? Стало быть, не потаеннымъ, не воровскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало быть, Марья Александровна никого не боится? Стало быть, не по принужденію женится?» Послышался мгновенный шепотъ, превратившійся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитріевна, за ней Анна Николаевна, за этой Фелисата Михайловна. Всѣ вско-

чили съ своихъ мѣстъ, всѣ перемѣшались. Многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уцѣпились даже за Аѳанасія Матвѣича. Марья Александровна живописно простерла руки и, почти насильно, заключила свою дочь въ объятія. Одинъ князь смотрѣлъ на всю эту сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался попрежнему. Впрочемъ, сцена ему отчасти понравилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, онъ вынулъ платокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросилась и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь! Поздравляемъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь?

— Такъ вы дѣйствительно женитесь?

— Миленькій князь, такъ вы женитесь?

— Ну да, ну да, — отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами; — и, признаюсь вамъ, что мнѣ всего болѣе нравится ваше милое учас-тіе ко мнѣ, которое я никог-да не забуду, ни-ког-да не забуду. Charmant! Charmant! Вы даже про-сле-зили меня . . .

— Поцѣлуйте меня, князь! — громче всѣхъ кричала Фелисата Михайловна.

— И, признаюсь вамъ, — продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ, — я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-нов-на, наша почтенная хозяйка, съ такою необык-но-вен-ною проницательностью угадала мой сонъ. Точно какъ будто она, вмѣсто меня, его ви-дѣла. Необыкновенная проницательность! Не-о-бык-новенная проницательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужъ признайтесь, князь, признайтесь! — кричали всѣ, обступивъ его.

— Да, князь, скрываться нечего, пора обнаружить эту тайну, — рѣшительно и строго сказала Марья Александровна. — Я поняла вашу тонкую аллегорію, вашу очаровательную деликатность, съ которою вы старались мнѣ намекнуть о желаніи огласить ваше сватовство. Да, mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и наяву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ будто наяву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, — подтвердилъ князь,—мадмуазель,—продолжалъ онъ, съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая еще не пришла въ себя отъ изумленія, — мадмуазель! Клянусь, что никогда бы я не осмѣлился произнести ваше имя, если бъ другіе, раньше меня, не про-из-не-сли его. Это былъ очаровательный сонъ, оча-рова-тельный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это выс-казать. Charmant! Charmant . . .

— Но помилуйте, какъ же это? Вѣдь онъ все говоритъ про сонъ, — прошептала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣднѣвшей Марьѣ Александровнѣ. — Увы! У Марьи Александровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ же это? — шептали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь, — начала Марья Александровна, съ болѣзненно-искривившеюся улыбкою: — увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за стран-

ная у васъ идея про сонъ? Признаюсь вамъ, я думала до сихъ поръ, что вы шутите, но ... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка... Я хочу, я желаю приписать это вашей разсѣянности, но...

— Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ быть, у нихъ отъ разсѣянности-съ, — прошипѣла Наталья Дмитріевна.

— Ну да... можетъ быть, это и отъ разсѣянности, — подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются. — И, вообразите, я вамъ разскажу сейчасъ одинъ а-нек-дотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на по-хороны, такъ, къ однимъ людямъ, maison bourgeoise, mais hônnete, а я и смѣшалъ, что на имянины. Имянины-то еще на прошлой недѣ-лѣ прош-ли. Букетъ изъ камелій имя-нин-ницѣ приготовилъ. Вхожу, и что жъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный — лежитъ на столѣ, такъ что я уди-вился. Я просто не зналъ, куда дѣваться съ бу-кетомъ.

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ! — съ досадою перебила Марья Александровна. — Конечно, моей дочери нечего гнаться за женихами, но давеча вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызывала васъ на это... Это меня, можно сказать, фрапировало... Разумѣется, у меня мелькнула тогда одна мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я — мать; она — дочь моя... Вы сами говорили сейчасъ о какомъ-то снѣ, и я думала — вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите разсказать о вашей помолвкѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ быть, сбиваютъ... я даже подозрѣваю, кто именно... но... объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовле-

творительнѣе. Такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ . . .

— Ну да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ, — поддакнулъ князь безсознательно, но уже начиная, понемногу, безпокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣчать положительно; подтвердите, сейчасъ же подтвердите здѣсь, при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моей дочери.

— Ну да, я готовъ подтвердить. Впрочемъ, я все это уже разсказывалъ, и Фелисата Яковлевна совершенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ! Не сонъ! — закричала въ ярости Марья Александровна. — Не сонъ, а это было наяву, князь, наяву, слышите ли, наяву!

— Наяву! — вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ креселъ. — Ну, другъ мой! Какъ ты давеча напророчилъ, такъ и вышло! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову. — Но, увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершенно увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй! — вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, — вступилась Наталья Дмитріевна. — Князь, можетъ быть, какъ-нибудь позабыли-съ. Они вспомнятъ-съ.

— Я удивляюсь вамъ, Наталья Дмитріевна, — съ негодованіемъ возразила Марья Александровна, — развѣ такія вещи забываются? Развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣетесь надъ нами, иль нѣтъ? Или вы корчите, можетъ быть, изъ себя одного изъ шематоновъ временъ регентства, которыхъ изображаетъ Дюма? Какого-

нибудь Ферлакура, Лозена? Но кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣряю васъ, что это вамъ не удастся! Моя дочь не французская виконтесса. Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь — она вамъ пѣла романсъ, и вы, увлеченные ея пѣніемъ, опустились на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неужели я грежу? Неужели я сплю? Говорите, князь: сплю я, иль нѣтъ?

— Ну да... а, впрочемъ, можетъ быть, нѣтъ... — отвѣчалъ растерявшійся князь. — Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не во снѣ. Я, видите ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ...

— Фу ты, Боже мой, что это такое: не во снѣ — во снѣ, во снѣ — не во снѣ! — Да это чертъ знаетъ что такое! Вы бредите, князь, или нѣтъ?

— Ну да, чертъ знаетъ... впрочемъ, я, кажется, ужъ совсѣмъ теперь сбился... — проговорилъ князь, вращая кругомъ безпокойные взгляды.

— Но какъ же вы могли видѣть во снѣ, — убивалась Марья Александровна, — когда я, вамъ же, съ такими подробностями, разсказываю вашъ собственный сонъ, тогда какъ вы его еще никому изъ насъ не разсказывали?

— Но, можетъ быть, князь ужъ кому-нибудь и разсказывали-съ, — проговорила Наталья Дмитріевна.

— Ну да, можетъ быть, я кому-нибудь и разсказывалъ, — подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! — шепнула Фелисата Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ ты Боже мой! Да тутъ всякое терпѣніе

лопнетъ! — кричала Марья Александровна, въ изступленіи ломая руки. — Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто пѣла романсъ, — пробормоталъ князь въ задумчивости, и вдругъ какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой! — вскричалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову, — я и забылъ тебѣ давеча сказать, что вѣдь и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсѣ были все какіе-то замки, такъ что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то трубадуръ! Ну да, я это все помню . . . такъ что я и заплакалъ . . . А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ дѣлѣ было, а не во снѣ.

— Признаюсь вамъ, дядюшка, — отвѣчалъ Мозгляковъ, сколько можно спокойнѣе, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги, — признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, что вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Аѳанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Аѳанасьевна вамъ спѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, расчувствовались, вспомнили старину; можетъ быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами когда-то пѣли романсы, и о которой вы же сами намъ утромъ разсказывали. Ну, а потомъ, когда легли спать, вамъ, вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе . . .

Марья Александровна была просто оглушена такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ такъ было, — закричалъ князь въ восторгѣ. —

Именно вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ пѣли романсъ, а я за это, во снѣ, и захотѣлъ жениться. И виконтесса тоже была... Ахъ, какъ ты умно это распуталъ, мой милый! Ну! Я теперь совершенно увѣренъ, что все это видѣлъ во снѣ! Марья Александровна! Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ бы играть вашими благородными чувствами...

— А! Теперь я вижу ясно, кто тутъ нагадилъ! — закричала Марья Александровна, внѣ себя отъ бѣшенства обращаясь къ Мозглякову. — Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣлали! Вы взбаламутили этого несчастнаго идіота за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна, — кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь покраснѣвъ какъ ракъ: — ваши слова до такой степени... Я ужъ и не знаю, до какой степени ваши слова... Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ... я, по крайней мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать...

— Ну да, такъ завлекать... — поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Аѳанасій Матвѣичъ! — взвизгнула Марья Александровна какимъ-то неестественнымъ голосомъ. — Неужели вы не слышите, какъ насъ срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и въ самомъ дѣлѣ не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлопаете? Другой мужъ давно бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!..

— Жена! — съ важностью началъ Аѳанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала нужда: — Жена! Да ужъ не видала ль ты, и въ самомъ дѣлѣ, все это во снѣ, а потомъ, какъ проспалась, такъ и перепутала все, по-свойски . . .

Но Аѳанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До сихъ поръ еще гостьи удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самаго неудержимаго смѣха огласилъ всю комнату. Марья Александровна, забывъ всѣ приличія, бросилась было на своего супруга, вѣроятно затѣмъ, чтобъ немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитріевна воспользовалась обстоятельствами и хоть капельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было-съ, а вы убиваетесь, — проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? Что такое было? — кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенько.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-съ . . .

— Да что такое бываетъ? Жилы вы изъ меня, что ли, тянуть хотите?

— Можетъ быть, вы, и въ самомъ дѣлѣ, видѣли это во снѣ-съ.

— Во снѣ? Я? Во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить, прямо въ глаза?

— Что жъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ такъ было, — отозвалась Фелисата Михайловна.

— Ну да, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ такъ было, — пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда же! Господи, Боже мой! — вскричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь, Марья Александровна! Вспомните-съ, что сны ниспосылаются Богомъ-съ. Ужъ коли Богъ захочетъ-съ, такъ ужъ никто какъ Богъ-съ, и на всемъ Его святая воля-съ лежитъ-съ. Сердиться тутъ ужъ нечего-съ.

— Ну да, сердиться нечего, — поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что ли? — едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было свыше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онѣ изъ приличія-съ въ обморокъ упали-съ, — шепнула Наталья Дмитріевна Аннѣ Николаевнѣ.

Но въ эту минуту, въ минуту высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо — и вся сцена немедленно измѣнилась въ своемъ характерѣ . . .

Глава XIV.

Зинаида Аѳанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романическаго характера. Не знаемъ, оттого ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ начиталась «этого дурака» Шекспира съ «своимъ учителишкой», но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романической, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, которую мы сейчасъ будетъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, посреди наставшаго вдругъ безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеніи, тотчасъ же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька! — сказала Зина, — къ чему обманывать? Къ чему еще ложью пятнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ унизительнаго труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! Что съ тобою? Опомнись, — вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ съ своихъ креселъ.

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣе, ма-

менька, что я не вынесу всего этого позора, — продолжала Зина. — Неужели же непремѣнно надо еще болѣе унижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайте, маменька, что я все возьму на себя, потому что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ согласіемъ, дала ходъ этой гадкой... интригѣ! Вы — мать; вы меня любите; вы думали по-своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня — никогда!

— Зина, неужели ты хочешь разсказывать?.. О, Боже! Я предчувствовала, что этотъ кинжалъ не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все разскажу! Я опозорена, вы... мы всѣ опозорены!..

— Ты преувеличиваешь, Зина! Ты внѣ себя и не помнишь, что говоришь! И къ чему же разсказывать? Тутъ смысла нѣтъ... Стыдъ не на насъ... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ...

— Нѣтъ, маменька, — вскричала Зина, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ: — я не хочу болѣе молчать передъ этими людьми, мнѣніе которыхъ презираю, и которые пріѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ: ни одна изъ нихъ не имѣетъ права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣютъ ли, могутъ ли онѣ быть нашими судьями?..

— Вотъ прекрасно! Вотъ какъ заговорила! Это что же! Это насъ обижаютъ! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и впрямь, сами не понимаютъ, что говорятъ-съ, — проговорила Наталья Дмитріевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитріевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ

дамъ достойными судить себя, зачѣмъ же было и выходить къ нимъ съ такою огласкою, съ такими признаніями? Вообще Зинаида Аѳанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, впослѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все бы могло быть исправлено! Все бы могло быть улажено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ своею поспѣшностью и заносчивостью. Стоило только насмѣяться надъ идіотомъ старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь, — сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула, — такъ поразила она его въ эту минуту! — Князь! Простите меня, простите насъ! Мы обманули, мы завлекли васъ . . .

— Да замолчишь ли ты, несчастная! — въ изступленіи вскричала Марья Александровна.

— Сударыня! Сударыня! Ma charmante enfant . . . — бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, порывистый и въ высшей степени мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностью. Она забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь: — маменька тѣмъ, что рѣшилась заставить васъ жениться на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пѣть и кривляться передъ вами. Васъ — слабаго, беззащитнаго, *облапошили,* какъ выразился Павелъ Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно

низко, и я каюсь въ этомъ. Но клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла... Но что я! Двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, если бъ и взяла отъ васъ что-нибудь, то была бы за это вашей игрушкой, служанкой, плясуньей, рабой... я поклялась и свято бы сдержала клятву мою!

Сильный горловой спазмъ остановилъ ее въ эту минуту. Всѣ гости какъ будто оцѣпенѣли и слушали, выпуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины сбила ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понималъ изъ того, что сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, ma belle enfant, если ужъ вы такъ хо-ти-те, — бормоталъ онъ — и это для меня будетъ боль-шая честь! Только, увѣряю васъ, что это былъ дѣйстви-тельно, какъ будто бы, сонъ... Ну, мало ли что я увижу во снѣ? Къ чему же такъ без-по-коиться? Я даже какъ будто ничего и не понялъ, mon ami, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову: — объясни мнѣ хоть ты пожалуй-ста...

— А вы, Павелъ Александровичъ, — подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову, — вы, на котораго я, одно время, рѣшилась было смотрѣть какъ на моего будущаго мужа, вы, который теперь мнѣ такъ жестоко отомстили, — неужели и вы могли примкнуть къ этимъ людямъ, чтобъ растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любили меня! Но не мнѣ читать вамъ нравоученія! Я виновнѣе васъ... Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давешнія доказательства были ложь и хитросплете-

нія! Я васъ никогда не любила, и если рѣшилась выйти за васъ, то единственно чтобъ хоть куда-нибудь уйти отсюда, изъ этого проклятаго города и избавиться отъ всего этого смрада . . . Но клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была бы вамъ доброй и вѣрной женой . . . Вы жестоко отмстили мнѣ, и если это льститъ вашей гордости . . .

— Зинаида Аѳанасьевна! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до сихъ поръ вы питаете ко мнѣ ненависть . . .

— Зинаида Аѳанасьевна!!

— Если когда-нибудь, — продолжала Зина, давя въ себѣ слезы: — если когда-нибудь вы любили меня . . .

— Зинаида Аѳанасьевна!!!

— Зина, Зина! Дочь моя! — вопила Марья Александровна.

— Я подлецъ, Зинаида Аѳанасьевна, я подлецъ и больше ничего! — скрѣпилъ Мозгляковъ, и все пришло въ ужаснѣйшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопанный, безъ мысли и безъ голосу . . .

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта, — близкій предѣлъ ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ, вначалѣ, обыкновенно самый энергическій. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бросаются на препятствія какъ-то зажмуривъ глаза, и всегда почти не по силамъ берутъ себѣ ношу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшен-

ный человѣкъ вдругъ какъ будто самъ себя испугается, останавливается, какъ ошеломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: «Что это я такое надѣлалъ?» Потомъ немедленно раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, проситъ прощенія, умоляетъ, чтобы все было по-старому, но только поскорѣе, какъ можно поскорѣе!.. Почти тоже самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣсившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣликомъ, приписывалъ теперь одному себѣ, насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя же возненавидѣвъ за это, онъ вдругъ остановился, убитый совѣстью, передъ неожиданной выходкой Зины. Послѣднія слова ея добили его окончательно. Перескочить изъ одной крайности въ другую было дѣломъ одной минуты.

— Я — оселъ, Зинаида Ѳеанасьевна! — вскричалъ онъ, въ порывѣ изступленнаго раскаянія. — Нѣтъ! Что оселъ? Оселъ еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу, Зинаида Ѳеанасьевна, я вамъ докажу, что и оселъ можетъ быть благороднымъ человѣкомъ!.. Дядюшка! Я обманулъ васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйствительно наяву дѣлали предложеніе, а я, я, подлецъ, изъ мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли все это во снѣ.

— Удивительно любопытныя вещи-съ открываются-съ, — прошипѣла Наталья Дмитріевна на ухо Аннѣ Николаевнѣ.

— Другъ мой, — отвѣтилъ князь: — ус-покойся, по-жа-луйста; ты меня, право, испугалъ своимъ крикомъ. Увѣряю тебя, что ты о-ши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ жениться, если ужъ такъ

на-до; но вѣдь ты самъ же увѣрялъ меня, что это было только во снѣ . . .

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня, какъ мнѣ увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная вещь, важнѣйшее фамильное дѣло! Сообразите! Подумайте!

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Постой же, дай мнѣ вспомнить все по порядку. Сначала я видѣлъ кучера Ѳе-о-фи-ла . . .

— Э! Не до Ѳеофила теперь, дядюшка!

— Ну да, положимъ, что теперь не до него. Потомъ былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ будто мы чай пили, и какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ поѣла . . .

— Но, дядюшка, — брякнулъ Мозгляковъ, въ затменіи ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна разсказывала давеча про Наталью Дмитріевну! Вѣдь я тутъ же былъ, я самъ это слышалъ! Я спрятался и смотрѣлъ на васъ въ дырочку . . .

— Какъ, Марья Александровна, — подхватила Наталья Дмитріевна, — такъ вы ужъ и князю разсказывали-съ, что я у васъ сахаръ украла изъ сахарницы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ѣзжу-съ!

— Прочь отъ меня! — закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ не прочь, Марья Александровна, вы этакъ не смѣете говорить-съ, а, стало быть, я у васъ сахаръ краду-съ? Я давно слышала, что вы про меня такія гнусности распускаете-съ. Мнѣ Софья Петровна подробно разсказывала-съ . . . Такъ я у васъ сахаръ краду-съ? . .

— Но, mesdames, — закричалъ князь, — вѣдь это было только во снѣ! Ну, мало ли что я вижу во снѣ? . .

— Кадушка проклятая, — пробормотала вполголоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушка-съ!—взвизгнула Наталья Дмитріевна. — А вы кто такая-съ? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-съ? У меня, по крайней мѣрѣ, мужъ у меня-съ, а у васъ-то дуракъ-съ...

— Ну да, я помню, была и ка-ду-шка, — пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давешній разговоръ съ Марьей Александровной.

— Какъ, и вы туда же дворянку бранить-съ? Какъ вы смѣете, князь, дворянку бранить-съ? Коли я кадушка, такъ вы безногіе-съ . . .

— Кто, я безногій?

— Ну да, безногіе-съ, да еще и беззубые-съ, вотъ вы какіе-съ!

— Да еще и одноглазый! — закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ вмѣсто реберъ-съ! — прибавила Наталья Дмитріевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣтъ-съ! . .

— И усишки-то, у дурака, накладные, — скрѣпила Марья Александровна.

— Да хоть носъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, настоящій!—вскричалъ князь, ошеломленный такими внезапными откровенностями. — Другъ мой! Это ты меня предалъ! Это ты разсказалъ, что волосы у меня нак-лад-ные . . .

— Дядюшка!

— Нѣтъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оста-ваться! Уведи ты меня куда-нибудь . . . quelle societè! Куда это ты завелъ меня, Бо-же мой?

— Идіотъ! Подлецъ! — кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой! — говорилъ бѣдный князь, — я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, но я сей-часъ воспом-ню. Уведи ты меня, братецъ, куда-ни-будь, а то меня растерзаютъ! При томъ же... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль...

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ же перевезу въ гостиницу, и самъ переѣду съ вами...

— Ну да, въ гос-ти-ницу. Adieu, ma charmante enfant... вы только одна... доб-родѣ-тельны. Вы бла-го-род-ная дѣвушка! Пойдемъ же, мой милый. О, Боже мой!

Но не стану описывать окончанія непріятной сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разъѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, наконецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! Сила, слава, значеніе, — все исчезло въ одинъ этотъ вечеръ. Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей попрежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ надъ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Что оставалось ей теперь? — философствовать? Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Зина обезчещена, сплетни пойдутъ безконечныя! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ, я долженъ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмѣльѣ досталось Аѳанасію Матвѣичу, который забился, наконецъ, куда-то въ чуланъ и въ немъ промерзъ до утра. Наступило, наконецъ, и утро, но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда никогда одна не приходитъ...

Глава XV.

Если судьба обрушится разъ на кого бѣдою, то ударамъ ея и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было одного вчерашняго позора и срама для Марьи Александровны! Нѣтъ! Судьба ей готовила побольше и получше.

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ распространился одинъ странный и почти невѣроятный слухъ, встрѣченный всѣми съ самою злобною и ожесточенною радостью, — какъ и обыкновенно встрѣчаемъ мы всѣ всякій необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ближнихъ. «До такой степени потерять стыдъ и совѣсть!» кричали со всѣхъ сторонъ, — «до такой степени унизиться, пренебречь всѣ приличія, до такой степени распустить всѣ узы!» и проч., и проч. Вотъ что, однакоже, случилось. Рано утромъ, чуть ли еще не въ седьмомъ часу, одна бѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, прибѣжала въ домъ Марьи Александровны и умоляла горничную какъ можно скорѣе разбудить барышню, одну только барышню, потихоньку, чтобъ какъ-нибудь не узнала Марья Александровна. Зина, блѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, цѣловала ихъ,

обливала слезами и молила сходить съ ней къ ея больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ труденъ, что, можетъ, и дня больше не проживетъ. Старуха говорила Зинѣ, рыдая, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, заклинаетъ ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что было прежде, и что если она не придетъ, то онъ умретъ съ отчаяніемъ. Зина тотчасъ же рѣшилась идти, несмотря на то, что исполненіе такой просьбы явно бы подтвердило всѣ прежніе, озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалезномъ ея поведеніи и проч. Не сказавшись матери, она накинула на себя салопъ и тотчасъ же побѣжала со старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, гдѣ стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій въ землю домишко, съ какими-то щелочками вмѣсто оконъ и обнесенный сугробами снѣга со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлой комнаткѣ, въ которой огромная печь занимала половину всего пространства, на досчатой, некрашеной кровати, на тонкомъ, какъ блинъ, тюфякѣ, лежалъ молодой человѣкъ, покрытый старой шинелью. Лицо его было блѣдное и изможденное, глаза блистали болѣзненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ палки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтно было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою, но болѣзнь исказила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или, вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха-мать, которая цѣлый годъ, чуть ли не до послѣдняго часа, ждала воскресенія своего Васиньки, уви-

дала, наконецъ, что онъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не наглядѣлась, и все-таки не могла понять, хоть и знала это, что чрезъ нѣсколько дней ея ненагляднаго Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ, подъ сугробами снѣга, на бѣдномъ кладбищѣ. Но Вася не на нее смотрѣлъ въ эту минуту. Все лицо его, исхудалое и страдальческое, дышало теперь блаженствомъ. Онъ видѣлъ, наконецъ, передъ собою ту, которая снилась ему цѣлые полтора года, и наяву, и во снѣ, въ продолженіе долгихъ, тяжелыхъ ночей его болѣзни. Онъ понялъ, что она простила его, явясь къ нему, какъ ангелъ Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, улыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами и, — и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердцѣ и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина, — говорилъ онъ, — Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя, — вотъ такъ, какъ теперь смотрю, — буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты просила меня, буду опять цѣловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ быть, не примѣтивъ смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангелъ ты мой, съ какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смѣялась? Помнишь... Ахъ, Зина, я не прошу у тебя прощенія, я и поминать не хочу о томъ, что было, — потому, Зиночка, потому, что хоть ты, можетъ быть, и простила

меня, но я самъ никогда себѣ не прощу. Ыли долгія ночи, Зина, безсонныя, ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежалъ и думалъ, долго, много передумалъ, и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, ей Богу, лучше!.. Я не годился жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? — продолжалъ больной. — О томъ, что я умираю, объ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно схоронено! Ты умнѣе меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенесть эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то сколько тутъ было, можетъ быть и благороднаго... не знаю! Ахъ, другъ мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толпу презиралъ, а чѣмъ я гордился передъ людьми? И самъ не знаю. Чистотой сердца, благородствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и выказалъ мою чистоту и благородство чувствъ...

— Полно, — говорила Зина, — полно!.. Все это не такъ, напрасно... ты убиваешь себя!

— Что ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты простила меня и давно, можетъ быть, простила, но ты судила меня и поняла — кто я таковъ; вотъ это-то меня мучаетъ. Недостоинъ я твоей любви, Зина! Ты и на дѣлѣ была честная и великодушная: ты пошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другого, и сдержала бы слово,

потому что у тебя слово не рознилось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла... Знаешь ли, Зиночка, что вѣдь я даже не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что, выйдя за меня, ты, можетъ быть, умерла бы съ голоду. Куда, и мысли не было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго, то есть), не хотѣлъ понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося повременить свадьбой, мучилъ тебя, тиранилъ, упрекалъ, презиралъ и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлецъ былъ въ ту минуту. Я просто былъ дрянь-человѣкъ! О, какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего бы я не понялъ изъ твоего пожертвованія, мучилъ бы тебя, истерзалъ бы тебя за нашу бѣдность; прошли бы года, — куда! — Можетъ быть и возненавидѣлъ бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, по крайней мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ! Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ, какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ... Я вѣдь знаю, что я недостоинъ любви твоей, но... но... о, ангелъ ты мой!

Во всю эту рѣчь Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливала. Но онъ не слушалъ ее; его мучило желаніе высказаться, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хриплымъ удушливымъ голосомъ.

— Не встрѣтилъ бы ты меня, не полюбилъ бы меня, такъ остался бы жить! — сказала Зина. — Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ

томъ, что я умираю, — продолжалъ больной. — Во всемъ я одинъ виноватъ! Самолюбія-то сколько тутъ было! Романтизма! Разсказывали ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видишь ли, былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ, но когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что больного не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настоялъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ началась такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну вотъ, ангелъ мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день... ну, знаешь, послѣ записки-то... и рѣшился такъ же погубить себя: но какъ бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? Почему я не удавился, не удавился? Побоялся скорой смерти? Можетъ быть и такъ, — но все мнѣ какъ-то мерещится, Зиночка, что и тутъ не обошлось безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будетъ, что вотъ я буду лежать на постели, умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки; сама придешь ко мнѣ съ повинною, упадешь предо мной на колѣни... Я прощаю тебя, умираю на рукахъ твоихъ... Глупо, Зиночка, глупо, не правда ли?

— Не поминай объ этомъ! — сказала Зина, — не говори этого! Ты не такой... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливомъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю. Полтора года я тебя не видалъ! Душу бы, кажется,

передъ тобой теперь выложилъ! Вѣдь все то время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенекъ, и, кажется, минуты не было, чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангелъ мой ненаглядный! И знаешь что, Зиночка? Какъ мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя перемѣнить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ больной грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, напримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ-нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить всѣ мои чувства, всю мою душу, такъ, что гдѣ бы ты ни была, я все бы былъ съ тобой, безпрерывно бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: «Нѣтъ! Онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!» Глупо, Зиночка, глупо, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, нѣтъ! — говорила Зина. Она припала къ нему на грудь и цѣловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется, я бы умеръ, если бъ услышалъ о твоей свадьбѣ! Я подсылалъ къ тебѣ, караулилъ, шпіонилъ . . . вотъ она все ходила — (и онъ кивнулъ на мать). — Вѣдь ты не любила Мозглякова, не правда ли, Зиночка? О, ангелъ мой! Вспомнишь ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но пройдутъ годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ, и забудешь ты меня, Зиночка! . .

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я не выйду и замужъ! . . Ты мой первый . . . всегдашній . . .

— Все умираетъ, Зиночка, все, даже и воспоминанія!.. И благородныя чувства наши умираютъ. Вмѣсто нихъ наступаетъ благоразуміе. Что жъ и роптать! Пользуйся жизнью, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби другого, коль полюбится, — не мертвеца же любить! Только вспомни обо мнѣ, хоть изрѣдка; худого не вспоминай, прости худое; но вѣдь было же и въ нашей любви хорошее, Зиночка! О, золотые, невозвратные дни... Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечернiй, закатный часъ! Вспомни обо мнѣ, когда-нибудь, въ этотъ часъ! О, нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О, какъ бы я хотѣлъ теперь вновь ожить! Вспомни, другъ мой, вспомни, вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило, цвѣли цвѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ насъ... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшею рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали истерзанную грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его, какъ могла, но ея душа страдала до смерти. Она говорила, что не забудетъ его и что никогда никого не полюбитъ такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, цѣловалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять посылала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно въ общемъ мнѣніи. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама идти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую ком-

нату, она, почти на колѣняхъ, умоляла ее «отстранить этотъ послѣдній и главный кинжалъ отъ ея сердца». Зина вышла къ ней больная; голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маменьку. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому что Зина рѣшилась ночевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но больному становилось все хуже и хуже. Насталъ и еще день, но уже не было надежды, что страдалецъ переживетъ его. Старуха-мать была какъ безумная, ходила какъ будто ничего не понимая, подавала сыну лѣкарства, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать. Агонія его длилась долго. Онъ уже не могъ говорить, и только безсвязные, хриплые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами, и когда уже свѣтъ началъ меркнуть въ его глазахъ, онъ все еще, блуждающею, невѣрною рукою искалъ руку ея, чтобъ сжать ее въ своей. Между тѣмъ короткій зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконце маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучемъ изъ изможденнаго тѣла. Старуха-мать, увидя, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненагляднаго Васи, всплеснула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвецу.

— Это ты, змѣя подколодная, извела его! — закричала она въ отчаяніи Зинѣ. — Ты, разлучница проклятая, ты, злодѣйка, его погубила!

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ какъ обезумѣвшая. Наконецъ, наклонилась передъ нимъ, перекрестила, поцѣловала

его и машинально вышла изъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти безсонныя ночи чуть чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошедшее какъ бы оторвалось отъ ея сердца, и началась новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не прошла она десяти шаговъ, какъ Мозгляковъ какъ будто выросъ передъ нею изъ-подъ земли; казалось, онъ нарочно поджидалъ на этомъ мѣстѣ.

— Зинаида Аѳанасьевна, — началъ онъ какимъ-то боязливымъ шепотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому что еще было довольно свѣтло, — Зинаида Аѳанасьевна, я, конечно, оселъ! То есть, если хотите, я ужъ теперь и не оселъ, потому что, видите ли, все-таки поступилъ благородно. Но все-таки я раскаиваюсь въ томъ, что я былъ оселъ . . . Я, кажется, сбиваюсь, Зинаида Аѳанасьевна, но . . . вы извините, это отъ разныхъ причинъ . . .

Зина почти безсознательно посмотрѣла на него и, молча, продолжала свою дорогу. Такъ какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не сторонилась, то Павелъ Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ подлѣ нея внизу, безпрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Аѳанасьевна, — продолжалъ онъ, — я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Аѳанасьевна, весь позоръ, и готовъ простить; но только съ однимъ условіемъ покамѣстъ мы здѣсь — все останется втайнѣ. Вы уѣдете отсюда, какъ можно скорѣе; я — потихоньку вслѣдъ за вами; обвѣнчаемся гдѣ-нибудь въ глуши, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сей-

часъ въ Петербургъ, хотя бы и на перекладныхъ, такъ, чтобъ съ вами былъ только маленькій чемоданчикъ... а? Согласны, Зинаида Ѳванасьевна? Скажите поскорѣе! Мнѣ нельзя дожидаться; насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозглякова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ же все понялъ, снялъ шляпу, раскланялся и исчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

«Какъ же это», — подумалъ онъ: — «третьяго дня еще вечеромъ она такъ расчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно, день на день не приходитъ!»

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту же ночь и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Калистъ Станиславовичъ почти не отходилъ отъ больного. Къ вечеру составился консиліумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были по-латыни. Но, несмотря на латынь, князь совсѣмъ уже потерялъ память, бредилъ, просилъ Калиста Станиславовича спѣть ему какой-нибудь романсъ, говорилъ про какіе-то парики; иногда какъ будто чего-то пугался и кричалъ. Доктора рѣшили, что отъ мордасовскаго гостепріимства у князя сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (вѣроятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключили же тѣмъ, что князь давно уже былъ предположенъ умереть, а потому непремѣнно умретъ. Въ послѣднемъ они не ошиблись,. потому что бѣдный старичокъ, на третій же день къ вечеру,

померъ въ гостиницѣ. Это поразило мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серьезнаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостиницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще неубранное, судили, рядили, кивали головами и кончили тѣмъ, что рѣзко осудили «убійцъ несчастнаго князя», подразумѣвая подъ этимъ, конечно, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандалезности, можетъ получить непріятную огласку, пойдетъ, пожалуй, еще въ дальнія страны и, — чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны и, наконецъ, голова у него закружилась. — Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной. — Дѣйствительно, положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостиницу, а теперь не зналъ, что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать? Везти ли тѣло въ Духаново? Къ тому же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. «Пожалуй, еще дѣло отзовется въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ!» — думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта: всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертваго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро перемѣнилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ въѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ мигомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шепотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и оконъ, когда онъ проѣхалъ по Большой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Ми-

хайловичъ немного какъ будто бы струсилъ и не зналъ, какъ быть съ пріѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетиловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничьихъ эполетахъ и въ аксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какой-то необыкновенный страхъ отъ этихъ аксельбантовъ. Полицеймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно; физически же онъ явился на-лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ же узнали, что князь Щепетиловъ ѣдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Духаново. Не заставъ же въ Духановѣ никого, полетѣлъ вслѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ громомъ, поразила его смерть старика, и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужныя объясненія; да и всѣ въ Мордасовѣ смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому же у пріѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось бы, нельзя быть недовольному наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ же взялся за дѣло самъ, лично; Мозгляковъ же немедленно и постыдно стушевался передъ настоящимъ, несамозваннымъ племянникомъ и исчезъ — неизвѣстно куда. Рѣшено было немедленно перенесть тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія пріѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ тактомъ и приличіемъ. На-завтра весь городъ собрался въ монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространился нелѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣняхъ передъ гробомъ, будетъ громко испра-

шивать себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ церковь. Мы и забыли сказать, что, тотчасъ по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ же вечеръ рѣшилась переѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ оставаться въ городѣ. Тамъ тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посылала на развѣдки узнавать о пріѣзжемъ лицѣ и все время была въ лихорадкѣ. Дорога изъ монастыря въ Духаново проходила менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ окошекъ ея деревенскаго дома, — и потому Марья Александровна могла удобно разсмотрѣть длинную процессію, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново послѣ отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дрогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣлоснѣжномъ полѣ эти мрачныя дроги, везомыя тихо, съ подобающимъ величіемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она переѣхала въ Москву, съ дочерью и Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяцъ узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. Итакъ, Мордасовъ навѣки терялъ такую комъ-ильфотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злоязычія. Стали, напримѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ... Прошелъ годъ, другой, и о Марьѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда ведется на свѣтѣ! Разсказывали, впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и переѣхала въ другой губернскій

городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до сихъ поръ не замужемъ, что Аѳанасій Матвѣичъ... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи; все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я дописалъ послѣднюю строчку перваго отдѣла мордасовской лѣтописи, и кто бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись и прибавить еще одно извѣстіе къ моему разсказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Мозглякова. Стушевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ всѣ мордасовскія событія, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ Островѣ и въ Галерной гавани, жуировалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлалъ предложеніе, съѣлъ еще разъ отказъ и, не переваривъ его, по вѣтренности своего характера и отъ нечего дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего безбрежнаго отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, навѣрно не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала всѣ лѣса и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія, явилась въ главномъ городѣ «отдаленнѣйшаго края» къ генералъ-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и строгій генералъ, старый воинъ, израненный въ сраженіяхъ, съ двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всѣхъ составлявшихъ ее чиновниковъ

къ себѣ на балъ, дававшійся въ тотъ же самый вечеръ, по случаю имянинъ генералъ-губернаторши. Павелъ Александровичъ былъ этимъ очень доволенъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развязно вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ же немного осѣлъ, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эполетъ и статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться генералъ-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ и брилліантахъ, гордая и надменная. Она совершенно не узнала Павла Александровича. Ея взглядъ небрежно скользнулъ по его лицу и тотчасъ же обратился на кого-то другого. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ и въ толпѣ столкнулся съ одинъ робкимъ молодымъ чиновникомъ, который какъ будто пугался самого себя, очутившись на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Павелъ Александровичъ немедленно принялся его разспрашивать и узналъ чрезвычайно интересныя вещи. Онъ узналъ, что генералъ-губернаторъ уже два года какъ женился, когда ѣздилъ въ Москву изъ «отдаленнаго края»; и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу, изъ знатнаго дома. Что генеральша «ужасно хороши *изъ себя-съ*, даже, можно сказать, первыя красавицы-съ, но держатъ себя чрезвычайно гордо, а танцуютъ только съ одними генералами-съ», — что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ, своихъ и пріѣзжихъ, девять, включая въ то число и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, «у генеральши есть ма-

менька-съ, которая и живетъ вмѣстѣ съ нею, и что эта маменька-съ пріѣхала изъ самаго высшаго общества-съ и очень умны-съ»; — но что и сама маменька безпрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генералъ-губернаторъ не наглядится и не надышится на свою супругу. Мозгляковъ заикнулся было объ Аѳанасіи Матвѣичѣ, но въ «отдаленномъ краю» о немъ не имѣли никакого понятія. Ободрившись немного, Мозгляковъ прошелся по комнатамъ и вскорѣ увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣеромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько припадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, повидимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгляковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немного какъ будто вздрогнула, но тотчасъ же, почти мгновенно, оправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича; спросила о его петербургскихъ знакомствахъ, спросила отчего онъ не за границей? Объ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, произнеся имя какого-то петербургскаго важнаго князя и освѣдомясь о его здоровьѣ, хотя Мозгляковъ и понятія не имѣлъ объ этомъ князѣ, она незамѣтно обратилась къ одному подошедшему сановнику въ душистыхъ сѣдинахъ и черезъ минуту совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозгляковъ воротился въ большую залу. Неизвѣстно почему, считая себя уязвленнымъ и даже оскорбленнымъ, онъ рѣшился не танцовать. Угрюмо-разсѣянный

видъ, ѣдкая мефистофелевская улыбка не сходила съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колоннѣ (зала, какъ нарочно, была съ колоннами) и въ продолженіе всего бала, нѣсколько часовъ сряду, простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя своими взглядами Зину. Но увы! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, разочарованный видъ и проч., и проч., все пропало даромъ. Зина совершенно не замѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ же онъ остаться ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго, — воротился отъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое же утро представилась какая-то командировка, и Мозгляковъ, съ наслажденіемъ, выпросилъ ее себѣ. Онъ даже освѣжился душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ, пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ ослѣпительною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рьяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ копытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.